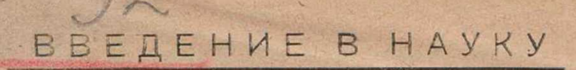
С. А. ЖЕБЕЛЕВ

ВВЕДЕНИЕ В АРХЕОЛОГИЮ

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

„НАУКА И ШКОЛА“
ПЕТРОГРАД
1923

ВВЕДЕНИЕ В НАУКУ

С. А. ЖЕБЕЛЕВ

ВВЕДЕНИЕ В АРХЕОЛОГИЮ

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

„НАУКА И ШКОЛА“
ПЕТРОГРАД
1923

Главлит № 437. Тираж 1000.

Военная типография Штаба Р.-К. К. А. (Площадь Урицкого 10).

ПАМЯТИ
Владимира Константиновича
МАЛЬМБЕРГА

Предисловие.

Введение в археологию преследует те же задачи, что и составленные мною для общей серии „Введение в науку" книжки по истории древних Греции и Рима: представить обзор основных проблем, вопросов и направлений археологической науки, определить ее содержание, дать наиболее существенные библиографические указания. Относительно последних должен теперь же предупредить читателя о следующем. При указании археологической литературы на иностранных языках я, считаясь с ее обширностью, придерживался такого правила: а) указывал сочинения, хотя и устаревшие, но, в свое время, являвшиеся руководящими; б) из сочинений, не утративших значения и теперь, отмечал наиболее важные; в) приводил указания на все такого рода сочинения и справочные пособия, в которых имеются подробные и обстоятельные библиографические данные в виде ссылок как на источники, так и на литературу предмета. При помощи этих библиографических данных каждый читатель сам в состоянии будет выбрать то, что является для него наиболее нужным, важным и интересным. При указании русской археологической литературы об особенной экономии я не заботился и приводил то, чем располагал, считаясь с тем, что археологические работы, написанные по-русски, сравнительно в очень редких случаях упоминаются в иностранной литературе, мало же мальски систематической библиографии русской археологической литературы не существует. Тем не менее, даваемые мною сведения о русских археологических изданиях, книгах и статьях далеко не претендуют даже на относительную полноту, выбор же их более или менее суб'ективен, за что я несу полную ответственность.

Введение в археологию не является ни обычного типа учебным руководством, ни справочным пособием. Для того, чтобы стать первым, оно должно было бы быть гораздо более пространным и содержательным; для того, чтобы стать вторым, ему следовало бы быть значительно более полным, особенно в своей библиографической части. Между тем, как всем хорошо известно, знакомство наше с археологической литературой, появившейся за военное и по-

следующее время, случайного характера. При таких обстоятельствах пришлось отказаться от мысли дать сведения о новейших явлениях в области археологической литературы и ограничиться очень немногими случайными указаниями, сообщением за которые автор обязан любезности своих коллег, главным образом, О. А. Добиаш-Рождественской. И за полноту археологической литературы, появившейся за последние годы на русском языке, автор также слагает с себя ответственность: он мог воспользоваться только тем, что̀ ему, более или менее случайно, становилось известным. От недавней войны и вызванного ею потрясения все пострадало; пострадала, конечно, и наука. А из всех наук, как правильно было недавно отмечено в одном журнале, едва ли не пострадала всего больше археология, „столь зависимая всегда от нормальных международных связей“.

Невольно возникает вопрос: своевременно ли и целесообразно ли было, при создавшихся условиях, составлять введение в археологию? Смею дать на этот вопрос ответ утвердительный. Я твердо убежден, что 1 августа 1914 г. проведена была демаркационная линия между прошлым и будущим в жизни культурного человечества, что возврата к прошлому нет и быть не может. Как сложится будущее, гадать бесполезно; людям моего поколения не суждено это будущее узреть и оценить. Эта задача выпадет на долю, главным образом, теперешнего молодого поколения. Работа людей моего поколения прошла в прошлом, и мы должны дать отчет в этом прошлом, каждый по своей специальности, отчет как самим себе, так и тем, кто идет и пришел уже нам на смену. Своим отчетом о прошлом мы обязаны, по мере сил и умения, помочь им в их настоящей и будущей работе. И вот, этому-то „помочь“ и предназначено, прежде всего, служить введение в археологию. Оно основано исключительно на тех данных, которые накоплены и продуманы были автором до 1914 г., а систематизированы преимущественно после этого года. Но не только это соображение заставило меня не отказаться от давно задуманного намерения составить введение в археологию. Было и иное соображение, которое основывалось на убеждении, сложившемся у меня, в результате многолетней практики университетского преподавателя, о главной роли этого последнего. Я—правильно или неправильно, другой вопрос—стою на той точке зрения, что невозможно вообще научить науке другого. Всякий должен сам изучать науку. Обязанность же того, кто является более сведущим и более опытным в науке, заключается в том, чтобы руководить занятиями „другого“ и, по мере возможности, направить и облегчить эти занятия указаниями и теоретического и практического свойства. Выступая в роли

такого—пожалуй, и непрошенного—руководителя и помощника, я не считаю себя очень виновным в том, что сам, за последние годы, в силу обстоятельств, „отстал“ от новейшей археологической литературы. Если бы даже последняя и была мне доступна, все же, думается, она не изменила бы в чем-либо существенном того фундамента, на котором мое введение построено. Ведь в нем я имею в виду сообщить только „элементы“ археологической науки, которые, независимо от новейшей археологической литературы, остаются, да, вероятно, и останутся еще на ближайшее, по крайней мере, время незыблемыми в своих основах. Эти „элементы“—им посвящена, главным образом, вторая часть введения, хотя кое-что из вопросов, касающихся теории и практики археологии, затронуто и в первой части, исторической,—при помощи тех библиографических указаний, какие в книге приводятся, помогут желающему „войти“ в изучение археологии, устроить самому себе занятия так, как он сочтет это наиболее для себя пригодным и целесообразным.

Приходится коснуться еще одного—щекотливого—обстоятельства: pro domo mea. Книга моя, как показывает ее заглавие, претендует на то, чтобы служить введением в археологию вообще. А имею ли я на это право? Ведь, по ходу своих работ и занятий, я мог бы считать себя „дома“ лишь в одном из отделов археологии—в археологии Эллады и Рима, т. е. классической. Чтобы, если не оправдать себя в столь дерзком и недопустимом, для всякого ученого, поступке, как вторжение в те области, где этот ученый не чувствует себя компетентным, то, хотя бы, об‘яснить свою дерзкую решимость, я вынужден сослаться на два соображения.

Одно из них, к счастью, вполне об‘ективного характера и, как таковое, имеет для автора решающее значение. Соображение это зиждется на том, что вся, сложная теперь, археологическая дисциплина, со всеми ее разветвлениями, выросла—с этим вряд ли кто будет спорить—на тех основах, на которых сформировалась археология классическая. Те методы, которые вырабатывались в классической археологии, постепенно были переносимы и усваиваемы прочими отделами археологической науки, так что, при обсуждении почти всех вопросов, касающихся теории и практики археологии, приходилось и приходится исходить из данных, доставляемых археологиею классическою, ранее и прочнее других отделов археологии сформировавшейся и укрепившейся. И в археологии „классицизм“ сыграл ту же роль, что̀ и в истории, и в филологии, и в лингвистике. Каждый из отделов, входящих в состав этих дисциплин, пошел в своем развитии своею дорогою, но каждый

из них, вместе с тем, отправлялся, как от исходного пункта, от греческой и римской истории, греческой и римской—классической—филологии, греческого и римского языкознания и пр. Это соображение давало автору смелость надеяться, что его введение, построенное на данных, главным образом, классической археологии, может принести, хотя бы некоторую пользу всем лицам, желающим „войти" в изучение любого отдела археологии, в зависимости от интересов каждого из них. Исполненную автором работу он в праве назвать „первым опытом", так как в тех рамках, в каких введение задумано, у автора предшественников не было. Уже одно это дает ему право рассчитывать на снисхождение за допущенные им промахи и ошибки.

Другое соображение—характера суб'ективного. Оно побуждает автора просить снисходительного читателя уделить несколько минут времени на то, чтобы ознакомиться со страничкой ученой автобиографии автора введения.

В годы студенчества я стоял далеко от занятий археологией, даже классической. Зато сразу, по окончании университетского курса, волею судеб, близко столкнулся с археологией и ее представителями. Уже в начале 1891 г. я получил доступ к богатейшему собранию археологической литературы, поскольку она сосредоточена в библиотеке университетского Музея Древностей. Разумеется, всех книг, находящихся в этой библиотеке, я не прочитал, но каждую из них я имел возможность хотя бы подержать в своих руках, перелистовать. Свою преподавательскую деятельность я начал в Центральном училище технического рисования бар. Штиглица, где, в течение 13 лет, состоял преподавателем истории быта не только древнего, но и средневекового и эпохи Возрождения и русского. Эти занятия заставляли меня постоянно обращаться к памятникам искусства и старины, на которых бытовая история преимущественно основывается. Еще глубже мне пришлось „окунуться" в археологию в те одиннадцать лет, когда я состоял профессором истории искусств в Академии Художеств, где, в течение двух лет, когда тяжело был болен мой коллега по преподаванию, покойный мой друг А. И. Щукарев, я читал лекции по истории искусства не только классического, но и средневекового и эпохи Возрождения. Наконец, с конца 1894 г. и вплоть до минувшего лета, я стоял в самых тесных отношениях к Русскому Археологическому Обществу и ко всем его деятелям и принимал в жизни Общества самое близкое участие, в качестве члена Совета, секретаря Отделения археологии древне-классической, византийской и западно-европейской, редактором „Трудов" и „Записок" которого был в течение более 20 лет. Благодаря этой редакторской работе

многому я научился, равно как много полезных сведений приобрел я также при редактировании всех статей, относящихся к области изящных искусств и археологии, помещенных в 29 томах „Нового Энциклопедического Словаря“ Брокгауза-Ефрона. Так, в течение всей после-университетской жизни, судьба приковывала меня все время, так или иначе, к археологии и стоящей с ней в тесной связи истории искусств. Все это давало мне смелость и в моей университетской преподавательской деятельности неоднократно об‘являть курсы на темы, связанные с классическою археологиею. Свою вступительную лекцию я читал на тему „Классическая археология, как предмет университетского преподавания“, а мой первый университетский курс был посвящен, как раз, введению в классическую археологию.

Но, конечно, неизмеримо важнее и ценнее для моего археологического образования, чем занятия в Музее Древностей, работа в качестве редактора, преподавательская деятельность, ознакомление с главными заграничными и русскими музеями, было то, что я постоянно поддерживал ученые связи со многими русскими археологами. Судьба послала мне неиз‘яснимое счастье пользоваться, в течение 30 лет, самым близким общением с такими русскими археологами, как Н. П. Кондаков, покойные И. И. Толстой, Я. И. Смирнов, Вл. К. Мальмберг. В всегда интересных и плодотворных, касающихся самых разнообразных тем и вопросов, беседах с ними об археологии и истори искусства, я прошел — правильнее сказать, должен был пройти—достаточную „археологическую школу“. И если—как покажет читателю и настоящее введение—из меня выработался заурядный археолог, то виноваты тут не учителя, а ученик.

С. Жебелев.

Январь 1923 года.

I.

1. Платон в своем диалоге „Гиппий Больший“ (p. 258 D) спрашивает, устами Сократа, софиста Гиппия, о чем лакедемоняне слушали Гиппия с особенным удовольствием, и получает такой ответ: „О родословиях героев и людей, о переселениях, т. е. о том, как в старину основывались города, и вообще о всей археологии“ (πάσης τῆς ἀρχαιολογίας). Это первое упоминание в памятниках письменности термина „археология“. Употребляется он, однако, Платоном не в том значении, какое ему усвоятся теперь, а в гораздо более широком: из контекста ясно видно, что под термином „археология“ Платон разумеет рассказы, или исследования обо всем, имеющем отношение к прошлому, притом к отдаленному прошлому, о седой старине, противополагаемой близкому прошлому. Понятие „старина“ взято у Платона безотносительно к тому, в чем старина находит свое внешнее выражение—в памятниках ли слова человеческого, или в произведениях рук человеческих, или вообще в каких бы то ни было остатках, имеющих отношение к отдаленному прошлому. Употребленный Платоном термин „археология“ мы должны были бы перевести, по аналогии с такими терминами, как „геология“—наука о земле, „зоология“—наука о животных (правильнее: о живых существах) и т. п., просто как „наука о старине“.

В эпоху императора Августа термин „археология“ получает более определенное значение, и область представлений, с ним связанная, является уже более ограниченною. Писатели Августова времени пользуются термином „археология“ для обозначения древнейшего периода истории того или иного народа. Диодор Сицилийский говорит об „эллинских археологиях“ (I, 4), причем понимает под ними историю Греции до Троянской войны,—события, бывшего в глазах древних историков, первым историческим событием. Таким образом, Диодор с понятием „археология“ связывает то представление, которое мы применяем теперь к понятию „доисторический период“, „первобытная история“ и т. п. Историк и географ Страбон (XII, p. 565) заявляет, что остров Скирос прославили, главным образом, его „археологии“, т.-е. его древнейшая история.

Дионисий Галикарнасский, задавшийся целью изложить своим соплеменникам, грекам, начало и постепенное развитие могущества римского государства до возникновения Пунических войн, назвал свое произведение „Римской археологией“, понимая под „археологией“ вообще первобытную, начальную историю Рима, и обозначая последнюю даже термином „археологическая история“ (I, 74). По образцу Дионисия Галикарнасского, иудейский писатель, современник разрушения Иерусалима в 70 г. по Р. Х., Флавий Иосиф, озаглавил свой труд, в котором давалось изложение судеб иудейского народа от сотворения мира до Нерона, „Иудейская археология“.

Итак, греческие писатели понимали под археологиею изучение всего, относящегося к далекому прошлому, не имеющего непосредственного отношения к настоящему. Сюда входила вся древнейшая история народа, или государства, как внешняя, так и внутренняя; сюда же, под понятие „старина“, должны были подходить и всякого рода вещественные ее памятники.

В римской письменности термину „археология“ соответствовал термин antiquitates „древности“, вошедший в обиход со времени, в особенности, Варрона (I в. до Р. Х.), которым написано было сочинение под заглавием „Antiquitates humanae et divinae“, где шла речь о древнейших римских государственных и религиозных установлениях и обычаях. У римлян же создался и термин „антикварий“ (antiquarius), обозначавший собою вообще любителя всякого рода старины, во всех ее видах и формах. Позже, особенно в Средние века, „антикварием“ стали называть человека, умеющего искусно переписывать древние рукописи. Но уже с эпохи Возрождения „антиквариями“ назывались любители и исследователи памятников вещественной старины, преимущественно классической. Первым „антикварием“ в таком смысле был, повидимому, Кириак (или Чириако) Анконский, итальянский гуманист первой половины XV в., родоначальник, или один из родоначальников и основоположников археологии в теперешнем ее понимании. Наблюдения и впечатления Кириака, вынесенные им из его путешествий по Греции, Малой Азии и Египту, изложены были в его путевом дневнике, озаглавленном „Записки о старине“ (Antiquarum rerum commentarii), снабженном также и рисунками некоторых античных памятников.

Современник первых великих гуманистов, Кола ди Риенци, в своих смелых планах возрождения Римской республики, очень интересовался античными памятниками Рима и положил начало их охране. Тогда же гуманисты стали собирать попадавшиеся там и сям древние надписи, а один из них, Помпоний Лэт, организовал на

Квиринале, в Риме, в 1478 г., Академию „антиквариев“—своего рода прообраз имевших появиться, правда, много позднее археологических академий, институтов и обществ. Римскою стариною, преимущественно монументальною, стали живо интересоваться художники, напр., архитекторы Брунеллески и Л. Б. Альберти, скульптор Гиберти и др.

XVI век, век „Высокого Ренессанса“, и в области искусства и в области гуманитарных знаний вообще, представлял богатую почву для развития антикварных занятий, направленных, главным образом, в сторону великого прошлого Рима. Открытое в конце еще предшествовавшего века, в библиотеке Сан-Галленского монастыря, сочинение римского архитектора Витрувия (см. ниже), где давалась теория и, отчасти, история древней архитектуры, оказало большое влияние на итальянских архитекторов XVI в., особенно Виньолу и Палладио, пытавшихся, на основании данных, сообщаемых Витрувием, воскресить прошлое в настоящем. Самое исследование римской, по преимуществу, старины получило значительный толчок вперед, благодаря все увеличивавшимся и увеличивавшимся находкам памятников этой старины, поведшим, в свою очередь, и к первым собраниям ее. Антикварные занятия встретили большую поддержку в лице тонкого ценителя искусства, папы Льва X, который поручил верховный надзор за остатками античной скульптуры Рафаэлю, энергично принявшемуся за порученное ему дело. С этого времени художники вообще стали проявлять оживленный интерес к памятникам старины. Одни из них, и итальянцы и иноземные художники, приехавшие в Италию с севера, зарисовывали в свои альбомы сохранившиеся памятники прошлого. Другие воспроизводили античные памятники в гравюре, достигая в этом отношении иногда высокого художественного совершенства. Уже во второй половине XVI в. стали появляться издания, содержащие воспроизведения римских памятников. Таковыми были, например, альбомы Лафрери (Lafréry, Speculum Romanae magnificentiae), Кавальери (Cavallieri, Antiquae Statuae Urbis Romae) и пр. Главная заслуга таких малоценных, впрочем, и в научном и в художественном отношениях, альбомов заключалась в том, что они способствовали распространению интереса к старине среди широких слоев публики. Находились, однако, люди, которые уже тогда понимали, какое важное значение имеет возможно точное воспроизведение памятников старины, и некоторые старались достигнуть здесь наивозможного совершенства. Особенно широкую известность снискал тут уроженец Нидерландов, Пигий (Pighius), который, за время своего долголетнего пребывания в Италии, затем в Германии, исполнил много рисунков с памятников старины в хороших ко-

ниях, давших много ценных сведений при последующих занятиях ими. Наконец, большую услугу изучению старины оказало и то, что, уже с начала XVI в., памятники ее, рассеянные там и сям на почве Рима, стали более или менее систематически собираться и помещаться в особых собраниях. Этим положено было начало будущему развитию музеев.

2. По сравнению с широким и оживленным интересом к памятникам старины, какой характеризует XVI в., следующее столетие дало сравнительно мало. В производившихся тогда—и не в малом количестве—антикварных исследованиях не видно планомерности. Интерес не сосредоточивается на чем-нибудь определенном; во всяком случае, интересы мелочные, детальные, преобладают над интересами существенными, более или менее крупными. Среди многих лиц, тративших не мало сил и времени и на поиски и на изучение памятников старины, немного можно указать таких, труды которых для последующего времени не пропали бы даром. Рим и в XVII в. продолжал, попрежнему, стоять во главе антикварных занятий и интересов. Количество вновь открываемых памятников старины увеличивалось, новые собрания их росли, причем они стали принимать характер настоящих больших музеев. В самом начале XVIII в. папа Климент XI, происходивший из фамилии Альбани, устроил в восточной части Капитолийского дворца, насупротив так называемого Дворца Консерваторов (Palazzo dei Conservatori), где хранились найденные ранее памятники римской старины, новый музей, Капитолийский (Museo Capitolino), получивший дальнейшее развитие и блестящее убранство при преемниках Климента XI. Много услуг антикварным занятиям в Риме оказала шведская королева Христина. Перейдя в католичество, она, в течение двадцати лет, проживала в Риме и находилась в постоянном общении с наиболее значительными учеными и художниками того времени. Между прочим, в средине XVII в., группою художников исполнено было очень много рисунков с памятников римской старины для Кассиано дель Поццо; эти рисунки, образовавшие, в конечном результате, огромный альбом, состоявший из 23 фолиантов, хранятся, в настоящее время, в значительной своей части, в Виндзоре и использованы были, и то отчасти, для строго научных занятий лишь в XIX в.

Мало-по-малу антикварные интересы начали выходить и за пределы Вечного Города. Стала привлекать к себе внимание древняя Этрурия (теп. Тоскана). В 30-х годах XVIII в. флорентийский исследователь Гори (Gori) издал замечательный труд, посвященный ее древностям („Museum Etruscum“). В Верхней Италии, в то же время, работали Муратори над собиранием надписей, Маффеи и Па-

чиауди—предметов старины. К сожалению, вся эта антикварная работа производилась без определенного плана, единоличными силами и обусловлена была интересами и вкусами отдельных лиц. Это не была работа, в строгом смысле слова, ученая, но работа дилеттантская: в ней было много искреннего воодушевления, непочатый запас энергии, но почти совершенно отсутствовал какой-либо научный фундамент.

3. Он был заложен в той стране, которая в XVII в. играла руководящую роль в науках гуманитарных вообще—в Нидерландах, где интерес к научному обследованию памятников старины пробудился отчасти под влиянием знакомства с памятниками ее италийского происхождения, отчасти благодаря местным находкам. Из Нидерландов интерес к антикварным занятиям перёшел в Англию, король которой, Карл I, должен быть признан одним из самых тонких ценителей и ревностных собирателей—из числа монархов—памятников искусства и старины. В его царствование граф Томас Арундель положил начало блестящему собранию памятников скульптуры из мрамора, носящему его имя („Marmora Arundeliana“), значительная часть которых хранится теперь в Оксфорде. В качестве воспитателя своего сына Арундель вызвал из Голландии известного ученого своего времени, Франциска Юния (Junius), который, по желанию Арунделя, приступил к составлению обширного „Каталога художников“ (Catalogus artificum). Впервые в этом труде, к которому Юний присоединил еще рассуждение „О живописи древних“ (De pictura veterum), не только были собраны все свидетельства из древних писателей, касающиеся памятников искусства, но они были подвергнуты и критическому анализу, чем заложен был фундамент для будущей истории античного искусства.

Особое положение между Италией, с одной стороны, и северными странами — с другой заняла по отношению к памятникам старины Франция. Здесь мы встречаем, наряду с интенсивною и охватывающею широкие области работою отдельных ученых, и практическую организацию в виде об‘единенной деятельности, причем, благодаря политической роли, какую играла тогда Франция, оказалось возможным привлечь в сферу научного обследования и культурное достояние, оставленное новой Европе классическим Востоком. Из числа отдельных французских ученых, много и с успехом потрудившихся над изучением далекого прошлого, нужно поставить па первом месте провансальского уроженца, Клода Пейреска (Claude Peiresq). В начале XVII в. Пейреск много путешествовал по Италии, Англии, Нидерландам, завязал связи с тамошними учеными и любителями старины, находился в оживленной переписке с Рубенсом и другими выдающимися лицами своего вре-

мени. Обладая тонко развитым художественным вкусом, Пейреск, вместе с тем, представлял собою и незаурядного ученого, отличавшегося удивительною трезвостью мысли. Он первый, можно сказать, вполне ясно понял все важное значение вещественных памятников прошлого, не делая между ними какого-либо различия в зависимости от того, принадлежат ли они к памятникам „большого“ или „мелкого“ искусства. Пейреск первый указал на важное значение точного обмера памятников архитектуры, точных копий памятников скульптуры в гипсовых их слепках. С одинаковым рвением собирал Пейреск памятники старины родного Прованса, Италии, греческого Востока, в том числе Египта и Месопотамии. Он пробовал даже разбирать иероглифы и клинопись. К сожалению, всю массу своих знаний и практической опытности Пейреск не удосужился, или не пожелал, изложить в виде какого-либо общего, связного труда, для которого обильные материалы должно было доставить оставленное им богатое ученое наследие, хранящееся ныне в библиотеке в Карпантра (Carpentras).

Поколением спустя после Пейреска (ум. в 1637 г.) выступил на ученое поприще Жан Спон (Spon), уроженец Лиона. Это был человек чрезвычайно разносторонних интересов, восторженный поклонник старины, неутомимый исследователь. Свою первоначальную профессию врача Спон скоро променял на занятия ученого антиквария. Сначала он заинтересовался древностями Лиона, а затем, в 70 гг. XVII в., все свое внимание обратил на Восток, в частности на Грецию. В сопровождении нескольких англичан, Спон посетил многие из островов Архипелага, Константинополь, Смирну, Эфес, Афины и другие места Греции и с богатою собранною им добычею, преимущественно в виде тщательно скопированных им надписей, вернулся на родину, где и занялся обработкою своего главного труда „Miscellanea eruditae antiquitatis“, пока, из-за начавшихся религиозных гонений, не был вынужден покинуть Францию.

Спон работал на свой страх и риск. Но уже во второй половине XVII в. во Франции положено было начало организованной коллективной работе, в виде основанных там „Академии архитектуры“, „Академии живописи и скульптуры“ и, в особенности, „Академии надписей“ (Académie des inscriptions et belles-lettres). Предпринимались французами и большие экспедиции на Восток. Из них особенно важною оказалась экспедиция маркиза Нуантеля (Nointel), во время которой исполнены были рисунки с Парфенона, стоявшего тогда, в 1670 г., еще неповрежденными (см. ниже).

К началу XVIII в. разрозненного антикварного материала накопилось столько, что явилась потребность об'единить его в одном,

более или менее связном, труде. Эту задачу с большим успехом выполнил бенедиктинец Монфокон (Montfaucon), задавшийся грандиозным планом—иллюстрировать весь античный быт, за исключением государственного, воспроизведениями с сохранившихся памятников. Потребность в таком обобщающем труде была тогда настолько велика, что появившееся, в 1719 г., в количестве 1800 экземпляров, десятитомное (in folio) издание Монфокона „Antiquité expliquée et représentée en figures“ разошлось в течение двух месяцев—факт, и не только для того времени, совершенно исключительный. Совершив много разнообразных путешествий, находясь, подобно Пейреску, в постоянной корреспонденции с учеными всех культурных стран, Монфокон сопоставил в своем монументальном труде результаты антикварных занятий, производившихся в течение целого поколения, и дал в руки и исследователей и любителей старины такое пособие, которое всегда пользовалось почетною известностью.

И еще на деятельность третьего француза, относящуюся, к первой половине XVIII века, следует указать. Это — граф Кэлюс (Caylus). После кратковременной военной службы, Кэлюс отдал все свои силы, все свои обширные материальные средства антикварным занятиям, причем принимал близко к сердцу и чисто художественные интересы своего времени, руководя и покровительствуя молодым художникам. Кэлюса интересовала и египетская, и греческая, и этрусская, и римская древность, памятники которой он старался классифицировать по их материалу, по их художественным формам; в особенности дороги были ему мелкие предметы старины: геммы, монеты и т. п. В семи огромных томах Кэлюс дал богатое „Recueil d'antiquités Egyptiennes, Etrusques, Grecques et Romaines“ (1752 сл); очень ценные для своего времени ученые трактаты Кэлюса напечатаны, в значительной своей части, в „Мемуарах Академии надписей“.

Политическое и экономическое положение Германии XVI и, отчасти, XVII вв. не могло благоприятствовать развитию в ней антикварных занятий. Тем не менее, среди немецких князей и аристократов уже и тогда встречаются ревностные собиратели памятников старины. Так, баварский курфюрст Максимилиан I положил начало в Мюнхене антиквариуму. Саксонские князья XV и XVI вв. энергично собирали предметы местной старины. В XVI—XVII вв. возникла кунсткамера в Готе, к которой позже присоединен был значительный минцкабинет. Такой же интерес к предметам древности можно отметить и в других местах Германии. Из ученых антиквариев, работавших в Германии в XVII в., нужно, в особенности, отметить женевского уроженца Шпангейма (Spanheim), который, во время своих путешествий по Италии, Франции, Гол-

ландии и Англии, приобрел основательные антикварные сведения и явился в своем труде „Dissertationes de praestantia et usu numismatum antiquorum“ основателем научного изучения нумизматики. Нужно также отметить, что впервые в германских университетах, уже в первой половине XVIII в., читались курсы по греческим и римским „древностям“.

4. Было бы несправедливо преуменьшать значение той ученой работы над памятниками старины, какая выполнена была в XVII и в начале XVIII в. Если в течение двух предыдущих веков, XV и XVI, в связи с так называемым Возрождением наук и искусств, обращаемо было главное внимание на собирание памятников древности, исключительно классической, т. е. греческой и римской, правильнее сказать греко-римской, потому что памятники собственно греческие тогда были мало известны; если критического отношения к этим памятникам не существовало, и просвещенные люди того времени охвачены были лишь энтузиазмом „возродить“ классическую древность в возможно большем, при имеющихся тогда средствах, размере, то, начиная с XVII в., мы вступаем в эпоху, когда стремятся не только продолжать дело собирания памятников старины, но и использовать открытые вновь памятники для ученых целей, чтобы, при их помощи, иллюстрировать наглядно жизнь и быт древних. В параллель XV и XVI вв., которые можно назвать периодом художественно-артистическим в истории дисциплины, получившей позже название археологии, XVII и первую половину XVIII в. можно наименовать периодом учено-антикварным, когда не только собирался, но отчасти уже и систематизировался тот материал, на основе которого впоследствии было возведено строго научное здание. Ревностным собирателям и прилежным ученым XVII и первой половины XVIII в. не хватало двух необходимых качеств, при помощи которых только и могло быть возведено это здание: с одной стороны, у них не было широкого полета ученой мысли, с другой стороны, их ученость, приводящая нас и теперь еще в изумление, лишена была того художественного вкуса, без которого понять и надлежащим образом оценить памятник старины невозможно и который в такой сильной степени был свойственен их предшественникам. Вследствие всего этого антикварная наука XVII и первой половины XVIII в., неизбежно, должна была попасть в тупик, а ее представители, несмотря на всю проявленную ими исключительную энергию, достигли лишь таких результатов, которые ныне, в большинстве случаев, подлежат сдаче в архив и могут представлять лишь исторический интерес.

5. Прежде, чем говорить о том человеке, который вывел антикварную науку из ее тупика и заложил для нее прочный фунда-

мент, следует упомянуть, что в Англии и во Франции, в XVIII в., народилось течение, которому суждено было освежить антикварные занятия, начавшие принимать все более и более кабинетный характер, и возродить вновь упавший было интерес к старине в широких кругах общества. Это течение можно назвать течением эстетическим. Ученые и художники различных национальностей выступают теперь в роли ценителей изящного, своего рода „эстетов", памятников искусства и старины и с этой точки зрения, делают их предметами как специальных обсуждений, так и остроумных салонных разговоров.

Интересно отметить, что „практическая" Англия дала в XVIII в. первый путеводитель по Италии, предназначенный для любителей искусства: в 1722 г. Джонатан Ричардсон (Richardson), брат известного романиста, составил свой „Account of Statues, Basreliefs, Drawings and Pictures in Italy" (Лондон). Это была предварительная работа к большому труду Ричардсона, составляющему третий том его „Essay on the theory of painting", вышедший, в проверенном автором французском переводе, под заглавием: „Description de divers fameux tableaux, dessins, statues, basreliefs etc. qui se trouvent en Italie (1728). Ричардсон подошел к обсуждению предметов старины, как глубокий знаток и тонкий ценитель их, как человек, обладающий большим художественным вкусом и здравым смыслом. Ричардсон первый признал и определенно высказал, что вся масса хранившихся в Италии античных статуй является только копиями, на основании которых лишь можно подойти к восстановлению (теоретическому) утраченных оригиналов. Ричардсон первый признал всю важность точного установления места происхождения и судьбы памятников старины, их точного описания и обследования. Такого же глубокого и вдумчивого исследователя, каким был Ричардсон, но в более узкой области, Англия дала в лице писателя Джозефа Аддисона (Addison), который в своих диалогах „Upon the usefulness of ancient medals" указал на важное значение древних монет при об'яснении поэтических произведений греков и римлян и выступил решительным противником распространенного в его время аллегорического толкования памятников искусства.

Во Франции должно быть отмечено появление замечательного трактата Дидро „Essai sur la peinture", переведенного по-немецки Гёте. Энциклопедические познания Дидро дали ему возможность обсуждать проблемы живописи не только с эстетической, но и с историко-филологической точки зрения. Дидро был в оживленной переписке с своим другом, скульптором Фальконе (Falconet), который, после ревностного изучения памятников античного искусства, выступил критиком дошедшего до нас о них литературного преда-

ния и усматривал большую опасность от чрезмерного увлечения ими для искусства творимого. С противоположной, чисто ученой, точки зрения подошел к памятникам старины аббат Бартелеми (Barthélémy). В изучение их он вошел благодаря общению с Кэлюсом и долголетнему пребыванию в Италии. Вернувшись в Париж, Бартелеми, на склоне дней своих (1788), издал замечательное сочинение „Voyage du jeune Anacharsis en Grèce“, в котором, правда, в идеалистической форме набросал в первый раз общую картину древне-греческой жизни.

Эстетическая точка зрения на старину из Франции проникла и в Германию, не вытеснив, однако, там антикварных занятий. Даниил Липперт (Lippert), интересовавшийся, по преимуществу, резными камнями, в своем труде „Dactyliotheca Lippertiana“ (1755—63), дал тщательные воспроизведения 3.000 античных гемм, расположенных систематически и снабженных об‘яснениями. Таким же ревностным собирателем античных гемм, приобретенных впоследствии Фридрихом Великим и образовавших основное ядро берлинской коллекции гемм, был барон Филипп Штош (Stosch), разобравший в своем труде „Gemmae antiquae celatae sculptorum nominibus insignitae“ (1724) геммы, снабженные именами резавших их мастеров. Наконец, известный художник Антон Рафаэль Менгс не столько своим трактатом „Ueber die Schönheit und den Geschmack in der Malerei“ (1761), сколько тщательно подобранным им собранием гипсовых слепок с античных статуй (вошло впоследствии, в значительной своей части, в Дрезденский музей) оказал большие услуги зарождающейся науке.

Первая половина XVIII в. ознаменована была многими счастливыми открытиями памятников старины, преимущественно опять-таки на почве Италии. Эпоху составило в этом отношении открытие засыпанных лавою, при извержении Везувия, в 79 г. по Р. Х., городов Геркуланея и Помпей (1748). Приблизительно в то же время последовали открытия древностей в Южной Италии и в Сицилии (между прочим, развалины храмов в Пестуме и Акраганте). С большою энергиею производились исследования в Этрурии, приведшие к открытию скрывавшихся до того времени в этрусских могилах ваз, зеркал, погребальных урн, саркофагов и пр.

Деятельное участие в открытии и в собирании памятников древности принимали англичане. Английский посланник в Неаполе, Виллиям Гамильтон (Hamilton), успел составить себе богатую коллекцию древностей, изданную затем Гарканвиллем (d'Harcanville, Antiquités Etrusques, Grecques et Romaines du Cabinet de Mr. Hamilton, 1767). Англичане же первые обратили самое серьезное внимание на изучение греческого мира, причем делали это плано-

мерно и методически. В 1733 г. основано было в Лондоне „Общество дилеттантов“ (Society of Dilettanti), к числу членов которого принадлежали любители старины, обладавшие большими денежными средствами, что̀ дало возможность Обществу привести в исполнение дорого стоющие предприятия [1]). К кружку этих „дилеттантов“ принадлежали, между прочим, два лица, оказавшие своими работами неоцененные услуги исследованию прошлого Греции: живописец Джемс Стюарт (Stuart) и архитектор Николай Реветт (Revett). Ознакомившись предварительно с памятниками древности, хранившимися в Риме, Стюарт и Реветт составили план путешествия в Грецию. Более двух лет (1751—53) провели они в Афинах, дважды совершили поездки по Кикладским островам. Результаты работ Стюарта и Реветта обнародованы были позднее в изданиях „Antiquities of Athens“ (1761—62) и „Unedited antiquities of Attica“ (1817). Эти монументальные труды впервые познакомили Европу с памятниками греческого искусства лучшей эпохи его развития. „Общество дилеттантов“ субсидировало также экспедицию Вуда (Wood) в Сирию, во время которой открыты были величественные остатки Пальмиры и Баальбека.

По образцу „Общества дилеттантов“ стали организовываться и другие общества, ставившие своею задачею исследование памятников местной старины. Таковыми были, например, Società Colombaria во Флоренции, Accademia degli Ercolanesi в Неаполе, Accademia di antichità profane в Риме, Society of antiquaries в Лондоне, и пр. Продолжали расти также и музеи, причем некоторые из них содержались уже на счет государства. В средине и во второй половине XVIII в. положено было основание таким знаменитым ныне музеям, как Витиканский в Риме, Британский в Лондоне.

Таким образом, к средине XVIII в. накопилось много материала антикварного характера, отчасти уже систематизированного и изученного. Не хватало одного: человека, который вдохнул бы жизнь в этот веками накопленный, трудами целых поколений, материал, который попытался бы придать ему синтез, установить общую точку зрения на него, представить его в исторической перспективе, чтобы тем самым заложить прочные основы научной разработки этого материала и облегчить исследование его грядущим поколениям. Во второй половине XVIII в. такой человек нашелся. Это был знаменитый Винкельман, с выступлением которого открылась новая эра в научной разработке памятников старины. Винкельман с полным правом и может быть назван основоположником археологической науки.

[1]) Историю общества изложил L. Cust, History of the Society of Dilettanti, Лондон 1898.

II.

6. Уроженец г. Стендаля (в Бранденбургской области), Иоганн Иоахим Винкельман (Winckelmann) родился в 1717 г. Отец его был бедный сапожник. Окончив университет в Галле, Винкельман занимался сначала педагогическою деятельностью, затем поступил библиотекарем к графу Бюнау. Живя неподалеку от Дрездена, Винкельмам имел возможность видеть и изучить собранные там памятники искусства и старины. Он проникся горячею любовью к классической древности. Желание его попасть в Рим и познакомиться с его памятниками побудило Винкельмана искать места библиотекаря у кардинала Пассионеи. Непременным условием для этого был поставлен переход из лютеранства в католичество. После пятилетних колебаний, в 1754 г., Винкельман решился на этот шаг и в следующем году очутился в Риме, где нашел покровителя в лице кардинала Альбани и сблизился с живописцем Раф. Менгсом. С жаром принялся Винкельман изучать памятники, собранные в вилле Альбани, посетил Геркуланей и Помпеи, составил каталог гемм упомянутого выше собрания барона Штоша во Флоренции, а затем приступил к составлению своего главного труда „Истории искусства древности“ (Geschichte der Kunst des Altertums, 1764)[1]. Побывав еще раз в Неаполе, Винкельман задумал поехать на родину, но доехал только до Вены; смутная тоска и предчувствие какой-то беды побудили его повернуть обратно в Италию. По пути туда, в Триесте, случай свел Винкельмана с только что выпущенным из тюрьмы преступником Арканджели, который, притворившись любителем искусства, втерся в доверие к Винкельману, имея заднюю мысль похитить бывшие при Винкельмане монеты и деньги. От ран, нанесенных Арканджели, Винкельман скончался в Триесте в 1768 г.

Классический труд Винкельмана основан на изучении им итальянских находок, начиная с эпохи Возрождения, т. е. преимущественно копий с греческих статуй. Винкельман мечтал, правда, уже и об оригиналах греческого искусства, о раскопках в Олимпии; но даже и то немногое, что было тогда известно, как происходившее из Греции, было недоступно для научного пользования, и Винкельману пришлось построить свою историю греческого искусства на основании литературных источников и римских копий с грече-

[1]) В 1767 г. вышли, в виде дополнения, „Anmerkungen über die Geschichte der Kunst“, Книга Винкельмана неоднократно переиздавалась. Она переведена на многие языки, в том числе и на русский: „История искусства древности“, перевод Шаровой, Ревель 1890.

ских оригиналов. Таким образом, в смысле и полноты и качества материала, труд Винкельмана, разумеется, совершенно устарел. Но остается в полной силе та идея, которая впервые положена была в основу всего сочинения и которая с тех пор стала общим достоянием: искусство возникает, развивается и угасает в связи с развитием общества. Далее, заслуга Винкельмана заключается в том, что он первый проложил путь к пониманию культурного значения классического искусства, оживил еще более интерес к нему в образованном обществе и явился основателем не только истории искусства, как научной дисциплины, но и творцом художественной критики, для которой предложена была им стройная, хотя и устаревшая для наших дней система [1]. „История искусства древности“ Винкельмана, как сказано, давно уже устарела. Но в ней нас и по сие время поражает та ясность и определенность, с которыми автор начертал основы всякого художественно-исторического развития. Винкельман с гордостью мог заявить, что предшественников у него в этом отношении не было. Таким образом, он по праву должен быть признан основателем науки, посвященной истории искусства вообще, и наряду с этим, изобретателем, понимаемого в строгом смысле, исторического исследования и исторического изложения. Для греческого искусства, которому посвящена бо̀льшая часть труда Винкельмана, он отвел надлежащее ему место в общей картине античной культуры. Винкельман был не только историком искусства древности; он был и истолкователем и критиком, как его памятников, так и предметов старины вообще. Коротко говоря, в лице Винкельмана производившиеся до тех пор разрозненно, каждым исследователем на свой риск и страх, антикварные исследования получили определенный метод, и метод строго научный. Из остальных трудов Винкельмана, появившихся вслед за его „Историей“, нужно упомянуть публикацию неизданных, большей частью, памятников, хранившихся в собрании Альбани, воспроизведенных по гравюрам Казанова (брата известного авантюриста), наиболее даровитого ученика Раф. Менгса (Monumenti antichi inediti, 1768 и 1821) [2].

---

[1]) По учению Винкельмана, главною задачею искусства, должно быть олицетворение „прекрасного“, которому подчиняется и индивидуальная правда, и действие, и эффект. Сущность „прекрасного“ заключается в изображении типа, созданного природой и нашей фантазией; в основе этой сущности лежит правильность пропорций, благородная простота, величавое спокойствие и плавная гармония контуров.

[2]) Полное собрание сочинений Винкельмана издали Fernow-Meyer-Schulze в 1808—25 г.г.; перепечатано в издании V.-Fleischera (Берлин 1913). Подробная биография Винкельмана, изложенная на обще-историческом фоне всей эпохи, принадлежит К. Юсти (C. Justi, Winckelmann und seine

7. То значение, какое имел Винкельман в деле исследования памятников искусства и старины, сказывается, быть может, яснее всего в том влиянии, какое он оказал на своих современников и ближайших последователей. А к числу их принадлежали такие люди, как Лессинг, Гердер и, в особенности, Гёте.

Трактат Лессинга „Лаокоон или о границах живописи и поэзии“ (1766), несомненно, навеян одним из ранних трудов Винкельмана (Gedancken über die Nachahmung der griechischen Werke in Malerei und Bildhauerkunst“, 1753). Конечно, центр тяжести „Лаокоона“ лежит в области не пластических искусств, а поэзии, но в трактате имеется не мало прекрасных примеров трезвого археологического толкования памятников искусства. Для антикварного знания, пожалуй, еще бо́льшую важность представляют появившиеся в 1768 г. „Antiquarische Briefe“ Лессинга и его трактат „Wie die Alten den Tod gebildet“ 1769 [1]).

Гердер, по его собственному признанию, семь раз перечитал „Историю искусства древности“ Винкельмана. На основе идей, провозглашенных последним, покоится сочинение Гердера о скульптуре (1778), в котором он, несколько односторонне, развивает положение, что живопись действует, преимущественно, на глаз зрителя, скульптура—на его чувство.

Гёте, как известно, одно время занятия изобразительными искусствами считал своим истинным призванием. Во всяком случае, к античному искусству он в течение всей своей жизни чувствовал особое влечение. С молодых лет Гёте интересовал Рим и его древности. Он имел возможность основательно с ними ознакомиться во время своего пребывания в Риме в 1786—88 г.г. Позже, по возвращении на родину, Гёте не малую часть своей писательской деятельности посвятил античному искусству; статьи, к нему относящиеся, помещал он в периодических изданиях, в особенности, в

Zeitgenossen, 2 изд. в трех т.т., Лпц. 1898). Как первые попытки выяснить значение Винкельмана, до сих пор не утратили значения две работы, написанные на премию Кассельского „Société des antiquités“ в 1798 г.: одна из них, увенчанная премией, принадлежит Гейне (Heyne), другая—неувенчанная —Гердеру (открыта была лишь в 1881 г. и издана в 1882 г. Дункером). Дополнением к этим работам служит книга „Winckelmann und sein Jahrhundert“ (1805), изданная „Веймарскими друзьями искусства“, в составлении которой видное участие принимал Гёте. По-русски см. К. М. Мазурин, „Винкельман, его жизнь и сочинения“ (М. 1894); к сожалению, автор книги не имел возможности пользоваться вторым изданием труда Юсти.

[1]) Об археологических работах Лессинга см. введение Альфреда Шёне (Schöne) к XVII т. „Сочинений“ Лессинга, изд. Hempel-Bongsch. С „Лаокооном“ Лессинга должен ознакомиться всякий, занимающийся искусством, после того, как он достаточно овладеет предметом. Для этого лучше всего пользоваться прекрасным комментированным изданием Блюмнера (Lessings Laokoon herausgegeben und erläutert von H. Blümner, 2 изд., Берл. 1880).

„Kunst und Altertum“ (1816—32) [1]). Насколько Гёте интересовался классическим искусством и стариною до конца своей жизни свидетельствует вторая часть его „Фауста“, в особенности ее „Вальпургиева ночь“. Уже в Риме вокруг Гёте группировался кружок лиц, с энтузиазмом относившихся к памятникам искусства и старины. Позже, в Веймаре, круг „Веймарских друзей искусства“ стал еще шире, и Гёте, стоявший во главе его, пользовался большим авторитетом, влияние которого распространялось на всю Германию. Между прочим, совокупной работе „Веймарцев“ наука обязана первым общим изданием трудов Винкельмана и упомянутым выше сочинением „Винкельман и его век“.

Влияние Винкельмана сказалось, в значительной степени, и в Италии, где многие ученые с жаром и успехом обратились к исследованию памятников классической старины и шли по пути, предуказанному Винкельманом. Из числа этих исследователей нужно отметить, в особенности, Эннио Квирино Висконти (Visconti), который положил своим семитомным изданием „Museo Pio-Clementino“ (закончено в 1807 г.) начало монументальным публикациям античных памятников. В конце XVIII в. Висконти признавался самым видным исследователем в области антикварной науки. И неудивительно, что именно его Наполеон пригласил в Париж для организации там музея памятников древности, вывезенных знаменитым человеком из покоренных им стран. По желанию Наполеона же, Висконти приступил к изданиям „Musée Français“ и „Iconographie ancienne“ (3 тт. этого издания, посвященного грекам, вышли в обработке Висконти, четыре тома римской иконографии изданы были позже Mongez).

8. До сих пор приходилось говорить об успехах, каких достигли антикварные занятия благодаря самоотверженной и горячей деятельности либо отдельных лиц, либо тех или иных общественных и отчасти правительственных организаций. Но антикварные занятия могли встать на вполне твердую почву лишь после того, когда у университетских профессоров антикварной науки могли появиться ученики, способные развивать ее дальше. Винкельману не пришлось излагать свои мысли и знания с университетской кафедры. В конце его жизни, в Гёттингенском университете, Христиан Готтлиб Гейне (Heyne) развил основательное и разностороннее преподавание науки о классической древности. Между прочим, в 1767 г. он чи-

[1]) Статьи Гёте, относящиеся к античному искусству, сопоставлены в 48 и 49 тт. Веймарского издания его сочинений (1897—1900). Можно лишь удивляться, что до сих пор нет ни одной работы, которая давала бы общий обзор и характеристику всего сделанного Гёте в археологическом и художественно-историческом отношениях.

тал курс под заглавием „Археология искусства древности, преимущественно греков и римлян“ (курс этот был издан в 1822 г., в Брауншвейге, под заглавием „Archäologie der Kunst des Altertums, insbesondere der Griechen und Römer“). В обозначении этого курса впервые, после длинного ряда веков, возродился греческий термин „археология“, но не в том широком смысле, в каком он применялся у греков, а в более узком, в приложении исключительно к памятникам античного и, главным образом, классического (т. е. греческого и римского) искусства и ремесла. Сам Гейне под археологией понимал описание и классификацию памятников древности. Ученик Гейне, профессор в Альтдорфе, Зибенкес (Joh. Phil Siebenkess) издал первое „Руководство по археологии“, в котором главное внимание было обращено на вещественные памятники древности („Handbuch der Archäologie“, 2 тт., Нюрнберг 1799. 1800). Другой ученик Гейне, Бёттигер (K. Aug. Boettiger), ревностный сотрудник Гёте, бывший затем директором собрания древностей в Дрездене, положивший основание первым археологическим журналам в Германии (Amalthea, Archäologie und Kunst), много потрудился над разработкою различных тем из области античной истории искусства и культуры.

Начиная с первых десятилетий XIX в., термин „археология“ для обозначения особой дисциплины, трактующей о вещественных памятниках классической древности, вошел во всеобщее употребление и получил распространение за пределами Германии. Нужно, однако, иметь в виду, что первоначально под археологией разумелась наука исключительно о вещественных памятниках классической, т. е. греческой и римской, древности (поэтому она и стала называться „классическою археологиею“, очевидно по аналогии с „классической филологией“). Лишь постепенно, по образцу археологии классической, возникли археология христианская (с ее подразделениями), археология восточная (опять-таки с ее подразделениями), археология доисторическая, или первобытная и т. п. Следует, впрочем, отметить, что, наряду с вошедшим в употребление термином „археология“ для обозначения особой дисциплины, продолжал существовать и термин „древности“ (Altertümer, Antiquités, Antichità, Antiquidades), причем он получил, в применении к греческой и римской старине, расплывчатое значение и заключал в себе представление как о науке, посвященной исследованию исключительно вещественных памятников, так и, в более широком смысле, отдельным дисциплинам, трактующим о различных областях античного быта и жизни. В особенности, злоупотребляла этим термином „древности“ (Altertümer) немецкая наука, введшая в ученый обиход древности „государственные“, „религиозные“, „частные“, „воен-

ные“, „театральные“ и т. п., причем, в качестве материала, подлежащего ведению этих дисциплин, безраздельно понимались источники, представляемые и письменными и вещественными памятниками, тогда как в область археологии отнесены были памятники исключительно вещественные.

III.

9. Нет нужды указывать на то, что термин „археология“, как и множество иных научных терминов, имеет условный характер. Ошибочно думать, что в понятие „археологии“ входит только исследование вещественных памятников старины, что памятники письменные совершенно из нее исключаются. Далеко нет! Разумеется само собою, что всякий письменный источник, имеющий то или иное отношение к вещественному памятнику, помогающий лучше уяснить и понять его, должен быть привлекаем и использован при археологических занятиях, равно как и всякий вещественный источник, имеющий значение для лучшего выяснения и уразумения письменного памятника, должен занимать свое место при тех занятиях, какие мы, в общем смысле, можем обозначить занятиями историко-филологическими. Центр тяжести будет заключаться, очевидно, в том, какому разряду памятников уделено будет исследователем предпочтительное внимание, памятникам ли вещественным, или памятникам письменным. В зависимости от этого и сама дисциплина, исследующая их, будет называться либо археологией, либо филологией, либо историей, и ученый будет причислять себя к разряду либо археологов, либо филологов, либо историков.

Археология, как общая наука о вещественных памятниках, развилась, главным, чтобы не сказать исключительным, образом, из занятий вещественными памятниками классической древности („классическая археология“). Точно также и филология, как общая наука о письменных памятниках, имеющая в настоящее время такое множество специальных подразделений (филология германская, романская, русская, восточная, со всеми их подразделениями и т. д. и т. д.), выросла на основе филологии классической, т. е. той филологии, которая имеет в виду изучение памятников греческой и римской письменности. В этом отношении классическая филология и классическая археология являются, в цикле гуманитарных дисциплин, родными сестрами. Эдуард Гергард, неутомимый организатор археологических занятий — об этом речь впереди — был прав, когда, в 1833 г., он давал такое определение археологии: „Археология есть основанная на монументальном знании (т. е. на исследовании вещественных памятников) половина общей науки о классической

древности“. Очевидно, под другую половиною этой общей науки Гергард разумел филологию. Стоя, как и многие ученые того времени, на филологической основе, Гергард позже предлагал называть археологию даже „монументальною филологиею“, в противоположность к „литературной“ филологии, но такая терминология не привилась; да она была бы и двухсмысленной. Мы увидим ниже, что методы археологического и филологического исследования совпадают в своей основе; тем не менее, сама основа обеих дисциплин, филологии и археологии, точнее сказать, тот фундамент, на котором возводится и филологическое и археологическое построение, различен, и этого различия никоим образом не следует упускать из виду. Иначе обе, близко родственные, дисциплины расплывутся одна в другой, тогда как, в конечном итоге научных стремлений, они должны слиться, чтобы на данных, доставляемых тою и другою, возможно было возвести более общее построение, имеющее в виду уже не специфические какие-либо интересы человеческого знания, но интересы, преследующие воссоздание общих основ человеческой культуры.

Пока в область археологии входило занятие исключительно памятниками классического искусства и старины, против вошедшего в обиход термина не раздавалось противоречивых голосов. Но когда было обращено внимание на памятники и средневекового, и нового искусства и старины, стали подвергать сомнению пригодность самого термина „археология“. Один из видных археологов-классиков, Велькер, признавался даже, что этот термин вселяет в него „отвращение“. Другой археолог Штарк, написавший обстоятельную историю археологии и пробовавший дать ее систематику, порицал термин „археология“ за то, что в нем отсутствует „более точное обозначение конечной цели“, и настаивал на том, чтобы к слову „археология“ обязательно было добавлено „классическая“, хотя и при этом добавлении можно, по словам Штарка, только отчасти примириться с термином „археология“, если принять в расчет „разнообразные ступени развития античного искусства, не имеющие никакого отношения к понятию классического“ [1]). Штарк был, во всяком случае, совершенно прав, когда он, не чувствуя себя удовлетворенным термином „археология“, считал недопустимым—на это еще указывал Винкельман—заменить этот термин термином „исто-

[1]) C. B. Stark, Handbuch der Archäologie der Kunst. I. Systematik und Geschichte der Archäologie der Kunst. Лпц. 1880. Для истории классической археологии до 70-х гг. XIX в. книга Штарка и по сие время является незаменимым пособием, заключая в себе обилие фактического материала; в своей систематической части труд Штарка в значительной мере устарел.

рия искусства“: обе эти дисциплины, как бы они близко ни соприкасались между собою, о чем речь впереди, глубоко различны по содержанию. Пробовали заменить, одно время, термин „археология“ термином „археография“ (он был пущен в оборот еще Споном), но и от этого пришлось отказаться, так как с течением времени с понятием археографии стало связываться представление о самостоятельной дисциплине. Еще недавно, один из авторов общего руководства по классической археологии (Фр. Кёпп) готов был признать самый термин „археология“ „странным, понятным только в силу давнего его употребления“. В конце концов, решили, однако, остаться при этом термине, соединяя с ним представление о науке, посвященной исследованию всех остатков прошлого, сохранившихся в виде вещественных памятников и имеющих к этим последним непосредственное отношение памятников письменных [1]).

При современной дифференциации научного знания термин „археология“, с теоретической точки зрения, является вовсе не плохим, тем более, что он вполне удовлетворяет своему значению и назначению; развился же он, как мы видели, на почве античной терминологии, понимавшей под „ἀρχαῖα“ все то, что̀ относится к старине, в том числе, конечно, и старинные вещественные памятники, сделанные рукою человека. Нужно только раз навсегда условиться понимать под этими старинными вещественными памятниками не только произведения искусства и стоящего под непосредственным его воздействием художественного ремесла, но и такие памятники, которые, хотя и не носят печати художественности, тем не менее исполнены человеческими руками из более или менее прочного материала. В последнее время предметы такого рода стали называть памятниками материальной культуры. И было бы очень удобно обозначить археологию, как такую науку, которая имеет своей задачей исследование памятников материальной культуры, если бы в археологию не входило также, и в очень значительной и существенной части, исследование памятников искусства, которые неудобно связывать с понятием культуры исключительно материальной и которые мы привыкли—и это вполне, конечно, правильно—относить к разряду памятников культуры духовной. Поэтому, во избежание каких бы то ни было недоразумений, было бы более приемлемо определять археологию так, как мы определили ее выше, т. е. как науку, имеющую своей задачей исследование вещественных памятников прошлого, причем в данном случае „вещественным памятникам“ противополагаются, конечно, „памятники письменные“,

[1]) О значении письменных памятников для археологии речь будет во второй части.

изучение которых составляет предмет филологии, в широком смысле этого слова.

10. Так как вещественные памятники, в зависимости от тех целей, обслуживать которые они предназначены, могут подразделяться на категории—число последних установить и раз навсегда зафиксировать, конечно, не представляется возможным—то, в соответствии с этими категориями, и археология могла бы распадаться на большое число подразделений. В этом смысле можно было бы говорить о церковной археологии, поскольку в задачи ее исследования входят памятники старины, имеющие отношение к религии и религиозному культу; или можно было бы говорить о военной археологии, в область ведения которой относятся памятники, непосредственно касающиеся военного дела; или можно было бы выделить театральную археологию, занимающуюся изучением всех памятников, так или иначе связанных с театром и т. д., и т. д. Точного числа таких подразделений все равно установить не оказалось бы возможным, да, в конце концов, это было бы и бесцельно, так как, в некоторых случаях, точного разграничения между отдельными категориями памятников провести не удалось бы, а следовательно, и соответственные подразделения археологии, по необходимости, оказались бы условными, а иногда и фиктивными. Поэтому лучше от таких дробных подразделений отказаться. Тем не менее, все же нельзя забывать того, что среди вещественных памятников старины резко отличаются друг от друга памятники художественного характера, памятники искусства и художественного ремесла, и памятники бытового характера, памятники домашнего обихода. В этом отношении возможно было бы наметить два крупных отдела археологии и назвать их, примерно, так: археология художественная и археология бытовая. Однако, и тут провести резкую границу между обоими этими отделами иногда представляется на практике невозможным, а в некоторых случаях и нецелесообразным и нежелательным.

Определеннее можно установить подразделение археологии по отдельным хронологическим эпохам, или культурам, соответственно такому же общепринятому, хотя, со строго научной точки зрения, и не выдерживающему критики делению истории. Тут можно было бы наметить опять-таки целый ряд отделов археологической науки с ее более мелкими многочисленными подразделениями. Можно было бы, напр., выделить археологию древне-восточную, греческую, римскую, древне-христианскую, византийскую, кельтскую, германскую, французскую, русскую, финскую, мусульманскую, китайскую, индийскую, американскую и т. д., и т. д.— опять всего не перечислишь. Или же можно было бы систематизи-

ровать в особые отделы археологию доисторическую, древнюю, средневековую, эпохи Возрождения и т. д., причем в каждом из этих отделов, в свою очередь, наметились бы особые под'отделы, или разряды, распределяющиеся по тем или иным хронологическим, этнологическим, географическим и т. п. группам, число которых даже и предугадать было бы трудно. Не отрицая самодовлеющего значения каждого из таких отделов, под'отделов, разрядов и тому подобных групп археологии, признавая не только их целесообразность, но, с практической точки зрения, даже и неизбежную необходимость для всякого исследователя, не стремящегося „об'ять необ'ятное“, мы должны все-таки постоянно помнить, что целью всякого научного знания является полученный на основе тщательного анализа более или менее связанный синтез, а потому и излишне проведенная спецификация или специализация в научном обиходе представляется и нежелательной, и вредоносной. Дробить ту или иную научную дисциплину на те или иные отделы приходится ее представителям, памятуя о слабости сил человеческих и недолговечности деятельности человеческой, хотя и тут опять-таки опасно оказаться в положении человека, который из-за деревьев леса не видит. В научном знании важно не создание той или иной системы, тем менее—установление какой-либо догмы; важно определение того метода, которому исследователь следует в своей научной работе. Но и всякая методология той или иной научной дисциплины должна, прежде всего, основываться не на каких-либо априорных и идеальных построениях, а на конкретных и реальных, из самой дисциплины извлекаемых, данных.

IV.

11. Наиболее надежный путь для этого—ретроспективный обзор того, что̀ сделано в области той или иной науки в предшествующие теперешнему этапы ее развития. Ученый исследователь в уроках прошлого, в его положительных и отрицательных сторонах, короче говоря, в истории своей науки, всегда почерпнет для себя много полезного и живительного.

Археология—наука молодая. Она сравнительно недавно могла бы отпраздновать лишь столетний юбилей своего существования. Археология—наука, выросшая и развившаяся преимущественно в течение прошлого и наступившего за ним настоящего века. Нужно подчеркнуть, однако же, теперь, что рост археологии шел „не по дням, а по часам“ в силу, как мы увидим, благоприятно сложившихся для этого обстоятельств. Таким образом, рост этот был естественный, а не искусственный, и подготовлен он был теми успехами,

каких достигло археологическое знание к началу XIX в. и о главных сторонах которых речь была выше.

Мы видели, что, начиная уже с эпохи Возрождения, внимание лиц, интересующихся вещественными памятниками прошлого, направлено было, главным, почти исключительным, образом, на греко-римскую, древность. В этом направлении, уже к началу XIX в., сделано было очень много, и в смысле материального обогащения археологии памятниками древности и в отношении научной разработки этих памятников. Поэтому неудивительно, что из всех отделов археологии, „классический“ отдел ее оказался наиболее подготовленным к тому, чтобы из него могла создаться строго-научная дисциплина. И действительно, XIX в. может быть назван веком классической археологии с таким же правом, с каким называют его веком естествознания, техники и т. п. Все остальные отделы археологии обособились и выделились в самостоятельные научные дисциплины лишь тогда, когда классическая археология могла считать себя уже вполне созревшею; все эти отделы вырабатывались на ее основе. Поэтому читателя не должно удивлять, что в дальнейшем обзоре придется говорить, главным образом, об успехах классической археологии, ибо успехов этих было всего больше и дали они наиболее осязаемые и ценные, в научном отношении, результаты. Мы считаем себя, однако, в праве сократить до минимума обзор успехов, достигнутых классической археологией в XIX и в начале XX в., так как можем рекомендовать вниманию читателя превосходную книгу на этот сюжет, где он изложен и полно и компетентно и увлекательно. Эта книга написана была покойным профессором Страссбургского университета Ад. Михаэлисом (Ad. Michaelis). В первом ее издании, появившемся в 1906 г. (Лпц.) она носила заглавие „Die archäologischen Entdeckungen des neunzehnten Jahrhunderts“; во втором издании, 1908 г., она озаглавлена: Ein Jahrhundert kunstarchäologischer Entdeckungen [1]). Главным предметом книги служит, по словам автора, „археология заступа и ее результаты“, причем под археологией он разумеет только художественную археологию, привлекая лишь при случае продукты культуры без ясно выраженного художественного характера. Книга распадается на 11 глав, носящих такие заглавия: Сведения о произведениях античного искусства к концу XVIII в.; Наполеоновский период; новооткрытая Греция; этрусские гробницы и античная живопись; открытия на Востоке; греческие святилища; античные го-

---

[1]) С этого второго издания имеется русский перевод книги под редакцией Вл. К. Мальмберга: Ад. Михаэлис, Художественно-археологические открытия за сто лет, М. 1913.

рода; доисторический период и ранняя Греция; отдельные открытия в классических странах; отдельные открытия за пределами классических стран; открытия и наука. Все главные успехи, каких достигла классическая археология за более, чем столетний период ее развития, нашли в изложении Михаэлиса достаточно и полное и ясное выражение (лишь об успехах, достигнутых классической археологии у нас в России, даются скудные сведения); все важнейшие проблемы, которые ставила на разрешение археологическая наука в XIX в., намечены и раз'яснены обстоятельно и беспристрастно. Книга Михаэлиса одна из тех книг, знакомство с которой необходимо всякому археологу, хотя бы его интересы вращались и не в области специально классической археологии. Более того: книгу Михаэлиса с удовольствием и интересом прочтет всякий просвещенный читатель—настолько она содержательна и занимательна. Если бы нашелся человек, который для нового издания книги присоединил к ней, к качестве приложения, и необходимый библиографический указатель, мы имели бы в ней незаменимое справочное пособие [1]).

В то время как Винкельман и стоявшие под его непосредственным воздействием лица создавали основы строго-научной археологии, а в тиши кабинетной работы росли люди, ставившие себе разрешение ее дальнейших задач, на арене мировой истории совершались события, оказавшие большое влияние на последующий ход развития археологических знаний, и притом в благоприятном для него смысле. В ту эпоху, когда вся Италия, с ее археологическими сокровищами, оказалась под властью Франции, когда французская армия проникла в Египет, когда все европейские государства охвачены были длительными и чреватыми по своим последствиям войнами, неизбежно, должны были выработаться новые формы общения между отдельными науками, пасть преграды, мешавшие до тех пор такому общению, исчезнуть казавшиеся прежде непреодолимыми затруднения. Военная гроза, долго свирепствовавшая в начале XIX в. над Европой, конечно, не была благоприятна для развития науки и искусства, но эта же гроза сыграла благотворную роль для археологической деятельности, сфера которой чрезвычайно

[1]) Отчасти, но только отчасти, с содержанием книги Михаэлиса совпадает живо написанная книга Ш. Диля (Ch. Diehl) „Excursions archéologiques en Grèce“, имеющаяся и в русском переводе („По Греции“, М. 1913). Краткие обзоры важнейших археологических открытий в Греции и М. Азии за последние десятилетия см. у А. А. Павловского „Значение и успехи классической археологии“ (Зап. Новороссийск. унив. 57) и „Вл. К. Мальмберга „Успехи современной археологии“ (Зап. Юрьевск. унив. 1896). История раскопок в Риме подробно изложена в труде Ланчани (R. Lanciani), Storia degli scavi di Roma, 4 тт., Рим 1902—13.

расширилась и которая стала получать более или менее планомерную организацию. Два события, в особенности, придали археологии новое направление: а) об‘единение наиболее знаменитых античных произведений Европы в одном месте, в Париже и б) „переселение“ скульптур Парфенона с афинского акрополя в Лондон. Во время Наполеоновских войн, веденных в Италии, ее музеи были ограблены; из каждого последующего победоносного похода своего Наполеон посылал предметы древности в Париж. Там, по его плану, должен был быть создан „Центральный Музей“, или „Музей Наполеона“, к организации которого, как мы упоминали, привлечен был Висконти. Этот „мировой музей“ должен был, разумеется, оказать мощное влияние на французскую археологию. „Переселение“ скульптур Парфенона в Лондон было непосредственным результатом поражения понесенного французами в Египте и нового под‘ема политической мощи Англии.

Благодаря тому политическому значению, какое Англия получила, английскому посланнику при Оттоманском дворе, лорду Эльгину, удалось получить от турецкого правительства разрешение сначала зарисовывать и формовать памятники древности, находившиеся в подвластных туркам Афинах, а затем и увести с афинского акрополя значительное количество первоклассных мраморных скульптур в Лондон, где они были помещены в Британский Музей. Лишь с того времени ученым археологам, художникам и любителям искусства явилась возможность изучать шедевры греческого искусства и составить себе о нем надлежащее представление: ранее, как мы видели, изучение его покоилось почти исключительно на римских копиях. Знакомство со скульптурами Парфенона направило всю будущую задачу археологии на собирание и исследование оригинальных созданий греческого искусства, так как ученые теперь ясно сознали, что лишь изучение оригиналов, а не копий с них, должно быть поставлено во главу угла археологической науки.

Из французских ученых конца XVIII и первой четверти XIX в. особенно замечателен своею кипучею и разностороннею деятельностью Миллэн (Millin), занимавшийся изучением и местных французских древностей (Antiquités nationales, 1790—98), и римских памятников южной Франции (Voyage au midi de la France, 1807—11), и греческими вазами южно-италийского происхождения (Tombeaux de Canose; Tombeaux à Pompéi—оба труда вышли в 1812 г.). В других своих трудах Миллэн выступает как истолкователь различных памятников старины (Monuments antiques, 1802; Peintures de vases antiques, 1808; о переиздании последнего труда С. Рейнаком речь ниже). Миллэну же принадлежит честь основания археологических журналов (Magasin encyclopédique,

1795—1816; Annales encyclopédiques, 1816—1818), художественных словарей (Dictionnaire de la fable, 1800; Dictionnaire des beaux-arts, 1806), справочных пособий; „Galerie mythologique“ Миллэна, вышедшая в 1811 г., в течение долгого времени, несмотря на все несовершенство, в смысле научной точности, воспроизведения в ней памятников, была полезным пособием). Наряду со всеми этими изданиями, необходимо упомянуть и о первых попытках графической реконструкции античных памятников, предпринятых Катрмером де Кенси (Quatrèmere de Quincy), в его больших трудах „Jupiter Olympien“ (1814) и „Monuments réstitués“ (1826 сл.). Реконструкции Катрмера де Кенси, исполненные им на основании свидетельств литературных источников и имеющих отношение,— с точки зрения содержания, или формы—к реставрируемым памятникам аналогичных памятников вещественных, имеют, конечно, теперь лишь историческое значение, но они послужили прообразом подобного же рода „реконструкционных“ работ для последующих исследователей.

Следует еще упомянуть, что французская экспедиция в Египет 1799 г., в которой участвовал целый штаб ученых различных специальностей, привела не только к дешифровке иероглифов, но и вызвала появление в свет первого обстоятельного описания Египта и его памятников, что̀, в свою очередь, положило начало египтологии, как особой дисциплине, пышно затем, в течение XIX в., расцветшей.

Англичане и в начале XIX в. продолжали производить исследования на почве Греции. Из числа их Додуэл (Dodwell) и Джель (Gell) проследили, от Италии до Малой Азии, остатки тех из древнейших архитектурных сооружений, сложенных из полигональных камней, которые, долгое время, слыли под именем киклопических стен [1]), а полковник Мартин Лик (Leake) в своей „Топографии Афин“ (1821)[2]) положил основу первому обстоятельному и систематическому изучению афинской исторической топографии.

К началу же XIX в. относится и первая организация двух международных археологических предприятий в Греции: исследование остатков храмов на острове Эгине и в Фигалии (в Аркадии). Датчанин Брёндстед (Bröndsted) и его друзья немцы, архитектор Галлер фон Галлерштейн (Haller von Hallerstein) и пейзажист Линк (Linckh), эстляндский уроженец, барон Штакельберг (Stackelberg), к которым примкнуло в Афинах несколько англичан, пред-

[1]) E. Dodwell, A classical and topographical tour through Greece, 2 тт. Лонд. 1819; Views in Greece, Лонд. 1821.

[2]) Немецкий перевод труда Лика „Topographie Athens“, 2 издание. Цюрих 1844.

приняли, в 1811—12 гг., планомерные раскопки храма, расположенного на возвышенности Эгины; открытые при раскопках храма его фронтонные изваяния, при посредстве Галлера и скульптора Мартина Вагнера, были приобретены баварским кронпринцем Людвигом и вошли в состав Мюнхенской Глиптотеки. В 1812 г., при особенно энергичном участии Штакельберга, произведены были раскопки храма Аполлона в Фигалии: скульптурное убранство храма попало в Британский Музей. Обстоятельные и планомерные исследования на Эгине и в Фигалии, поставленные на вполне научной базе, хотя и произведенные без надлежащего еще технического приспособления,—исследования, в которых приняли участие археологи, архитекторы и художники, были первыми ласточками тех многочисленных, широко поставленных и в совершенстве выполненных археологических раскопок, которые, в течение XIX в., достигли такого пышного процветания и привели к таким выдающимся результатам. Отчет Штакельберга о фигалийских раскопках (Stackelberg, Der Apollontempel zu Bassae in Arcadien und die daselbst ausgegrabenen Bildwerke, Рим 1826), равно как и его последующее сочинение о древне-греческих некрополях (Die Gräber des Hellenen, Берлин 1837) были первым образцами правильно задуманных и более или менее научно выполненных отчетов об археологических раскопках.

Подобно тому, как поход Наполеона в Египет привел к первому обстоятельному ознакомлению ученого мира с египетскими памятниками, так предпринятая, в 1829 г., французским правительством „Морейская экспедиция“ в Архипелаг познакомила нас с одним из наиболее достопримечательных центров древне-эллинской религиозной и общественной жизни, с Олимпией. При произведенных там раскопках установлено было местоположение храма Зевса, причем некоторые остатки его скульптурного убранства перевезены были в Лувр [1]).

Из ученых археологов, оказавших, наряду с упомянутым выше Висконти, особенно мощное влияние на дальнейшую разработку, в духе Винкельмана, археологии, нужно выделить Георга Цоэгу (Zoega). По происхождению, он был датчанин, хотя предки его были итальянцы. Пройдя школу у Гейне в Гёттингенском университете, Цоэга, в начале 80-х гг. XVIII в., попал в Рим, где вскоре и стал главным руководителем, советчиком и наставником всех стекавшихся отовсюду в Рим ученых, художников и любителей

---

[1]) Результаты Морейской экспедиции опубликованы Блуэ (Abel Blouet) в 3 тт. роскошного издания „Expedition scientifique de Morée. Architecture, sculptures, inscriptions et vues du Peloponnèse, de Cyclades et de l'Attique,“ Париж 1831—38.

искусства, явившись в этом отношении прямым преемником Винкельмана [1]). К кружку Цоэги в Риме принадлежал, между прочим, Вильгельм Гумбольдт, также учившийся ранее у Гейне, а затем стоявший в тесном общении с „Веймарцами“; бывший в 1802—8 гг. немецким посланником в Риме, знаменитый историк Нибур; Бунзен, составивший, в сотрудничестве с другими учеными, первое научное описание Рима (Bunsen, Beschreibung der Stadt Rom, 1830—42). Но в особенности плодотворное влияние Цоэга и его сподвижники оказали на одного из великих археологов-классиков XIX в., бывшего затем профессором Берлинского университета, Эдуарда Гергарда (Gerhard), прочно обосновавшегося в Риме с 1819 г. В течение долголетнего пребывания в Италии, Гергард приобрел великолепное знакомство с ее памятниками. Он дал (в сотрудничестве с Панофкою) описание античных скульптур Неаполя, но, в особенности, сосредоточил свое внимание на изучении греческих ваз, которые тогда стали появляться в изобилии в результате открытых многочисленных этрусских некрополей. Отчет Гергарда о раскопках в Вульчи (Rapporto volcente, 1831) впервые установил хронологию греческих расписных ваз, в общих чертах сохраняющую свое значение по сие время. Под влиянием бывших в то время мифологических теорий Крейцера, Гергард обращал главное внимание на содержание памятников, уделяя значительно меньше места их стилистическому анализу. Незабвенную услугу археологии Гергард оказал своим трудами, дающими сопоставление и каталогизацию рассеянных и большею частью неизданных памятников искусства и художественного ремесла, главным образом, ваз [2]) и этрусских зеркал [3]).

Гергард обладал редким организаторским талантом. Он прекрасно сознавал, что, при занятиях археологией, по свойству подлежащего ее ведению материала, рассеянного по разным местам, важное значение имеет об‘единенная систематическая работа. Еще в 1825 г. об‘единились, под руководством Гергарда в „Гиперборейско-римское общество“ (Società iperborea-romana) проживавшие

---

[1]) Превосходную биографию Цоэги, чтение которой, помимо пользы, может доставить большое удовольствие, написал его ученик, Велькер (Welcker) „Zoegas Leben“, Штуттгарт и Тюбинген 1819; перепечатано в серии „Klassiker der Archäologie“, т. II, Галле 1912; в книгу вошла почти вся переписка Цоэги и обозрение и оценка всего оставшегося после него ученого наследия.

[2]) Главный труд, Гергарда: Auserlesene griechishe Vasenbilder, hauptsächlich etruskischen Fundorts, Берл. 1840—58, 4 тт. I т. Götterbilder, II т. Heroenbilder, III т.—Heroenbilder, meistens homerisch, IV т.—griechisches Alltagsleben.

[3]) Etruskische Spiegel, 4 тт., 5-й в обработке A. Klügmann'a и G., Körte, Берл. 1843—93. Биографию Гергарда составил его ученик, Ян (O. Jahn), Eduard Gerhard, Берл. 1868.

в Риме немецкие ученые, к которым присоединился вернувшийся из Греции Штакельберг. По возвращении в Германию, Гергард явился основателем одного из важнейших периодических археологических органов XIX в. „Археологической Газеты“ (Archäologische Zeitung), и Берлинского Археологического Общества, которое, начиная с 1841 г., стало регулярно издавать ежегодно появлявшиеся ко дню рождения Винкельмана так наз. программы, посвященные его имени (Winckelmannsprogrammen), где подвергались обсуждению различные вопросы из области классической археологии, или издавались впервые относящиеся к ней памятники [1]). Еще бо̀льшая заслуга Герарда заключалась в том, что ему удалось осуществить идею, высказанную Велькером в 1819 г.,—создать международный „Институт археологической корреспонденции“. Целью Института было собирание, регистрация и быстрое опубликование сильно увеличивавшегося, рассеянного археологического материала путем совместной работы многих членов Института и его корреспондентов. Институт должен был быть международным, причем его местопребыванием избран был Рим. Istituto di corrispondenza archeologica открыт был в Риме 21-го апреля 1829 г. Услуги, оказанные им археологии, неоценимы. Трудами его членов пущена была в научное обращение масса неизданного до тех пор материала, в особенности, на первых порах, греческих ваз, так как находки их в то время были чрезвычайно обширными, а также и других памятников. Материал этот издавался и обсуждался в печатных органах Института: в его Monumenti inediti, Annali и Bulletino. Но еще более важное значение Института было научно-образовательное: целый ряд археологов-классиков XIX в. завершил в нем свое образование и усовершенствовал свою научную подготовку, причем это относится в равной степени как к немецким археологам, так и к археологам других национальностей. По справедливости, Институт должен быть признан главным центром классической археологии XIX в. [2]).

Современником Гергарда был другой выдающийся немецкий ученый, геттингенский профессор Карл Отфрид Мюллер (K. O. Müller), несмотря на свою короткую жизнь (умер в 1840 г., 43 лет от роду), успевший сделать очень много. К. О. Мюллер был на редкость разносторонний, богато одаренный человек, стремившийся к

---

[1]) По образцу „Берлинских Винкельманновских программ“ позже, с 70-х г.г., стали издаваться „Hallesche Winckelmannsprogramme“ при участии сначала Гейдемана (H. Heydemann), затем Роберта (K. Robert).

[2]) История Института за первые 50 лет его существования составлена Михаэлисом (Ad. Michaelis), Geschichte des Deutschen Archäologischen Instituts, Берл. 1879 (тоже на итальянском языке, Рим 1879).

всестороннему исследованию античного мира и особенно много сделавший для его археологии. В 1830 г. он издал в свет свое „Руководство по археологии искусства“ (Handbuch der Archäologie der Kunst; последнее 4-е издание, в переработке Велькера, вышло в Штуттгарте в 1878 г.), в 1832 г. — „Памятники древнего искусства“ (Denkmäler der alten Kunst, 3 издание, в обработке Wieseler'a, в 1876—81 г.г.). Достаточно пересмотреть бегло содержание „Руководства“ К. О. Мюллера, чтобы убедиться, какое богатство материала оно содержит и в какой ясной системе материал этот изложен. „Введение“ посвящено „теоретическим вопросам“ (понятие искусства, его законы, его подразделение). За „Введением“ следует „История искусства древности“ с древнейших времен, причем впервые в этой истории нашло себе место не только греческое и греко-римское искусство (до начала Средневековья), но и искусство „не греческих народов“ (египтян, ассиро-вавилонян, финикиян и соседних с ними племен, персов и индийцев). Далее идет „Систематическое обсуждение античного искусства“: географическое распределение памятников античного искусства и его „тектоника“ (архитектура, утварь, скульптура и ее различные материалы, живопись и ее подразделения), „формы пластического искусства“ (человеческая фигура—нагая и одетая), „сюжеты пластического искусства“ (мифологические, героические, жанр, портрет, живая и мертвая натура, пейзаж, орнамент). Такого полного, обстоятельного, стройного, увлекательно изложенного, основанного на тщательном изучении источников—и письменных и вещественных—и литературы предмета изложения античной археологии, какое представляет собою „Руководство“ К. О. Мюллера, наука до тех пор не имела. Поэтому не удивительно, что появление „Руководства“ встречено было в ученых кругах с энтузиазмом. По книге К. О. Мюллера учились многие поколения и археологов и историков и филологов, к ней постоянно обращались за справками, из нее почерпали темы для специальных исследований. Можно утверждать, что книга К. О. Мюллера для своего времени имела такое же значение, какое, за 70 слишком лет до того, выпало на долю „Истории искусства древности“ Винкельмана, с тою, однако, разницею, что К. О. Мюллеру явилась возможность привлечь в сферу своего исследования значительно большее количество матерала, чем это было доступно для Винкельмана. Не только в настоящее время, но уже давно, даже в пору последнего издания „Руководства“, оно устарело: слишком большое приращение материала за последние 50—60 лет получила археология, а отчасти изменился, и в существенных пунктах, метод его исследования. Поэтому для справок книга К. О. Мюллера более не пригодна; тем не менее проштудировать ее дол-

жен всякий археолог—так много поучительных, трезвых мыслей в книгу вложено, так систематически-стройно все рассуждения автора построены, с такою любовью к делу и с таким пониманием основных сторон его К. О. Мюллер подошел к своему заданию. В этом отношении все последующие попытки—о них речь впереди — дать общее руководство по археологии и в малой степени не могут итти в сравнение с тем, по истине замечательным, делом, какое выполнено было К. О. Мюллером, выполнено, для своего времени, блестяще. Что касается „Памятников античного искусства“ К. О. Мюллера, то это был, в сущности, первый учено-учебный атлас, по образцу которого стали создаваться последующие пособия этого рода (недостатком атласа К. О. Мюллера, не зависевшим, конечно, от его составителя, было то, что воспроизведения в нем памятников даны были не на основании неизвестных еще в то время фото-механических способов, а по рисункам, исполненным Эстерлеем). Отличительной чертой всей ученой деятельности К. О. Мюллера было то, что он, в равной мере, способен был уделять внимание как общему, так и частностям, что он умел мастерски схватить проблемы археологии в связной картине ее развития и, вместе с тем, с жаром отдаться изучению детальных вопросов. Ученый энтузиазм К. О. Мюллера и свел его преждевременно в могилу: при списывании надписей в Дельфах, под палящими лучами солнца, его постиг солнечный удар, вызвавший кратковременное заболевание, от которого К. О. Мюллер скончался в той стране, восторженным поклонником и глубоким знатоком прошлого которой он был [1]).

Наряду с К. О. Мюллером главными представителями классической археологии в 40-х и 50-х г.г. XIX в. в Германии были Велькер (Fr. Welcker) и Отто Ян (Jahn). Велькер не обладал такими разносторонними дарованиями, как К. О. Мюллер, но он превосходил его более сильно развитым художественным чутьем и вкусом, уподобляясь в этом отношении Винкельману. Самою сильною стороной Велькера было уменье всесторонне и глубоко истолковывать памятники искусства с точки зрения их содержания, на основании внимательного изучения греческой мифологии. Главные работы Велькера об‘единены в пяти томах его „Alte Denkmäler“ (Гёттинген 1849—64; I т. фронтонные группы и иные греческие группы и статуи. II т.—Барельефы и резные камни. III т. — Картины на

[1]) Мелкие „Kunstarchäologische Werke“ К. О. Мюллера изданы в Бреславле в 1872—73 г.г. Его биография, написанная его братом, Эдуардом, приложена к I т. собрания „Kleine deutsche Schriften“ (Бреславль 1847—8). См. также O. und E. Kern, K. O. Müller. Lebensbild in Briefen an seine Eltern mit dem Tagebuch seiner italienisch-griechischen Reise, Берл. 1908—увлекательная, своего рода, автобиография К. О. Мюллера по его интимным письмам и дневнику.

греческих вазах. IV т.—Росписи Геркуланея и Помпей. V т. — Статуи, барельефы и вазовые картины) [1]. В противоположность Велькеру, Отто Ян, отличавшийся разносторонними дарованиями (между прочим, занимался и новою литературою и историею музыки), был более склонен к разработке художественно-исторических и стилистических проблем, умел прекрасно ориентироваться в большом, иногда трудно обозримом материале, выделить из него наиболее существенное и на этом существенном дать исчерпывающее, ясное и тонкое об'яснение того или иного вопроса. Ян был не только глубоким ученым, но, по отзывам лиц, учившихся у него в Боннском университете, и образцовым учителем [2]).

Нужно быть справедливым: немецкая наука по классической археологии первой половины XIX в., блещущая такими именами, как Гергард, К. О. Мюллер, Велькер и Ян, имела руководящее значение и давала тон и направление ученым всех других национальностей. Она оказала, между прочим, сильное влияние и на французскую археологическую науку, многие из деятелей которых принадлежали к составу Института археологической корреспонденции. В числе их нужно отметить имена исследователей ваз Ленормана и де-Витта (Ch. Lenormant et J. de Witte, Elite des monuments céramographiques. Matériaux pour l'histoire des religions et des moeurs de l'antiquité, 3 тт. Пар. 1844—58), герцога Люиня, составившего большое собрание ваз (H. D. de Luynes, Description de quelques vases peints étrusques, italiotes, siciliens et grecs, Пар. 1840), Рауль Рошетта (Raoul Rochette, Monuments inédits d'antiquité figurée grecque, étrusque et romaine, Пар. 1833). Для изучения памятников „grand art", в особенности греческой скульптуры, чрезвычайно плодотворна была деятельность хранителя Лувра, графа Шарля Кларака (Clarac), который возымел впервые смелое намерение издать, в контурных рисунках, все наиболее достопримечательные в то время античные статуи и рельефы, с об'яснительным к ним текстом (Musée de sculpture antique et moderne, 11 т.т., Пар. 1826—53).

Из английских ученых первой четверти XIX в. следует выделить Миллингена (J. Millingen), одного из основателей Римского Института; он издал много греческих расписных ваз, хранившихся в различных частных собраниях (Peintures antiques de vases grecs, Рим 1817; Ancient unedited monuments. Painted greek vases from collections in various countries principally in Great Britain, Лонд.

---

[1]) Биография Велькера—R. Kekulé, Das Leben Fr. G. Welckers, 1880.

[2]) Биография Яна: Ad Michaelis — E. Petersen. Otto Jahn, ein Lebensbild in Briefen 1913. Самое известное сочинение Яна, изданное после его смерти Михаэлисом: Griechische Bilderchroniken, Бонн 1873.

1822). В Италии продолжаемы были работы по каталогизации римских музеев (особенно важно было издание Museo Gregoriano, 1842), исследования Этрурии (Fr. Inghirami, Monumenti etruschi o di etrusco nome, 10 тт., Фьезоле 1821 — 26; Micali, Monumenti inediti, 1821). Политическая обстановка—раз'единение Италии— не могла благоприятствовать успешному развитию там археологических занятий.

В этом отношении в значительно более счастливом положении оказалась Греция, после того, как она, в результате освободительной войны (1821 — 33), избавилась от турецкого ига. Интерес к славному прошлому Греции пробудился тогда чрезвычайный, сначала среди иноземцев, потом среди самих греков. Уже в 1831 г. немецкий ученый Фридрих Тирш (Thiersch) приехал в Афины, завязал там тесные связи с местным населением, об'ездил значительную часть Греции и начал даже небольшие раскопки в Дельфах. Систематическая археологическая работа в Греции началась, однако, со времени основания Греческого королевства, и первым деятелем здесь оказался немец, Людвиг Росс (Ross), назначенный генеральным эфором (инспектором) древностей. Недолго оставался Росс на своем посту, но успел сделать много: он расчистил афинский акрополь, произвел при этом несколько пробных раскопок, давших возможность уже тогда установить на нем несколько культурных слоев, восстановил на акрополе храм Победы, собрал и опубликовал много надписей, издал на греческом языке „Руководство“ К. О. Мюллера, наконец, предпринял ряд путешествий по Греции, по островам Архипелага, описание которых и по сие время читается с захватывающим интересом (Reisen und Reiserouten in Griechenland, 1841; Inselreisen, 1840—52; перепечатано в I т. „Klassiker der Archäologie“, Галле 1912—13). Росс был первым профессором археологии в только что основанном тогда Афинском университете. Его коллега, профессор латинской филологии, Ульрихс (Ulrichs), предпринял путешествие по Средней Греции и подготовил почву для последующих исследований в Дельфах (Reisen und Forschungen in Griechenland, 1840).

Со времени освобождения Греции путешествия по ней европейских ученых участились, что̀ неизбежно должно было повести к археологическому изучению прошлого Греции. Эрнст Курциус (Curtius), в середине XIX века, совершил путешествие по южной Греции, описание которого дано им в его классическом труде „Peloponnesos“ (2 тт., Лпц. 1851—2). Несколько позже Конце (A. Conze) посетил острова Фракийского моря, т.-е. северной части Архипелага (Reise auf den Inseln des thrakischen Meeres, Ганновер 1860). Из археологических путешествий, предпринятых французами, осо-

бенно богатые результаты дало путешествие, предпринятое в 40-х г.г. XIX века, энергичным Леба (Lebas), который привлек в сферу своих интересов не только Грецию, но и Малую Азию, причем ему удалось собрать много неизвестных до тех пор надписей (Voyage archéologique en Grèce et en Asie Mineure, Париж 1847 — 48; продолжение этого труда появилось позже, в обработке Фукара и Ваддингтона).

В 50-х и 60-х г.г. продолжались археологические исследования отдельных областей и местностей Малой Азии французскими и английскими учеными. Перро и его спутники исследовали Галатию, Вифинию и отчасти другие области [1]), Ланглуа—Киликию [2]), Феллоус—Ликию [3]), Ньютон—Галикарнасс и Книд [4]).

Мало-по-малу взоры ученых стали обращаться и на более отдаленные страны Востока—Месопотамию и Персию. Еще в первые десятилетия XIX века английские путешественники открыли развалины Ниневии на Тигре (на месте теп. Куюнджика), тщательно исследованные в описываемое нами время Лэярдом [5]). Французы производили раскопки вблизи Хорсабада [6]).

В 40-х г.г., по почину французского министерства иностранных дел, предпринято было большое путешествие в Персию Фландэном и Костом, давшими в своем описании воспроизведения памятников не только древней, но и новой Персии [7]). Было определено положение и общий план Персеполя и его дворцов, найдены интересные скульптуры, реконструирована тронная зала Ахеменидов. Палестина, в виду ее особого для христианского мира значения, с давних пор привлекала к себе внимание путешественников. На научную почву археологическое исследование Св. Земли встало с тех пор, как ее посетил, в конце 30-х годов, американец Робинсон, оставивший дневник своего путешествия, в особенности же когда было учреждено международное специальное общество для исследования Палестины, Palestine Exploration Fund [8]). Были исследованы и сопре-

[1]) G. Perrot, E. Guillaume et J. Delbet. Exploration archéologique de la Galatie et de la Bithynie, d'une partie de la Musie, de la Phrygie, de la Cappadoce et du Pont, 2 тт., Пар. 1862—72.

[2]) V. Langlois, Voyage dans les montagnes du Taurus, Пар. 1861.

[3]) Ch. Fellows, An account of discoveries in Lycia, Лонд. 1841.

[4]) C. F. Newton and R. P. Pullan, A history of discoveries at Halicarnassus, Chidus and Branchidae, 3 тт., Лонд. 1862—3.

[5]) A. H. Layard, The monuments of Nineveh, Лонд. 1853; Second series of the monuments of Nineveh, Лонд. 1873; Nineveh and its remains, 2 тт., 6 изд. Лонд. 1854.

[6]) P. E. Botta et F. Flandin, Monuments de Ninive, 5 тт., Пар. 1849 — 50. V. Place, Ninive et l'Assyrie, 3 тт., Пар. 1867.

[7]) E. Flandin et P. Coste, Voyage en Perse, 6 тт.

[8]) См. также M. de Vogüé, Les églises de la Terre Sainte, Пар. 1860. E. Pierotti, Jerusalem explored, 2 тт., Лонд. 1864.

дельные с нею страны: Финикия, по почину Наполеона III, снарядившего туда экспедицию, с Ренаном во главе [1]), и Сирия, где путешествовал Вогюэ [2]). Для археологии восточной части Малой Азии и прилегающих к ней областей Кавказа и Персии продолжали оставаться руководящими многотомные труды Тексье [3]).

На африканском побережье преимущественное внимание археологов продолжал привлекать Египет. За тоскано-французской экспедицией, в конце 20-х годов, под руководством Розеллини [4]), последовала, в 40-х г.г., большая прусская экспедиция, под руководством Лепсиуса [5]), затем экспедиция Бругша и Дюмихена [6]). Наряду с немцами, работал в Египте француз Мариетт, открывший Серапеум в Мемфисе [7]). При всех этих работах исследователи не ограничивались только древне-египетскими памятниками; они привлекали, наряду с ними, памятники и Египта греко-римского и Египта христианского. В соседней с Египтом Киренаике, после Пашо [8]), путешествовали Смис и Порчер [9]).

Так расширялись все более и более археологические горизонты. Италия, Греция, острова Архипелага, Малая Азия, страны ближнего Востока и сопредельные с ними области постепенно входят в круг научного исследования. Изучаются вопросы топографии; регистрируются, описываются, издаются памятники искусства и старины, самого разнообразного содержания и происхождения. Материал растет и растет. Его изучают не только ученые; им заинтересовываются также и художники.

Знакомство с памятниками архитектуры, созданными в период процветания греческого искусства, привлекло к ним внимание архитекторов-практиков и заставило последних обратиться к рассмотрению многих вопросов из истории античного зодчества, как специального, так и общего характера. В этом отношении особую важность представляют исследования Гитторфа об архитектурной

---

[1]) E. Renan, Mission de Phénicie, 2 тт., Пар. 1864.

[2]) M. de Vogüé, Syrie centrale. Architecture civile et religieuse du I au VII siècle, 2 тт., Пар. 1865—77.

[3]) Ch. Texier, Description de l'Asie Mineure, 6 тт., Пар. 1839—49; Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie, 2 тт., Пар. 1842—52.

[4]) Ipp. Rosellini, I monumenti dell' Egitto et della Nubia, 8 тт., Пиза 1832—44.

[5]) C. R. Lepsius, Denkmäler aus Aegypten und Aephiopien, 13 тт., Берл. 1849.

[6]) H. Brugsch, Reiseberichte aus Aegypten, Лпц. 1855. Joh. Dümichen, Resultate der . . . nach Aegypten entsendeten archäologisch—photographischen Expedition, Берл. 1869.

[7]) A. Mariette, Le Sérapeum de Memphis, Пар. 1857.

[8]) J. R. Pacho, Relation d'un voyage dans la Marmarique et la Cyrénaïque, 2 тт.. Пар. 1827.

[9]) R. M. Smith and Porcher, History of the recent discoveries at Cyrene, Лонд. 1864.

полихромии, прослеженной им на сицилийских памятниках (J. Hittorff et L. Zanth, L'architecture antique de la Sicile ou Recueil des plus intéressants moments d'architecture des villes et des lieux les plus remarquables de la Sicile ancienne, Пар. 1827 сл.). Ту же задачу поставил себе Земпер в отношении афинских сооружений (G. Semper, Die Anwendung der Farben in der Architektur und Plastik, Дрезден 1836)[1]). Вопросу о так называемых курватурах в греческой архитектуре посвящено изданное „Обществом дилеттантов" исследование английского архитектора Пенрозе (Fr. Cr. Penrose, An investigation of the principles of athenian architecture, Лонд. 1851). В середине века появилось и первое руководящее сочинение по греческой архитектуре, долгое время остававшееся незаменимым, Карла Бёттихера (K. Bötticher, Die Tektonik der Hellenen, 2 тт., Подтсдам, 1852; 2 изд., Берлин 1874—81; в 1-м томе дается изложение так называемых ордеров—дорийского, ионийского и коринфского; во 2-м—конструкция и убранство греческого храма).

Вместе с тем все яснее и яснее стала созревать необходимость, для более успешного проведения археологических исследований и занятий, пользоваться не только знаниями отдельных лиц, но и об'единить разрозненные археологические силы в более или менее обширные организации. Среди последних, первое место принадлежало, конечно, римскому „Институту Археологической Корреспонденции". Наряду с ними, возникают, однако, и иные организации, правда не столь обширного размера. В Афинах, уже в 1846 г., открыта была для французскихъ стипендиатов-археологов „Французская школа" (Ecole française d'Athènes), к которой позже, в 1875 г., присоединилась такая же школа в Риме. Археологические проблемы служат предметом занятий академий и археологических обществ. Последние очень часто возникали для обслуживания местных археологических нужд. Таковыми были, напр., Боннское археологическое общество для исследования рейнских древностей (Verein von Altertumsfreunden in Rheinlande, с 1842 г.), Цюрихское археологическое общество (Züricher antiquarische Gesellschaft, также с 1842 г.), Британское археологическое общество (Britisch archaeological Association), Датское общество для северной археологии (основано в 1812 г), Археологическое общество (Ἀρχαιολογική Ἑταιρεία) в Афинах и т. д. и т. д. Растут и развиваются музеи, большие и малые, с общим и специальным назначением. Наконец, появляются периодические издания, посвященные специально архео-

---

[1]) Земперу же принадлежит, появившееся позже, классическое сочинение, общего характера, о стиле (Der Stil in den technischen und tektonischen Künsten oder praktische Aesthetik, 1 изд. Франкфурт-на-Майне 1860; 2 изд. Мюнхен 1878).

логии (наряду с упомянутой выше „Archäologische Zeitung“, нужно, в особенности, отметить начавшее выходить с 1843 г. „Revue archéologique“). Можно сказать, к 70-м годам XIX в. археология, в особенности, классическая, вполне созрела, как наука. Для ее дальнейших успехов трудами предшествующих поколений сделано было так много и в количественном и в качественном отношениях, что ее грядущее развитие могло считаться обеспеченным прочно и надежно.

12. Пятидесятые и шестидесятые годы XIX в. были, в особенности, благоприятны для того, чтобы поставить занятия археологией на вполне солидную базу, расширить ее пределы и подготовить тот пышный ее расцвет, которым ознаменовались последние полвека.

В политическом отношении особенно плодотворным для археологических занятий было последовавшее, в 1861 г., об'единение Италии—факт тем более важный, что археология, как мы видели, зародилась в Италии и, в течение длинного ряда веков, успела пустить в ней глубокие корни. Однако, вследствие политической раздробленности ее, научная работа там не могла быть налажена в таком размере и с такою планомерностью, как это было, напр., во Франции. К археологической работе в Италии приходилось привлекать, по необходимости, иноземные силы, группировавшиеся, главным образом, вокруг римского Института Археологической Корреспонденции. Но влияние Института, естественно, не могло распространяться на всю территорию Италии, и южная, например, ее часть стояла почти совершенно вне этого влияния. После того, как произошло об'единение Италии, дело быстро наладилось. Прежде всего было обращено самое серьезное внимание на систематическое и планомерное, путем раскопок, исследование Помпей, суливших такую массу ценного археологического материала. Во главе помпеянских раскопок поставлен был Джузеппе Фиорелли (Fiorelli), обладавший большою энергиею и крупным организаторским талантом. Его ведению подчинен был и Неаполитанский музей, в котором вновь открываемые помпеянские древности сосредоточивались попрежнему. Фиорелли удалось создать повсюду в Италии целую плеяду энергичных помощников. Наряду с Помпеями, обращено было серьезное вниманае на исследование самого Рима как в топографическом, так и в археологическом отношениях, для чего организована была особая „Римская археологическая муниципальная (позже коммунальная) комиссия“, в которой вся работа была централизована. Одновременно с исследованием исторического прошлого Италии положено было начало и работам в области ее так наз. доисторической археологии.

Термин „доисторическая археология“—термин неудачный, вследствие его расплывчатости и неопределенности. Под „доисторией“ или „преисторией“ (Praehistorie) понимается обыкновенно исследование того периода в жизни того или иного народа, той или иной страны, от которого не сохранилось письменных памятников, а имеются памятники исключительно вещественные, притом характера примитивного и большею частью лишенные художественной обработки. Таким образом, в этом смысле понятие „доисторический“ совпадало бы, отчасти, с понятием „первобытный“, и с доисторической археологией, пожалуй, правильнее было бы связывать представление о таком отделе археологической науки, который занимается исследованием первобытных древностей. На самом деле, к области доисторической археологии стали относить все такого рода остатки человеческой культуры, которые не укладываются в рамки ее истории, и под доисторической археологией в этом смысле склонны понимать историю так наз. первобытной культуры, к которой, в зависимости от различных точек зрения, причастны весьма различные науки: антропология, краниология (наука о черепах), палеонтология, геология, этнология, история первобытной религии и т. п. Ясное дело: периоды первобытной культуры для отдельных стран и народов далеко не совпадают в хронологическом отношении; поэтому и памятники, принадлежащие к числу доисторических или первобытных, для различных стран и народов допускают самую разнообразную датировку, на основании самых разнородных признаков. В общем, должно лишь подчеркнуть, что всякая датировка таких памятников всегда может и должна быть лишь датировкой приблизительной, в пределах не только столетий, но даже иногда и тысячелетий.

Интерес к памятникам первобытной культуры проявился, прежде всего, на севере Европы, в Скандинавских странах, где памятники эти сохранились в наиболее значительном и разнообразном виде. Там же положено было начало и научной разработке доисторической археологии. В 1832 г., датский ученый Томсен (Chr. J. Thomsen) установил три „главных“ века ее: каменный, бронзовый и железный, в зависимости от того материала, который являлся особенно характерным для каждого из упомянутых веков. Прежде всего наиболее ясно обрисовалась та эпоха каменного века, которая позже получила наименование „неолитической“, младшей, в противоположность „палеолитической“, старшей [1]). Для неолити-

---

[1]) Наименования эти установлены были Джоном Лёббоком (Lubbok), в сочинении „Prehistorical times, as illustrated by ancient remains and the manners“ (Лонд. 1865); книга имеется в русском переводе.

ческой эпохи наиболее характерными являются так наз. мегалитические памятники—постройки из огромных каменных глыб. Они встречаются чаще всего в Скандинавии и в западной Франции и называются или менгирами (отдельные вертикально поставленные колоссальные глыбы), или кромлехами (каменные круги, выведенные из таких глыб), или дольменами (простые каменные помещения, служившие гробницами [1]).

Из датских ученых первым предпринявшим раскопки северных курганов был Ворсо (I. J. A. Worsaae). Раскопки эти обогатили Копенгагенский музей богатейшими коллекциями, на основании которых можно проследить развитие культуры на севере. Ворсо составил описание этого музея, имеющееся и на русском языке (Северные древности Королевского музея в Копенгагене, II. 1861 [2]).

Для изучения древностей Швеции много потрудился Оскар Монтелиус (Montelius) [3]), Норвегии—Риг (O. Rygh) [4]).

Главным центром находок памятников палеолитической эпохи была, в средине XIX в., Франция, в особенности ее юго-западная часть, до Пиренеев, где много находок дали открытые там пещеры [5]). Тогда же в Швейцарии открыты были первые свайные постройки, число которых стало быстро увеличиваться и за пределами Швейцарии, особенно в долине По, где оне оказались и на озерах (так наз. палафиты) и в долинах (так наз. террамары). Чрезвычайно важное значение для доисторической археологии имело открытие, в 1846 г., древнего могильника, расположенного выше Гальштатта, городка в Верхней Австрии, раскопки которого продолжались, затем, в течение почти 20 лет. Этот могильник дал всей открытой здесь культуре название Гальштаттской [6]). Произведения ее были открыты повсеместно в Альпах и далее на запад, вплоть до Бургундии, и на восток, вплоть до Венгрии и Боснии. Особенно же богато Гальштаттская культура оказалась представленной к югу от Альп,

---

[1]) См. J. Fergusson, Rude stone monuments in all countries, their age and uses, Лонд. 1872 (имеется франц. перевод: Les monuments mégalitiques de tous pays, leur âge et leur destination).

[2]) Другие труды Ворсо перечислены в XI т. НЭС.

[3]) Antiquités suédoises, Стокг. 1873. Монтелиус—один из выдающихся знатоков доисторической археологии, если не самый выдающийся. Ему принадлежат, между прочим, капитальные труды по доисторической археологии Италии (La civilisation primitive en Italie, 1895—1905), Франции (La chronologie préhistorique en France, 1901) и сочинение о влиянии восточной культуры на Европу в доисторические времена (Der Orient und Europa, Стокг. 1899 сл.)

[4]) Antiquités norvégiennes, Христ. 1885.

[5]) Em. Carthaillac, La France préhistorique d'après les sépultures et les monuments, Пар. 1889.

[6]) Ed. Sacken, Das Grabfeld von Hallstatt in Oberösterreich und seine Altertümer, Вена 1868.

в местностях по течению По, где, в 1853 г., открыт был подобный же могильник в Вилланове, около Болоньи, а в 1865 г. в находящемся по соседству с Виллановой Марцаботто [1]). К более позднему времени, чем Галльштаттская культура, относится культура, получившая название культуры Ла-Тэн, по имени местечка на берегу озера Невшателя, La Tène, где, в средине 70-х г.г., сделаны были любопытные находки, познакомившие нас с национальным искусством кельтских народов.

Итак, к 70-м г.г. заложены были прочные основы доисторической археологии. Число памятников ее сильно возрасло; их начали распределять по определенным группам и в каждой из таких групп систематизировать, подвергать детальному анализу. Но подводить итоги всем достигнутым успехам было еще преждевременно, так как многие вопросы, и вопросы существенные, в области доисторической археологии могли быть только намечены. Разрешения их приходилось ждать от будущих исследований. Как бы то ни было, наше знакомство с вещественными памятниками старины восходило теперь в такую глубь веков по сравнению с известными до того памятниками классической археологии, о какой и мечтать еще было нельзя в начале XIX в.

13. Приблизительно в одно время с доисторической археологией встало на прочную базу и изучение христианской археологии. Начало изучению памятников христианского искусства и старины положено было в Риме еще в XVI в., когда первые, по времени, христианские памятники Рима, его катакомбы, подземные „места упокоения“ (coemeteria) римских христиан первых трех веков, рассеянные в большом числе вокруг города, стали служить предметом раскопок и исследований. Уже в 1632 г. уроженец Мальты, Антонио Бозио (Bosio), издал сочинение, посвященное катакомбам и их росписям („Roma sotteranea“) [2]). В первой половине XIX в. появилось важное, для своего времени, исследование о катакомбах и других ранне-христианских римских древностях ученого иезуита Марки (P. Marchi, I monumenti primitivi delle arti cristiane nella metropoli del cristianesimo dissegnati ed illustrati, Roma 1844) [3]). Однако, на истинно научную почву исследование катакомб встало

---

[1]) В. И. Модестов, Введение в Римскую историю I, П. 1902. Введение в науку. История, вып. 8. С. А. Жебелев, Древний Рим, ч. I. (П. 1922), стр. 12 сл.

[2]) После Бозио дело исследования катакомб продолжали Аринги (P. Aringhi, Roma subterranea novissima, 2 тт., Рим 1651) и Боттари (G. G. Bottari, Sculture e pitture sagre estratte da i cimiteri di Roma, 3 тт., Рим 1737—54).

[3]) В 50 гг. на средства французского правительства был опубликован большой (в 6 тт.) труд L. Perret, Catacombes de Rome, Париж 18515—5.

лишь с тех пор, как за дело это взялся римский дворянин Джиамбаттиста де Росси (Rossi), ставший основателем науки христианской, правильнее сказать, древне-христианской археологии [1]). Тщательно подготовившись к своим занятиям изучением паломничеств раннего средневековья и памятников ранней средневековой церковной литературы, Росси, в 50-х годах XIX в., пользуясь покровительством папы Пия IX, произвел ряд основательнейших исследований в катакомбах, которые повели к очень важным открытиям в отношении и их устройства и их декоративного убранства и нацарапанных на стенах их надписей. Книга Росси о катакомбах (La Roma sotteranea cristiana descritta ed illustrata, 3 тт., Рим 1864—77) навсегда останется классическим о них исследованием. Росси же наука обязана монументальным изданием мозаик римских церквей-базилик, начиная с древнейших и кончая XV в. (Musaici cristiani et saggi dei pavimenti delle chiese di Roma anteriori al sec XV. Tavole cromolitografiche con cenni storici e critici, текст на итальянском и французском языках, вып. I—XXII, всего 53 таблицы, Рим 1873 сл.) [2]). Наконец, созданием специального периодического органа, посвященного исследованию различных вопросов, относящихся к области христианской археологии, „Bulletino di archeologia cristiana" (начал выходить с 1863 г.), Росси об'единил разрозненные до тех пор занятия отдельных лиц в сфере того отдела археологической науки, который, по праву, может гордиться им, как своим основателем [3]). То, что Росси дал для христианской археологии собственно Рима, пытался дать для южной Италии Салаццаро (D. Salazaro) своим большим изданием „Studi sui monumenti della Italia Meridionale dal IV al XIII secolo" (Неаполь 1871—81).

---

[1]) О Росси см. P. M. Baumgarten, G. B. de Rossi, der Begründer der christlich-archäologischen Wissenschaft. Eine biographische Skizze, Кёльн 1892. E. К. Редин, Памяти Д. Б. де Росси, основателя христианской археологии, Хар. 1894.

[2]) Начало исследования римских базилик положено было в XVI в., когда появился трактат Панвинио (On. Panvinio), De praecipuis urbis Romae sanctioribusque basilicis, quas Septem ecclesias vulgo vocant, liber, Рим 1570. В 1690 г. появился трактат G. Ciampini, Vetera monumenta, in quibus praecipue musiva opera, sacrarum profanarumque aedium structura, ac nonnulli antiqui ritus, dissertationibus iconibusque illustrantur (Рим). В 40-х гг. XIX в. вышло большое издание: Chr. R. Bunsen, Die Basiliken des christlichen Rom nach ihrem Zusammenhang mit der Idee und Geschichte der Kirchenbaukunst, Мюнхен 1842, франц. издание того же труда: Gutensohn et Knapp, Les basiliques chrètiennes de Rome relevées et dessinées. Texte explicatif et descriptif par Chr. B. Bunsen, Пар. 1872.

[3]) После смерти Росси тот же журнал выходил под заглавием: „Nuovo Bulletino di archeologia cristiana", Рим 1895 сл. Наряду с этим журналом следует отметить выходящий в Риме же, с 1887 г., под редакцией de Waal'я, „Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kirchengeschichte" и парижское „Revue de l'art chrétien" (с 1857 г.).

Первою попыткою дать связное изложение христианской археологии было 12-титомное сочинение Аугусти (J. Chr. W. Augusti) „Denkwürdigkeiten der christlichen Archäologie“ (Лпц. 1817—31), написанное, однако же, „mit beständiger Rücksicht auf die gegenwärtigen Bedürfnisse der christlichen Kirche“, т. е. с узкобогословской точки зрения. Гораздо выше его стоит пользовавшийся, в течение долгого времени, заслуженною известностью большой труд Серу д'Аженкура (J. B. L. G. Seroux d'Agincourt) „Histoire de l'art par les monuments“, где дается первое связное изложение истории всего средневекового искусства, с его упадка в IV и до Возрождения в XVI в. (6 тт., Пар. 1823), переработанный по-немецки, под радакцией Кваста (Sammlung von Denkmälern der Architektur, Sculptur und Malerei von IV bis zum XVI Jahrh., Берлин 1840). В этом труде давалась, впрочем, не столько история средневекового искусства, сколько сопоставление памятников искусства и старины, с пояснительным к ним текстом. Такой же характер носит и монументальный труд Гарруччи (R. Garrucci) „Storia dell'arte cristiana“ (6 тт., Прато 1873—81), в котором дано воспроизведение (в рисунках, а потому далеко не всегда точное) огромного количества христианских памятников первых восьми веков. Труды Серу д'Аженкура и Гарруччи, имевшие большое значение в свое время, как полезные и обстоятельные справочные пособия, впоследствии оказались замененными более пригодными и точными, а потому в настоящее время они могут представлять лишь исторический интерес. Но и теперь еще полезно обращаться к сочинениям французского археолога первой половины XIX в. Дидрона (A. N. Didron), который показал большое знание и искусство в исследовании средневековых памятников, как западных, так и восточных, положил прочное начало изучению христианской иконографии своим сочинением „Histoire de Dieu, iconographie des personnes divines“ (Пар. 1843) и, в течение длинного ряда лет, редактировал „Annales archéologiques“ (28 тт., Пар. 1844—81), заключающих в себе много ценного археологического материала. В этом отношении такое же значение навсегда останется за очень ценными сборниками, издававшимися Кайэ (Ch. Cahier) и Мартэном (Arth. Martin) под заглавием „Mélanges“ (4 тт., Пар. 1847—56) и „Nouveaux mélanges“ (Пар. 1874—77) „d'archéologie, d'histoire et de littérature sur le moyen âge“. В этих сборниках нашло себе место обсуждение целой серии памятников, как французского, так и иного происхождения, средневековой художественной промышленности (предметов золотых дел мастерства, эмалей, миниатюр, слоновых костей, тканей и пр.). Все эти и им подобные монографические исследования сделали возможным появление во Франции, уже в 60-х гг., трудов об'единяющего

характера по художественной промышленности Лабарта (J. Labarte) „Histoire des arts industriels au moyen âge et à l'époque de la Renaissance“ (2 изд., Пар. 1872—75, 3 тт.), по архитектуре Гайлабо (J. Gailhabaud) „L'architecture du V-e au XVII-e siècle et les arts qui en dépendent: la sculpture, la peinture murale, la peinture sur verre, la mosaïque, la ferronnerie etc“ (4 тт., Пар. 1869—72). Из средневековых памятников „большого искусства“ особенное внимание исследователей привлекала, конечно, архитектура, сохранившаяся в столь многих образцах. Наряду со специальными трудами, посвященными наиболее замечательным из них [1]), появлялись издания и общего характера [2]).

В отдельных странах Европы ученые, начиная с средины XIX в., энергично принялись за исследование местных, национальных, древностей и достигали иногда в этом случае успешных результатов. Так, в Германии Линденшмит (L. Lindenschmit) в своем сочинении „Die Altertümer unserer heidnischen Vorzeit (3 тт., Майнц 1858—81) сопоставил и исследовал германские „языческие“ древности, хранившиеся в общественных и частных собраниях, а Мюлленхоф (K. Müllenhoff), правда, позже дал обстоятельное сочинение общего характера по германской археологии (Deutsche Altertumskunde, 5 тт., Берл. 1879—92). Во Франции много потрудился над изучением национальных древностей Комон (A. de Caumont), заботившийся об учреждении особых обществ с целью исследования древностей, возбудивший любовь к ним своими лекциями. Из трудов Комона в свое время пользовались большим значением „Histoire de l'architecture religieuse, militaire et civile au moyen-âge (2 изд., 1837); „Histoire de l'art dans l'Ouest de la France“ (6 тт., 1831—40); „Abécédaire, ou rudiments d'archéologie“ (3 изд., 1869). В 70-х годах предпринято было издание „Археологического словаря Галлии“ (Dictionnaire archéologique de la Gaule. Epoque celtique, Пар. 1875) и „Топографического словаря Франции“ (Dictionnaire topographique de la France, contenant les noms de lieux anciens et modernes, Пар. 1877—81). Первую попытку дать связный обзор кельтской и галльской археологии представляла книга Бертрана (Al. Bertrand) „Archéolo-

---

[1]) Например, Константинопольская св. София (G. Fossati, Aya Sophia Constantinople, Лонд. 1852. W. Salzenberg, Altchristliche Baudenkmale von Constantinopel vom V bis XII Jahrh., Берл. 1854), Монреальский собор в Палермо (D. B. Gravina, Il duomo di Monreale, Палермо 1859), памятники Равенны (A. F. Quast, Die alt-christlichen Bauwerke von Ravenna vom 5 bis zum 9 Jahrh., Берл. 1842).

[2]) Hübsch, Die altchristlichen Kirchen, 2 тт., Карлсруэ 1862—3 (франц. перевод: Monuments de l'architecture chretienne, Пар. 1866), H. G. Knight, The ecclesiastical architecture of Italy from the time of Constantine to the XV century, 2 тт., Лонд. 1843; Ch. Texier and R. Pullan, Byzantine architecture, Лонд. 1864.

gie celtique et gauloise“ (Пар. 1876, 2 изд. 1889). Большой труд специально по бронзовому веку во Франции дал Шантр (Ern. Chantre, Age du bronze. Recherches sur l'origine de la métallurgie en France, 3 тт., Пар. 1875—6), по монументальной статистике Парижа—Ленуар (A. Lenoir, Statistiqne monumentale de Paris, 2 тт., Пар. 1867). Руководство по древностям Ирландии составлено было еще в 1848 г. Уокеменом (W. T. Wakeman, Archologia hibernica, Дублин). Испания дала два монументальных издания своих памятников и древностей (Monumentos arquitectonicos de España, Мадрид 1859; Museo Español de antiqüedades, 11 тт., Мадрид 1872 сл.).

14. Винкельман, а позже его К. О. Мюллер подвели итоги и установили общие точки зрения для того отдела археологии, который имел непосредственное отношение к античному миру. В течение первой половины XIX в. настолько шагнула вперед средневековая археология, во всех ее разновидностях, что являлась настоятельная потребность дать более или менее общий ее синтез, чтобы тем самым облегчить исследователям дальнейшие занятия. За выполнение этой задачи взялись трое немецких ученых. Куглер (Kugler) [1]), в начале 40-х гг., дал впервые общее „Руководство по истории искусства“; в двух томах его представлено полное прагматическое изложение истории искусств во все времена и у всех народов (руководство Куглера много раз переиздавалось; имеется его русский перевод „Руководство к истории искусства“, М. 1869—70, исполненный с 4-го нем. издания). Такого же характера „Очерк истории искусства“ Любке (W. Lübke, Grundriss der Kunstgeschichte, 1860; много раз переиздавался; последнее 12-е издание, в обработке Semrau, 2 тт., Штуттгарт 1899. 1901). Сочинения Куглера и Любке давали краткие обзоры исторического развития искусства. Более подробное изложение дал Шнаазе (C. Schnaase, Geschichte der bildenden Künste“, 8 тт., 1-е изд. 1843—64; 2-е 1866—79), где изложение истории искусства доведено до XVI в. И теперь еще с пользою могут быть прочитаны, в особенности, те томы сочинения Шнаазе, где говорится о древне-христианском, византийском, мусульманском, каролингском (т. III), романском искусстве (т. IV), о возникновении и развитии готики (т. V). До известной степени, Шнаазе сделал для уяснения средневекового искусства то же, что̀ Винкельман—для искусства античного. Но для составления такого руководства по средневековой археологии, какое представляла собою книга К. О. Миллера по археологии античной, время, очевидно, еще не наступило.

---

[1]) О нем см. К. К. Гёрц. Собрание сочинений, вып. 6 (П. 1900).

15. В последнюю четверть XIX в. и в первое десятилетие XX в., до начала Европейской войны, развитие археологии шло таким быстрым темпом, что уследить за всеми сторонами его, в кратком обзоре, не представляется возможным. Приходится ограничиться указанием лишь на наиболее существенные стороны этого развития.

Прежде всего нужно отметить, что об‘ем археологических знаний и занятий чрезвычайно расширился, что к археологической работе привлечено было много человеческих сил, что к услугам ее образован был целый ряд организаций, созданы были разнообразные вспомогательные средства. Такова внешняя сторона дела. Но и с внутренней стороны в нем сказался несомненный прогресс: самые методы археологического исследования стали болле точными, более тонкими, более совершенными.

Успехи, каких достигло археологическое знание, коснулись почти ревномерно всех его отделов. В центре, по прежнему, стояла классическая археология, как дисциплина, прошедшая наиболее долгий период своего развития и ранее всего выработавшая свои методы исследования. Эти методы старались применять также и к другим ветвям археологии. Благодаря обильному приросту материала, сильно подвинулось вперед археологическое исследование древнего Востока. Попрежнему, Египет в этом исследовании занимал первенствующее место и давал наиболее обильную жатву не только для времен самостоятельного существования египетского государства, но и для греко-римской, христианской и мусульманской эпох Египта. Для охраны и извлечения древностей, хранящихся в почве Египта, правительство его учредило особую „Service des antiquités,“ наряду с которой работали постоянная „Французская Археологическая Миссия“ (Mission Archéologique Française de Caire), при которой состоит „Французский Институт восточной археологии“ (Institut Français d'archéologie orientale de Caire): английское общество „Egypte Exploration Fund,“ „Archaeological Survey of Egypte“, Британская школа; Немецкое Восточное Общество (Orientgesellschaft). Сверх того в Египте постоянно предпринимались раскопки и частными лицами [1]). Археологические изыскания производились также и в сопредельных с Египтом областях: в Нубии, на Синайском полуострове [2]).

---

[1]) Напр., Expedition Ernst Sieglin. Ausgrabungen in Alexandria. Die Nekropole von Kôm-Esch-Schukâfa, bearb. von Th. Schreiber, 2 тт., Лпц. 1908.

[2]) Упомянутые учреждения имеют свои периодические органы, где и помещаются отчеты о произведенных в Египте раскопках. Подробную библиографию по древне-египетской археологии можно найти в небольшом, но превосходном очерке истории искусства Египта, составленном

В Ассирии, после исследований Лэярда, должно отметить раскопки Рассама, которому удалось открыть в Балавате (к ю.-в. от Моссула), между прочим, замечательные бронзовые врата с барельефами, изображающими подвиги Салманассара II [1]), и Немецкого Восточного Общества на месте древнего Ассура. Более обширные исследования произведены были в Вавилонии, где работали французы, немцы и американцы. В 70-х и 80-х гг. француз Сарзек, при раскопках в Телло, открыл удивительные остатки древних храмов и дворцов, великолепные статуи из диорита, изделия из бронзы и глины и пр. [2]). Экспедиция, снаряженная Пенсильванским университетом, производила раскопки, к юго-востоку от Вавилона, развалин древнего города Ниппура, открыла остатки большого храма, много гробниц и пр. [3]). Наконец, в конце XIX в., начала в Вавилоне свои работы экспедиция, снаряженная Немецким Восточным Обществом [4]).

В Персии, в 80-х гг., ценные археологические материалы дали исследования супругов Дьёлафуа в Сузах, где открыты были остатки дворца Артаксеркса I и украшавшего его замечательного эмалевого фриза; при исследованиях обращено было внимание на памятники не только Ахеменидской, но и Сасанидской Персии [5]). Персидский шах разрешил, в 1894 г., Франции производить раскопки по всей Персии, под условием уступок персидскому правительству половины сделанных находок; в 1900 г. за Францией признана была вообще монополия археологических изысканий в Персии. Французами предприняты были раскопки в Эламе (Сузиане), области граничившей с древней Вавилонией, где де-Морганом сделаны были замечательные открытия памятников всех эпох, начи-

первоклассным его знатоком, Масперо (G. Maspero, Histoire générale de l'art. Egypte, Пар. 1912). Для археологии христианского Египта см. Gerspach, Les tapisseries coptes, Пар. 1890. R. Forrer, Römische und byzantinische Seiden-Textilien aus dem Gräberfelde von Achmim-Panopolis, Страссбург 1891; Die frühchristlichen Altertümer aus dem Gräberfelde von Achmim-Panopolis, Страссбург 1893. J. Strzygowski, Koptische Kunst (Catalogue général du Museé du Caire, 1904). Crum, Coptic monuments (тоже, 1902). J. Clédat, Le monastère et la nécropole de Baouît, Каир 1904. Вообще о коптском искусстве Al. Gayet, L'art copte, Пар. 1904. Для мусульманской археологии Египта В. А. Stanley Lane-Poole, The art of the Saracens in Egypt, Лонд. 1886.

[1]) Rassam, Excavations and discoveries in Assyria. Лонд. 1880. A. Billerbeck und F. Delitsch, Die Palasttore Salmanassars II von Balawat, Лпц. 1910.

[2]) См. E. de Sarzec, Découvertes in Chaldée, 2 тт., Пар. 1887—93. L. Heuzey et Thureau Dangin, Nouvelles fouilles de Téllo, Пар. 1910—11.

[3]) Результаты опубликованы в издании „The Babylonian Expedition of the University of Pensylvania“ (1893 сл.) См. также H. V. Hillprecht, Explorations in Bible Lands during the 19 Century, Эдинбург 1903, нем. обработка: Die Ausgrabungen in Assyrien und Babylonien, 1907.

[4]) Отчеты помещались в „Mitteilungen“ Общества.

[5]) J. Dieulafoy, A Suse, Пар. 1888. M. Dieulafoy, L'art antique de la Perse, 2 тт., Пар. 1884—5; L'acropole de Suse, 2 тт., Пар. 1890—2.

ная с доисторической [1]). В области, примыкавшей с севера к Месопотамии, в Ванском царстве, работала, в начале XX в., немецкая экспедиция Лемана и Белька, обследовавшая Армению—русскую, турецкую и персидскую [2]).

В область культуры хеттов, распространенной в Малой Азии и в северной Сирии, предпринята была, в 1889 г., экспедиция Немецкого Восточного Общества. Под холмом в Зендширли открыты были характерные произведения хеттской культуры в виде барельефов, колоссальных царских статуй, сосудов, архитектурных обломков и пр. [3]). В следующем, 1890 г., экспедиция Рамзея и Гогарта исследовала главные местности Каппадокии и открыла достаточное количество хеттских памятников. Наконец, в 1906 г., Винклер сделал замечательное открытие в центре хеттской культуры, в Богазкёе [4]). Американские экспедиции, под руководством Бётлера, в Хауран (к юго-востоку от Иордана) дали замечательные результаты для архитектуры римского времени в Сирии [5]).

В пределах распространения финикийской культуры сделаны были замечательные открытия в Сидоне, где найдены были, между прочим, великолепные саркофаги, хранящиеся ныне в Оттоманском Музее, в Константинополе [6]); на Кипре—раскопки американского консула Чесполы и англичан [7]); в Карфагене, где, по почину кардинала Лавижери, французскими монахами-миссионерами велись раскопки пунических, римских и других некрополей, опоясывающих Карфаген [8]). Различные пункты Палестины энергично исследовались в течение первого десятилетия XX в. англичанами и немцами. Экспедиции Глазера (в 80-х гг.) в Аравии дали много материала для археологии этой самой южной области семитического мира [9]). Покорение англо-египетскими войсками Судана (1900)

[1]) J. de Morgan, Délégation en Perse, Пар. 1900 сл.

[2]) C. F. Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt, Берл. 1910.

[3]) Ausgrabungen in Sendschirli, 1893—1902.

[4]) Garstrang, The Land of the Hittites, Лонд. 1910.

[5]) H. Crosby Butler, American Archaeological Expedition to Syria in 1899—1900, Нью-Йорк 1903; Ancient architecture in Syria, Лейден 1907—14.

[6]) O. Hamdy-Bey et Th. Reinach, Une nécropole Royal à Sidon Fouilles de Hamdy-Bey, 2 тт., Пар. 1892—3.

[7]) A. S. L. Palma di Cesnola, The antiquities of Cyprus, Лонд. 1873 (нем. обр. 1879). A. S. Murray, A. H. Smith and H. B. Walters, Excavations in Cyprus, Лонд. 1900.

[8]) Отчеты, о раскопках помещались в „Comptes Rendus de l'Académie des inscriptions“ и в журнале „Cosmos“. Найденные памятники опубликованы в изданиях местных музеев: Museé St. Louis de Carthage (3 тт.), Museé d'Alaoui (2 тт. 1897—1907).

[9]) D. Hogarth, The penetration of Arabia, a record of the development of westerne knowledge concerning the Arabian peninsula, Лонд. 1905. Для сев. Аравии—Brünnow und Domaszewsky, Die Provincia Arabia (3 тт., Страссбург 1904—9).

и приобщение южной Нубии к культурному миру открыли широкое поприще для производства там археологических изысканий, в особенности со стороны английских и американских ученых [1]).

Над археологическими исследованиями Алжира и Туниса с блестящим успехом работала Франция, в лице Канья, Гоклера, Гзеля и др. Раскопки в различных пунктах этих стран поставлены были образцово и дали изумительные результаты, в особенности, для эпохи римской империи. Самые развалины городов бережно охраняются, или осторожно восстанавливаются. Для найденных предметов искусства и старины создано много местных музеев, отлично каталогизированных [2]).

Малая Азия, в 80-х и 90-х гг. XIX в., привлекала к себе большое внимание со стороны археологов, и в различные части ее совершено было несколько больших археологических экспедиций, давших ценные результаты. Так, по юго-западной части Малой Азии путешествовали Бенндорф и Ниман, по поручению австрийского министерства народного просвещения [3]), Петерсен и Лушан— по поручению австрийского общества для археологического исследования Малой Азии [4]). Прусская Академия Наук командировала в Малую Азию и Северную Сирию Гумана и Пухштейна [5]). Граф Ланцкоронский исследовал остатки городов Памфилии и Писидии [6]). Австрийцы Гебердей и Ка̀линка совершили двоекратное путешествие по юго-западной части Малой Азии [7]). В 90-х же годах Зарре предпринял путешествие по Малой Азии специально для исследования находящихся в ней сельджукских памятников [8]).

Археологическое исследование стран древнего (классического) Востока велось, в течение последних 30—40 лет, столь напряженно, привело к таким обильным важным, а иногда и неожиданным результатам, что предпринятая, в свое время, попытка Перро и Шипье дать почти исчерпывающее изложение восточной археологии,

---

[1]) Литература указана Б. А. Тураевым, История Древнего Востока, I, 2 изд., П., 1913, стр. 44.

[2]) См. многотомную серию издания „Musées et collections archéologiques de l'Algérie et de la Tunisie" (выходит с 1890 г.). Для ориентировки G. Boissier, L'Afrique romaine, Пар. 1895.

[3]) O. Bendorf und G. Niemann. Reisen in Lykien und Karien, Вена 1884.

[4]) E. Petersen und F. Luschan, Reisen in Lykien, Milyas und Kibyratis, Вена 1889.

[5]) K. Humann und O. Puchstein, Reisen in Kleinasien und Nord-Syrien, 2 тт., Берл. 1890.

[6]) K. Graf Lanckoronsky, Städte Pamphyliens und Pisidiens, 2 тт., Вена 1890—2.

[7]) Отчеты в „Denkschriften" Венской Академии. В высшей степени ценное пособие дали W. Ruge und E. Friedrich, Archäologische Karte von Kleinasien, Галле 1899. См. также труды W. M. Ramsay, The historical geographie of Asia Minor, Лонд. 1890; The cities and bishoprics of Phrygia, 2 тт., Оксф. 1895—7.

[8]) Fr. Sarre, Reise in Kleinasien, Берл. 1896.

в значительной степени, должна быть признана теперь устаревшею, хотя к этому изданию долго еще придется обращаться, как к справочному пособию, и пользоваться многочисленными помещенными в нем иллюстрациями [1]).

Из стран Дальнего Востока всего более было сделано для археологического изучения Индии [2]). Главные труды как по регистрации и описанию памятников, так и по собиранию литературных сведений о них связаны с именами Каннингема [3]), Бэрджеса [4]) и Флита (Fleet). Инженер Александр Каннингэм положил начало „археологической с'емке" Индии, т. е. составлению археологической карты страны, периодически проверяемой и дополняемой. Подобной регистрации археологических памятников нет до сих спор ни в одной из других областей Востока [5]).

16. Как ни много было сделано, за последние 40—50 лет, для археологического изучения тех стран и областей, которые об'единяются, в широком смысле, в понятие стран восточных, все же еще бо̀льших результатов достигло, за указанное время, исследование стран, хранящих в себе памятники „классической" культуры, т. е. Греции с прилегающими к ней островами и малоазийским побережьем, и Италии (с Сицилией) и ее провинций. Говорить подробно о достигнутых тут успехах потребовало бы очень много места. Поэтому, отсылая за подробностями к указанной (стр. 32) книге Михаэлиса, мы напомним лишь выдающиеся хронологические даты произведенной работы.

1870—74. Раскопки—сначала тайные—в беотийском городе Танагре, приведшие к открытию знаменитых „танагрских" статуэток, живописущих греческий быт IV в. и воспроизводящих наглядно в произведениях художественной промышленности отголоски „большого" искусства IV в. [6]).

---

[1]) G. Perrot et Ch. Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité. I. Egypte (1882). II. Chaldée et Assyrie (1884). III. Phénicie. Cypre (1885). IV. Judée. Sardaigne. Syrie. Cappadoce (1887). V. Perse. Phrygie. Lydie et Carie. Lycie (1890).

[2]) В. В. Бартольд, История изучения Востока в Европе и в России, П. 1911 (главы X и XI).

[3]) A. Cunningham, The stûpa of Bharkuit, Лонд. 1879.

[4]) J. Burgess, The ancient monuments, temples and sculptures of India—основной труд.

[5]) Вся главная литература по археологии Индии и стран, находившихся под ее влиянием, указана в статье С. Ф. Ольденбурга „Буддийское искусство" в НЭС. VIII. Тоже для китайской археологии в ст. А. И. Иванова „Китайское искусство" НЭС. XXI. Большой систематический свод библиографических указаний по мусульманской археологии дали, на основании материалов, собранных бар. В. Г. Тизенгаузеном, К. А. Иностранцев и Я. И. Смирнов в ЗВОРАО. XIV и отдельно, П. 1906.

[6]) Публикация R. Kekule, Griechische Thonfiguren aus Tanagra, Штутгарт 1878, теперь неудовлетворительна. Лучшие воспроизведения типов танагрских терракотт у A. Furtwängler, Die Sammlung Sabouroff, II, Берл. 1887.

1871—1890. Раскопки Генриха Шлимана в Трое, Микенах, Орхомене и Тиринфе, открывшие пред нашими взорами одну из начальных страниц эллинской культуры („микенская культура“). После смерти Шлимана раскопки в Трое продолжал Дёрпфельд [1]).

1875—81. Раскопки германского правительства в Олимпии, под главным руководством Э. Курциуса и Адлера. Раскопки воскресили пред нами всю историю знаменитой обще-греческой святыни и повели к открытию массы самых разнообразных памятников искусства и быта, в том числе таких шедевров, как Гермес Праксителя, Ника Пеония, метопы и фронтоны храма Зевса и пр. и пр. [2]).

1887—1894. Раскопки Французской Школы в Афинах на Делосе, возобновившиеся с 1902 г. на средства герцога Луба̀ и ко времени начала войны не законченные. По своим результатам делосские раскопки, приведшие к открытию изобилия памятников эллинской культуры архаической, классической и эллинистической эпох, не уступают раскопкам олимпийским [3]).

1878—86. Раскопки, предпринятые Берлинскими Королевскими Музеями, под главным руководством Гумана, в Пергаме, обогатили наши знания касательно эллинистического искусства („Пергамский алтарь“) и вообще эллинистическо-римского быта. С 1900 г. раскопки возобновились под руководством Дёрпфельда [4]).

---

[1]) Литература указана В. П. Бузескулом, О раскопках Шлимана в Трое, Микенах и Тиринфе. ФО. I (1891); Древнейшая цивилизация в Европе. Харьков 1918. См. также А. А. Захаров, Эгейский мир, М. 1918. Р. Лихтенберг. Доисторическая Греция (перев. с нем.), П. 1913. Подробное, богато иллюстрированное изложение истории микенского искусства у Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, VI, Пар. 1894.

[2]) Оффициальное издание результатов раскопок, антиквировавшее все предыдущие публикации: Olympia. Берл. 1890—97. Материал в издании распределен так: I т. Адлер, Курциус и др., Топография и история Олимпии, с приложением карт и планов. II. Адлер, Боррман, Дёрпфельд, Гребер, Грефе, Архитектурные памятники. III. Трей, Скульптура из камня и глины. IV. Фуртвенглер, Бронзы и другие мелкие находки. V. Диттенбергер и Пургольд, Надписи. Для первоначального ознакомления: Олимпия по Лалу и Монсо, изложил К. Мазурин, М. 1892.

[3]) Окончательной публикации результатов раскопок только положено начало. E. Ardaillon и H. Convert дали „археологическую карту острова Делоса“ (Пар. 1902), G. Leroux издал „ипостильную залу“ (Пар. 1909). Отчеты о раскопках и издание отдельных памятников давались в „Bulletin de correspondance hellénique“, в „Comptes Rendus“ Академии Надписей и других периодических публикациях; так открытые при раскопках фрески и мозаики изданы Bulard'ом в XIV т. „Fondation Piot. Monuments et Mémoires“ (1908). К сожалению, нет ни одного ориентирующего сочинения о результатах делосских раскопок.

[4]) Оффициальное издание результатов раскопок пока не закончено. Из „Altertümer von Pergamon“ (Берл. 1885—1910) имеются: II. R. Bohn, Das Heiligtum der Athena Polias Nikephoros. III, J. J. Schrammen, Der grosse Altar. III. 2. H. Winnefeld, Die Friese des grossen Altars. IV. R. Bohn, Die Theater-

1881—1903. Раскопки Греческого Археологического Общества, под руководством Каввадии, в святыне Асклепия в Эпидавре (в Арголиде) познакомили нас с расположением святыни, служившей в древности своего рода курортом, и принесли обилие всякого рода памятников—архитектурных (между прочим, отлично сохранившийся театр), скульптурных, эпиграфических [1]).

1882—90. Раскопки того же Общества, под руководством Филия, в Элевсине, давшие возможность проследить историю развития этого важнейшего места греческого религиозного культа и пролившие не мало света на внешнюю сторону Элевсинских мистерий [2]).

1885—91. Раскопки того же Общества, под руководством Каввадии, на афинском акрополе, при которых была систематически раскопана значительная часть площади его. Раскопки вскрыли картину акрополя в эпоху до-персидского погрома в 480 г. и повели к открытию замечательных памятников архитектуры, скульптуры и вазовой живописи [3]).

1891—95. Раскопки Берлинских Королевских Музеев, под главным руководством Гумана, в мало-азийской Магнесии на Меандре, поведшие к открытию храма Артемиды, остатков скульптур эллинистической эпохи и пр. [4]).

1893—1901. Грандиозные раскопки французского правительства, под главным руководством Омолля, в Дельфах, результаты которых, не уступающие олимпийским и афинским, открыли пред нами всю историю знаменитой святыни Аполлона, дали изобилие

Terrasse. V. 2. H. Stiller, Das Traianeum. VII. 2. Fr. Winter, Die Sculpturen mit Ausnahme der Altarreliefs. VIII, 1. 2. M. Fränkel, Inschriften. Для ориентировки J. L. Ussing, Pergamos, seine Geschichte und seine Monumente, Берл. 1899. Sartiaux, Villes mortes d'Asie Mineure, Пар. 1911. Э. Цибарт, Культурная жизнь древнегреческих городов, перев. с нем., М. 1916.

[1]) Оффициальная публикация P. Cavvadias, Fouilles d' Epidaure, I, Афины 1893, не может быть названа удовлетворительною. Лучше издание A. Defrasse et H. Lechat, Epidaure, Пар. 1895. О раскопках см. статью Н. А. Александровского в ЖМНП. 1890, июнь. Надписи использованы мною в работе „Религиозное врачевание в древней Греции“ (ЗРАО. VI, и отдельно, П. 1893).

[2]) См. пока D. Philios, Eleusine, ses mystères, ses ruines et son musée, Аф. 1896 (русский перевод, в извлечениях, в журнале „Гермес“).

[3]) Пока достойным образом опубликованы остатки поросовой архитектуры в труде Th. Wiegand, Die archaische Poros-Architektur der Akropolis zu Athen, Лпц. 1904, и найденные при раскопках вазы: B. Graef, Die antiken Vasen von der Akropolis zu Athen, Берл. 1909. Для общей ориентировки: P. Kabbadias und G. Kawerau, Die Ausgrabung der Akropolis, Аф. 1901. D'Ooge, The Acropolis of Athens, Лонд. 1908.

[4]) C. Humann, J. Kohte und C. Watzinger, Magnesia am Maeander, Берл. 1904.

находок всякого рода, в том числе первоклассные памятники искусства, колоссальное количество надписей [1]).

1895—99. Раскопки Берлинских Королевских Музеев в малоазийском городе Приене, значительно обогатившие наши сведения об устройстве эллинистических городов [2]).

1895—1901. Раскопки Гиллера фон-Гертрингена, произведенные им на свои средства на острове Фере; при них был открыт древний город на скале, с религиозными, общественными и частными зданиями [3]).

1896—1907. Раскопки, под руководством Гебердея, австрийцев в Эфесе, особенно важные для истории города в эллинистическо-римскую эпоху [4]).

1889. Начало больших немецких, под руководством Виганда, раскопок в Милете, ко времени начала войны не законченных, но давших уже богатейшие результаты, особенно важные для эллинистической и римской эпох города [5]).

1900. Начало раскопок на Крите, ко времени войны не законченных. Англичанин Эванс копал в Кноссе, на северном берегу острова, итальянцы—в Фесте, на его южном берегу. Результаты раскопок открыли пред нами начальную страницу истории греческой культуры („эгейской“) [6]).

1901—5. Раскопки баварского правительства, под руководством Фуртвенглера, на острове Эгине, давшие, помимо других находок, новые остатки фронтонов, украшавших Эгинский храм [7]).

---

[1]) Из оффициальной публикации „Fouilles de Delphes“, 1902—11, до начала войны имелись: II. Topographe et architecture, вып. 1. III. Epigraphie, вып. 1—3. IV. Monuments figurés, sculpture, вып. 1—2. V. Monuments figurés, petites bronzes, terrecuites, antiquités diverses, вып. 1—3. Для ориентировки: Em. Bourguet, Les ruines de Delphes, Пар. 1914. Fr. Poulsen, Delphi, Лонд. 1920 (перевод с датского). Многие из найденных при раскопках надписей послужили предметом исследований покойного А. В. Никитского.

[2]) Th. Wiegand und H. Schrader, Priene, Берл. 1904. Для ориентировки ук. соч. Sartiaux и Цибарта.

[3]) Fr. Hiller von Gaertringen, Thera, 4 тт. Берл. 1899—1904. Для ориентировки ук. соч. Цибарта.

[4]) Forchungen in Ephesos, I, Вена 1906. Для ориентировки ук. соч. Sartiaux. Храм Артемиды Эфесской, остатки которого были открыты Вудом в 1871 г., послужил предметом раскопок Британского Музея в начале XX в. D. G. Hogarth, The archaic Artemision Лонд. 1908.

[5]) Из оффициального издания „Milet“ пока имеется I. Karte der milesischen Halbinsel. IV. H. Knackfuss, Das Rathhaus, Берл. 1906. Для ориентировки ук. соч. Sartiaux и Цибарта.

[6]) Для ориентировки полезны книги R. M. Burrows, The discoveries in Crete, Лонд. 1907 и указанные выше книги Захарова и Лихтенберга. Наиболее замечательные памятники в альбомах G. Maraghiannis'a „Antiquités crétoises“.

[7]) Ad. Furtwängler, Aegina, Мюнх. 1906.

Вот наиболее замечательные из крупных раскопок, произведенных за промежуток 30 лет в собственной Греции, на островах Архипелага и на побережье Малой Азии. А наряду с крупными раскопками сколько было произведено раскопок, в тех же местах, менее внушительных, иногда мелких, и, тем не менее, постоянно дававших богатые и неожиданные результаты. Одно голое перечисление названий тех мест, где раскопки были произведены, заняло бы не одну страницу нашей книжки [1]).

Все не только великие, но и многие малые европейские державы принимали в этом участие; все они отдавали для археологии не только значительное количество ученых своих сил, но и приносили на алтарь ее большие материальные жертвы [2]). Энергично и плодотворно работали и наследники, если „не духовные", то „территориальные" великого прошлого эллинской культуры—греки, хотя, по ограниченности своих материальных средств и из-за недостатка ученых сил, играть роль „первой скрипки" в археологии они должны были предоставить другим—преимущественно французам, немцам, англичанам. В общем, нужно сказать, в археологической работе на эллинском Востоке, каждый делал, что̀ мог, по мере своих сил и средств. Работа велась дружно, принесла богатейшие результаты, потому что, за немногими исключениями, она велась систематически и планомерно, потому что при ведении ее все ее участники—были ли то целые государства, или общественные организации, или частные лица—были обуреваемы не какими-либо личными рассчетами, но лишь высшими побуждениями—интересами научного знания. И если тут замечалось иногда своего рода соревнование, то это было соревнование благородное, то „состязание" (ἀγών), которое является столь характерным для древних греков в их общественной и государственной жизни.

Наряду с памятниками античными, энергично исследовались и средневековые, византийские, памятники Греции и сопредельных с нею стран—церкви Константинопольские, Солунские, Афонские, монастыри св. Луки в Фокиде и Успения Богоматери в Дафнѝ (около Афин), памятники Мистрѝ (около Спарты), христианские

---

[1]) Живую и последовательную хронику археологических исследований на эллинском Востоке за 1883—95 гг. дают два тома „Chroniques d'Orient", С. Рейнака (Пар. 1891—5), перепечатанные из „Revue archéologique". За десятилетний период существования издававшегося в Москве журнала „Филологическое Обозрение" (1891—1901), в нем вели „Археологическую хронику эллинского Востока" сначала А. Н. Щукарев, затем я.

[2]) К сожалению, Россия в этой интернациональной работе, как видно будет из дальнейшего, принимала участие более, чем скромное.

древности Малой Азии и т. д. и т. д. [1]). Если ранее с памятниками византийской археологии мы были знакомы, главным образом, на основании древностей Константинополя, Равенны, Рима и других итальянских городов, то теперь к ним присоединился такой запас памятников из пределов самой Византийской империи, который заставил ученых пересмотреть совершенно заново всю историю византийского и вообще восточно-эллинского христианского искусства.

17. Столь же энергично, столь же плодотворно протекала за последние 40—50 лет археологическая работа в западной части Средиземноморья, прежде всего в Италии и в западных римских провинциях. В противоположность Греции, где греки, как мы видели, принимали посильное участие в раскопках и в археологических исследованиях наряду с иноземцами, итальянцы, со времени образования Итальянского королевства, взяли всю практическую археологическую работу почти исключительно в одни свои руки. С национальной точки зрения это, конечно, должно быть только приветствуемо и делает итальянцам большую честь. Но, с другой стороны, ясно, что у одних итальянцев не могло хватать ни материальных средств, ни ученых сил для осуществления в Италии археологических предприятий в таком большом масштабе, в каком в Греции были осуществлены, хотя бы, немецкие раскопки в Олимпии или французские раскопки в Дельфах. Впрочем, сами условия, в каких протекала на протяжении веков историческая жизнь Италии, делали невозможным производство в ней таких археологических предприятий, какие мыслимы а отчасти и осуществлены в Греции, на островах Архипелага и в Малой Азии. Во многих местах древне-эллинского мира, где в древности жизнь била ключом— вспомним, опять-таки, хотя бы Олимпию,—эта жизнь давно уже прекратилась, места эти поросли „травой забвения", и для производства на них археологических изысканий не было никаких препятствий. Не то в Италии, где культурная жизнь, и после того, как угасла античная культура, никогда не замирала, где на прежних культурных слоях постоянно возникали новые. В Афинах, например, было можно раскопать не только весь акрополь, но производить какие угодно раскопки и во всех прилегающих к нему местах, ибо последние необитаемы. В Риме можно производить

[1]) G. Millet, Le Monastère de Daphni, Пар. 1899. Monuments byzantins de Mistra, Пар. 1910. R. W. Schultz and L. H. Barnsley, The monastery of Saint Luc of Stiris in Phocis, Лонд. 1910. J. Ebersolt, Les églises de Constantinople, Пар. 1913. J. Strzygowski, Kleinasien, Лпц. 1903. W. M. Ramsay and G. L. Bell, The thousend and one churches, Лонд. 1909. H. Brockhaus, Die Kunst in den Athos-Klöstern, Лпц. 1891.

раскопки на форуме. Но как производить раскопки в окружающих его местах, коль скоро эти места продолжают „жить“ и по сие время? Таких примеров „в пользу“ археологии Греции и „во вред“ археологии Италии можно привести неисчерпаемое количество. Говоря коротко: площадь для производства археологических исследований на греческом Востоке неизмеримо превышает таковую же площадь на римском Западе; на Востоке можно производить раскопки, в конце концов, где хочешь, на Западе лишь там, где это оказывается, по условиям теперешней жизни, возможным, где это не нарушает ни государственных, ни общественных, ни частных интересов.

Лишь два пункта в Италии представляли и представляют полный простор для археологии. Эти засыпанные лавой еще в древности и с тех пор необитаемые города Помпеи и Геркуланей (так правильнее говорить, а не Геркуланум: по-латыни город назывался Herculaneum).

Что касается последнего, то после раскопок, продолжавшихся в нем с 1828 по 1875 г. (с перерывами), они не производились. План американца Вальдштейна произвести грандиозные раскопки на средства, полученные от всемирной подписки, но под главным руководством Италии, разбился о протесты некоторых итальянских археологов, хотя, несомненно, планомерное и всестороннее исследование города не под силу одной Италии [1]).

Планомерные раскопки Помпей, начавшиеся в 1860 г., непрерывно продолжались последнее время под главным руководством Сольяно. Теперь расчищено уже почти $^{3}/_{5}$ города. Несмотря на то, что в Малой Азии раскопано было, как мы видели выше, несколько эллинистических городов, все же Помпеи, как город, являются самым лучшим и типичным представителем эллинистическо-римской эпохи и давали и дают наибольшее количество памятников для характеристики эллинистическо-римского быта. Лишь Помпеи дают возможность проследить историческое развитие эллинистического города, равно как и историческое развитие италийского дома, в его переходе от чисто италийского к эллинистическому типу. Ни один город не дал такого обилия домашней утвари из бронзы, начиная от самой ординарной и до роскошной. Наконец, помпеянские фрески являются и по сие время нашими главными источниками для истории античной декоративной живописи. Один из наилучших, если не наилучший, знаток Помпей, Авг. Мау в своей обильно и прекрасно иллюстрированной книге „Pompeji in Leben

---

[1]) Ch. Waldstein — Shoobridge, Herculaneum. Past, present and futur, Лонд. 1908.

und Kunst“ (2 изд., Лпц. 1908), в сжатой форме, знакомит читателя с открытыми в Помпеях общественными зданиями, частными домами и виллами, могилами, помпеянским искусством и надписями. Книга Мау—наилучшее пособие для ознакомления с помпеянскою археологией [1]).

В самом Риме раскопки сосредоточены были, прежде всего, на форуме. Итальянское правительство предприняло, под руководством Пьетро Роза и за ним Ланчани, обширные раскопки на форуме в 70-х и 80-х г.г. С 1898 г. раскопки эти, руководимые инженером Бони, увеличили раскопанную площадь почти вдвое и привели к замечательным открытиям, относящимся как к древнейшему периоду истории Рима, так и к наиболее блестящим эпохам империи. Эти же раскопки повели к открытию церкви S. Maria Antiqua, украшенной великолепными фресками [2]). Продолжались начатые еще Наполеоном III работы на Палатине, охватившие почти всю площадь холма [3]). Открыт был, при регулировании Тибра, в саду Villa Farnesina дом эпохи Августа, с прекрасно сохранившимися фресками [4]). Сделано было много и других отдельных прекрасных находок, нашедших себе место в новообразованном Museo Nazionale в термах Диоклетиана [5]). Обстоятельно исследованы были и достойным образом изданы памятники ранее известные: „Жертвенник мира“ (Ara Pacis Augustae), колонны Траяна и Марка Аврелия, и пр. [6]).

---

[1]) Отдельным приложением к книге Мау вышел в 1913 г. составленный Дрекселем „Ученый аппарат“, с обильными библиографическими указаниями.

[2]) Одному из лучших знатоков топографии Рима, Гюльзену (Chr. Hülsen), принадлежит руководящее сочинение о форуме: Das Forum Romanum, seine Geschichte und seine Denkmäler, 2 изд., Рим 1905, и дополнение к нему: „Die neuesten Ausgrabungen auf dem Forum Romanum, Рим 1910. О церкви S. Maria Antiqua см. G. M. Rushforth, The church of S. Maria Antiqua. Papers British School of Rome I, 1900.

[3]) E. Graf Haugwitz, Der Palatin, seine Geschichte und seine Ruinen, Рим 1901.

[4]) J. Lessing und A. Mau, Wand-und-Deckenschmuck eines römischen Hauses aus der Zeit des Augustus, Берл. 1891.

[5]) Например, мраморная спинка трона с изображением появляющейся из моря Афродиты, бронзовая статуя кулачного бойца и пр.

[6]) E. Petersen, Ara Pacis Augustae, Вена 1902. C. Cichorius, Die Reliefs der Traianssäule, 4 тт., Берл. 1896. 1900. E. Petersen, A. Domaszewski, G. Calderini, Die Marcussäule auf Piazza Colonna in Rom, Мюнх. 1896. Хорошие воспроизведения архитектурных памятников Рима у H. Strack, Baudenkmäler des alten Rom, Берл. 1890, образцов декоративного искусства у P. Gusman, L'art décoratif de Rome de la fin de République au XV siècle, Пар. 1909. Для римской топографии незаменимое пособие: H. Kiepert et Chr. Hülsen, Formae urbis Romae antiquae, Берл. 1896, где собраны все древние свидетельства и приведена новая литература. Очерк топографии Рима и историю его раскопок дал М. И. Ростовцев в статьях „Археологическая хроника римского Запада“ в ФО. IX. X. Для ориентировки полезны книги из серии „Berühmte

Заняло бы слишком много места перечисление тех мест, где в Италии и в Сицилии произведены были с 1870 г. раскопки античных некрополей. Эти раскопки, в значительной своей части, направлены были на выяснение доисторического прошлого Италии. С главными результатами их можно удобно ознакомиться по книге В. И. Модестова „Введение в римскую историю“ (I т. Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в до-римскую эпоху в Италии и начало Рима. II. Этруски и Мессапы, П. 1902—4), который широко использовал обширную литературу предмета, рассеянную по многочисленным итальянским периодическим изданиям. В некоторых местах раскопки повели к открытию храмов и познакомили нас с типом древне-италийского храма вообще [1]). Давно известные уже греческие храмы в южной Италии и Сицилии были подвергнуты обстоятельному исследованию в труде Пухштейна и Кольдевея (O. Puchstein und R. Koldewey) „Die griechischen Tempel in Unteritalien und Sicilien“ (2 тт., Берл. 1899). В Сицилии произведены были изыскания древне-христианских катакомб [2]). Продолжалось исследование римских катакомб, начатое Росси, при чем наиболее деятельным из его преемников был Вильперт, руководитель Римского Института для исследования древностей, автор большого числа исследований о росписях катакомб, давший, до известной степени, об‘единение своих работ в монументальном издании „Die Malereien der Katakomben Roms“ (Фрейбург 1903), где впервые катакомбные фрески, в большом выборе, были представлены в вполне точных воспроизведениях. Чуть ли не все, более или менее замечательные, средневековые римские базилики послужили, за последнее 50-летие, предметом нового более или менее обстоятельного исследования и обсуждения [3]). То же, до известной степени, при-

Kunststätten“: № 1. E. Petersen, Vom alten Rom, № 3. E. Steinmann, Rom in der Renaissance, а также из серии „Moderner Cicerone“ томики, посвященные римским развалинам (H. Holtzinger, Rom I, 1. Die Ruinen), окрестностям Рима (Th. von Schefler. Rom III. Die Umgebung Roms).

[1]) Раскопки в Фалериях, теп. Чивита Кастеллана (F. Barnabei, G. F. Gamurrini, A. Cozza, A. Pasqui, Degli scavi di antichità nel territorio falisco в „Monumenti Lincei“, IV, 1894), в Марцоботто, около Болоньи (отчет E. Brizzio в „Monumenti Lincei“, I. 1890), в Луни, около Каррары (L. A. Milani в „Museo italiano di antichità classica“, I, 1885) и др.

[2]) J. Führer und V. Schultze, Die altchristlichen Grabstätten Siciliens, Берл. 1907.

[3]) В особенности нужно отметить издание, посвященное мозаикам S. Maria Maggiore: J. P. Richter and A. Cameron Taylor, The Golden age of classic christian art, Лонд. 1904. Для ориентировки полезно руководство A. L. Frothingham, The monuments of christian Rome from Constantine to the Renaissance, Нью-Иорк 1908, где приведена и главная библиография; вообще для средневекового Рима в археологическом отношении книга Гризара (H. Grisar) „Geschichte Roms und der Päpste im Mittelalter“, Фрейбург 1901 (то же на итальянском языке: Storia di Roma e dei papi nel medio evo, Рим 1908)

ложимо и к средневековым памятникам многих других городов Италии [1]). Всякому, кто желает „войти" в изучение многочисленных и разнообразных памятников искусства и быта Италии, необходимо и теперь еще начать свои занятия с усвоения старинной, но замечательной книги Я. Буркгардта (J. Burckhardt) „Der Cicerone. Eine Anleitung zum Genuss der Kunstwerke Italiens" (8 изд. 1901), глубокого знатока и тонкого ценителя всего прошлого Италии.

Из римских провинций всего полнее и обстоятельнее, как сказано выше, исследована была Африка (Алжир, Тунис). На Пиренейском полуострове, помимо исследований, относящихся к доисторическим древностям Испании и Португалии [2]), нужно отметить значительные раскопки в Нуманции (на р. Дуэро), при которых расследованы были различные фазы населения: доисторического, иберского, римского, а также осадные сооружения римлян и их латери [3]). В Галлии (теп. Франции) большое внимание обращено было на расследование доисторических памятников [4]). Менее сделано было для археологии Прованса, столь обильного памятниками римской культуры [5]). Точно также и в Британнии (Англии) систематическая археологическая работа коснулась, главным образом, первоначального периода ее истории; она дала при этом много интересных случайных открытий [6]). В Германии, как и во Франции, оживленно работали многочисленные местные археологические организации в особенности прирейнские) над исследованием местных древностей. Были обследованы старые римские города по Мозелю и Рейну: Трир, Бонн, Кёльн и др. С 1892 г. германское государство, по инициативе Моммзена, обратилось к систематическому исследованию германского пограничного вала (limes), давшему много ценных сведений для знакомства с римской фортификацией, для истории отношений между Римом и его германскими соседями. Сделанные при исследовании limes'a находки, в особенности глиняная посуда,

[1]) A. Colasanti, L'art byzantin en Italie, Пар. s. a. E. Bertaux, L'art dans l'Italie méridionale, Пар. 1904.

[2]) E. Carthaillac, Les âges préhistoriques de l'Espagne et du Portugal Пар. 1886.

[3]) A. Schulten, Numantia, Лпц. 1914. См. также обстоятельное исследование P. Paris, Essai sur l'art et l'industrie de l'Espagne primitive, 2 тт., Пар. 1903—4.

[4]) Руководящее сочинение Al. Bertrand, Archéologie celtique et gauloise, 2 изд. Пар., 1889. Также M. C. Barrière Flavy, Les arts industriels des peuples barbares de la Gaule, 3 тт., Пар. 1901.

[5]) Нужно отметить, однако, большую регистрационную работу Em. Espérandieu, Recueil général des bas-reliefs de la Gaule Romaine, 4 тт., Пар. 1907—11.

[6]) Brown G. Baldwin, The arts of early England, 2 тт., Лонд. 1903.

важны для уяснения характера римского прикладного искусства [1]. В пределах бывшей Австрии нужно отметить плодотворные раскопки римской крепости Карнунта и собирание и разработка памятников, происходящих из римской колонии Аквилеи, служившей передаточным пунктом в сношениях Италии с северо-востоком. Для древностей раннего средневековья много ценного материала дали раскопки, а также и случайные находки в Венгрии [2]). Наконец, нужно упомянуть об оживленной археологической деятельности в Болгарии и Румынии, где, в Добрудже, откопан был, на средства румынского правительства, большой памятник в Адамклисси, украшенный характерными рельефами [3]).

Производившаяся археологическая работа в странах, расположенных в Средней Европе, имела важное значение в двояком отношении: с одной стороны, она теснее связала классическую археологию с доисторической, с другой—открыла новые горизонты для археологии западного средневековья. Отныне „классический мир" перестал казаться чем-то изолированным и самодовлеющим, и историческая преемственность чередования отдельных культурных эпох и их взаимоотношение стали обрисовываться во все более и более ясных формах. То большое внимание, какое уделено было исследованию памятников эллинистической культуры дало возможность лучше и правильнее выяснить основы материальной культуры восточного средневековья, а это, в свою очередь, повлияло на более отчетливое и верное представление об основах материальной культуры романо-германского запада. Таким образом, можно, в общем, сказать, что археология в значительной степени содействовала установлению той тесной связи, которая сближает и должна, в силу господствующей в исторической жизни преемственной эволюции, сближать мир античный и мир средневековый, а это, в свою очередь, позволяет, чрез эпоху Возрождения, покоющегося на основах культур античной и средневековой, правильнее понять и оценить культуру новой Европы.

18. Археология принадлежит к числу тех научных дисциплин, развитие и преуспеяние которых зависит не только от усилий отдельных лиц, посвящающих себя разработке их, но и еще более, пожалуй, от умело поставленной и хорошо организованной совокупной работы отдельных представителей науки. Археологические

---

[1]) Для ориентировки см. статью М. И. Ростовцева „Лимес" в НЭС. XXIV, где указана литература предмета.

[2]) Капитальный труд о древностях Венгрии: J. Hampel, Altertümer der Bronzezeit in Ungarn, 2 изд., 1890; Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn, 3 тт., Брауншвейг 1901. См. о последнем труде статью Н. П. Кондакова в „Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук", 1906, кн. 4.

[3]) K. Cichorius, Die römischen Denkmäler in Dobrudscha, Лпц. 1903.

занятия, сосредоточенные лишь в кабинетной работе, заранее, можно сказать, обречены на неудачу и, во всяком случае, будут не в такой степени плодотворны. Для постановки правильной организации археологических занятий сделапо было, за последние 30—40 лет, очень много, благодаря содействию как правительственных, так и общественных сил.

Сыгравший большую роль в истории археологии „Римский Институт Археологической Корреспонденции“, бывший ранее международным, с 1875 г. превращен был в „Немецкий Археологический Институт“ (Kaiserlich Deutsches Archäologisches Institut). Местопребыванием Института, управляемого „Центральной дирекцией“ с „Генеральны секретарем“ во главе, является Берлин. Его филиальными учреждениями служат отделение в Афинах и отделение в Риме. Во главе каждого из этих отделений стоят по два секретаря. Позже к афинскому и римскому отделениям присоединилось третье, во Франкфурте на Майне, имеющее специальное задание—исследование римских памятников и древностей на территории Германии. Институт в Берлине, состоящий из почетных, действительных членов и членов-корреспондентов (не исключительно немцев), ведет, так сказать, общую „археологическую политику“, поскольку это касается классической археологии, ведает филиальными отделениями, предпринимает более или менее обширные раскопки, снаряжает экспедиции. Периодическими органами Института являются: 1) Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts (заменивший прежнюю Archäologische Zeitung), где помещаются археологические исследования; дополнением к Jahrbuch'у служит Archäologischer Anzeiger, где находят себе место, между прочим, обстоятельные ежегодные хроники-отчеты об археологической работе, произведенной за год не только немцами, но и другими национальностями, а также подробная библиография по классической археологии; 2) Antike Denkmäler—роскошное издание in folio, предназначенное для публикациии, с пояснительным текстом, неизданных, или недостаточно хорошо ранее изданных памятников. В качестве „Генерального секретаря“ Института долгое время стоял видный археолог Конце (Alexander Conze), которому Институт во многом обязан своим процветанием [1]).

Афинское и Римское отделения Института имеют свои периодические органы, кратко называемые „Athenische Mitteilungen“ и „Römische Mitteilungen.“ В них помещаются работы, посвященные изданию и исследованию отдельных памятников, находимых на территории Греции, островов Архипелага, Малой Азии, Рима и

---

[1]) О Конце см. В. Смолин в ЖМНП. 1914, сентябрь.

Италии, описанию произведенных раскопок и т. п. Для участия в занятиях отделений прикомандировываются молодые немецкие археологи-стипендиаты, которые в Греции и в Италии завершают свое археологическое образование, и теоретическое и практическое— путем участия в раскопках, путешествий по стране и пр. К услугам занимающихся и в Афинах и в Риме имеются прекрасно оборудованные библиотеки, доступ к которым щедро предоставлялся и археологам других национальностей. Особенно хорошо были обставлены занятия в библиотеке Римского отделения, которая должна быть признана образцовой археологической библиотекой [1]). В 90-х гг. пользовались большим успехом „Путешествия" (Peloponnesosreisen, Inselreisen), устраиваемые ежегодно Афинским отделением по Греции и по островам Архипелага, под руководством одного из тогдашних секретарей отделения, Дёрпфельда. Римское отделение „Путешествий" по Италии не предпринимало, но зато ежегодно выдающийся знаток Помпей, Мау, об'яснял помпеянские памятники на месте, а известный знаток топографии Рима, Гюльзен (Hans Hülsen), руководил об'яснениями топографии и памятников римского форума, Палатина и других римских достопримечательностей. Вообще услуги, оказанные как „Институтом", так, в особенности, его отделениями классической археологии неоценимы, и каждый из археологов-классиков последнего поколения, занимавшийся в Афинах и в Риме, должен себя чувствовать во многом обязанным руководителям этих отделений. Став учреждением национально-немецким, „Институт", в лице своих отделений, сохранил, строго говоря, по примеру „Института Археологической Корреспонденции", интернациональный характер.

Афинское отделение Института в программу своих занятий ставило исключительно греческую археологию (видное место в ней всегда отводилось и греческой эпиграфике; в 70-х и 80-х гг. одним из секретарей отделения был знаменитый эпиграфист Ульрих Кёлер [2])). В противоположность этому, „Французская Школа в Афинах" (Ecole Française d'Athènes), отпраздновавшая в 1896 г. свой полувековой юбилей [3]), с самого же начала своего существования, уделяла

---

[1]) Составленный Мау (Aug. Mau) „Katalog der Bibliothek des Deutschen Arch. Inst. in Rom" (2 тт., Рим 1900—02) должен быть признан не только образцовым систематическим каталогом, но и неоценным библиографическим пособием по вопросам классической и христианской археологии. В 1913 г. І-я половина І-го тома „Каталога" вышла в новой обработке Merclin'a.

[2]) О нем см. мою статью в ЗКОРАО. III.

[3]) Ко дню юбилея составлена была обстоятельная и интересная история Школы G. Radet. Histoire et l'oeuvre de l'Ecole Française d'Athènes. Пар. 1901.

видное место и христианской археологии и греческой филологии, как классической, так и средневековой. На первых порах школа проявляла себя не очень заметно. Но с 70-х гг., когда во главе ее, в качестве директоров, стояли такие выдающиеся ученые, как эпиграфист Поль Фукар (Foucart), и прославивший себя своими раскопками на Делосе и в Дельфах Теофиль Омолль (Homolle), работы школы пошли быстрым темпом и увенчались большими успехами, а ее периодический орган „Bulletin de correspondance hellénique“, начавший выходить с 1877 г., заключал в себе всегда массу свежего и интересного материала археологического и, в особенности, эпиграфического, не только из Греции, но и из Малой Азии. Школою предпринят был ряд раскопок в различных пунктах эллинского мира. К участию в этих раскопках привлекались командируемые французским правительством молодые археологи, становившиеся за время их пребывания (обыкновенно четырехлетнего) в Афинах „членами“ школы и именовавшиеся потом „anciens membres“ школы. К числу этих членов принадлежали и принадлежат почти все французские археологи-классики, эпиграфисты, филологи и, отчасти, историки нынешнего и близкого к нему в прошлом поколения. По образцу „Афинской Французской Школы“ основана была позже „Римская Французская Школа“, проявившая себя в деле исследования Италии не очень заметно, но в своем органе „Mélanges d'archéologie et d'histoire“ (с 1881 г.) давшая много ценного материала [1]).

По примеру французов и немцев, и другие европейские национальности—к ним присоединилась и Америка—стали основывать в Афинах и в Риме, как в главных центрах археологии, свои институты. Так в 1879 г. открыт был American Archeological Institut, со школами в Афинах (с 1881 г.) и в Риме (с 1885 г.) [2]). Затем последовало открытие английской школы в Афинах и в Риме [3]), итальянской школы в Афинах [4]).

---

[1]) Обе школы, и Афинская и Римская, в издаваемой ими „Bibliothèque des écoles françaises d'Athènes et de Rome“ (с 1876 г.), дали длинную серию монографий по различным вопросам археологии, истории и филологии, принадлежащих, главным образом, бывшим членам школ.

[2]) Органами Института служат: Годовые отчеты Института (Annual Reports) с 1880 г., Papers of the American School of Classical Studies at Athens (с 1885 г.), то же in Rome с 1905 г., The American Journal of Archaeology and of the History of the fine arts (с 1885 г.).

[3]) Первая издает „The annual of the British Shool at Athens“ (с 1894 г.), вторая—„Papers of the British Shool at Rome“ (с 1902 г.); сверх того в Риме существует „British and American Archeological Society“, издававшее свой Journal (с 1884 г.).

[4]) Еще до ее открытия много ценного материала по греческой археологии, особенно из раскопок на Крите, было опубликовано в „Museo italiano di antichità classica“ (3 тт., 1885—90).

По инициативе покойного австрийского археолога Отто Бенндорфа (Benndorf), основан был, в 1897 г., в Вене Австрийский Археологический Институт, с филиальным отделением в Афинах, ставивший своею главною задачею археологическое исследование Малой Азии. Органом Института были издаваемые с 1898 г. Jahreshefte des Oesterreichischen Archäologischen Instituts [1]. В Австрии „для исследования и охраны художественных и исторических памятников“ функционировала особая „Центральная комиссия“, издавшая свой „Jahrbuch“ и свои „Mittheilungen“. В Италии археологическое дело, в существенной своей части, находится в ведении „Королевской Академии Линчеев“ (Reale Accademia dei Lincei), которая, помимо отчетов о производимых археологических исследованиях (Notizie dogli scavi di antichità, с 1876 г.), публикует свои „Monumenti antichi“ (с 1890 г.) Кроме того, в Риме действует „Археологическая Коммунальная Комиссия“, издающая свой „Bulletino“ [2].

Число общественных организаций или, что то же, археологических обществ, начало возникновения которых положено было с того времени, как обращено было внимание на памятники искусства и старины, возросло за последние десятилетия до больших размеров. В каждой из европейских стран, а также в Америке, имеется их по нескольку, причем одни из них ставят себе обще-археологические задачи, другие — специальные. Мы отмечаем лишь главнейшие их археологических обществ. В Греции исследование всех ее вещественных памятников сосредоточено в руках „Афинского Археологического Общества“, основанного еще в 1837 г. Помимо „Отчетов“ (Πρακτικά), Общество издавало „Археологический дневник“ (Ἐφημερὶς ἀρχαιολογική), где публикуется постоянно новый материал (особенно с 1883 г.) [3]. Из итальянских археологических обществ следует выделить римское „Società italiana di archeologia e storia dell'arte“, издававшее с 1907 г. свой журнал „Ausonia“. В Германии особенно оживленную деятельность, помимо упомянутых „Берлинского

[1]) Они заменили издававшееся ранее „Archäologisch-epigraphische Mittheilungen aus Oesterreich-Ungarn“ (с 1877 по 1897 г.). Помимо „Jahreshefte“ Институт издавал также свои „Sonderhschriften“ (до 1914 г. появилось 7 тт.).

[2]) Об археологической жизни в Риме см. В. И. Модестов в ЖМНП. 1892, март, апрель, май.

[3]) Историю „Общества“ изложил П. Каввадия (Καββαδίας). Ἱστορία τῆς ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας, Афины 1900. Оффициальным лицом, в ведении которого находится наблюдение за постановкою археологического дела в Греции, является „Генеральный инспектор древностей“ (Γενικὸς Ἔφορος τῶν ἀρχαιοτήτων), с его помощниками в лице инспекторов, эфоров. В течение длинного ряда лет „генеральным инспектором“ был энергичный Каввадия, умело поставивший на высоту археологическое дело в Греции, особенно в практическом отношении—в производстве раскопок.

Археологического Общества“ и „Общества любителей древности в Рейнской области“, проявили Берлинские же „Общество антропологии, этнологии и первобытной истории“, издающее, с 1869 г., свою „Zeitschrift für Ethnologie“, „Немецкое Восточное общество“ (Orient-Gesellschaft). В Англии лондонское „Общество антиквариев“ издало, в период времени с 1770 по 1898 г., 76 томов своей „Археологии (Archaeologia) или различных трактатов, относящихся к древности“; „Великобританский и Ирландский Археологический Институт“ издал 44 тома (1845 по 1887) „The Archaeological Journal“, посвященного, главным образом, вещественным памятникам средневековья. Из французских археологических обществ давно уже заслуженною известностью пользуется парижское „Национальное общество антиквариев“ (Société nationale des Antiquaires de France), издающее „Mémoires“ и „Bulletin“. По образцу этого общества, возникло много аналогичных обществ в провинции, а также во французских владениях в Африке. Не упоминая об археологических обществах в остальных европейских странах, укажем лишь, что в славянских странах, в Болгарии и Сербии, за последнее время значительно пробудился интерес к археологии [1]).

В отмеченных публикациях, издаваемых на правительственные и общественные средства, содержится большое количество разнообразного археологического материала. Наряду с ними, существует не мало иных периодических изданий, обслуживающих археологические и художественные интересы и печатаемых либо исключительно на частные средства, либо с правительственною, или общественною субсидиею. Из этих изданий мы отметим лишь самые главные. Одним из старейших и почтеннейших археологических органов является отмеченное уже ранее „Revue archéologique“, посвященное публикации и исследованию памятников искусства и старины древнего мира, средневековья и эпохи Возрождения. Еще обширнее программа „Gazette des beaux-arts“, с приложением еженедельного „Courrier Européen de l'art et de la curiosité“; в „Gazette des beaux-arts“ помещается обстоятельная библиография преимущественно французских публикаций археологического содержания. С 1894 г. Академия Надписей издает, выпусками, роскошное периодическое издание „Monuments et mémoires“ на средства, завещанные Пио (Piot). Классическую археологию специально обслуживали „Gaztete archéologique“ (1875—1890), „Monuments grecs“ (1872—97) и „Revue des études grecques“ (с 1888 г.); в последнем журнале помещалась обстоятельная археологическая хроника, после того, как ее пе-

[1]) Н. Ф. Сумцов, Современная Болгарская Археология, Харьков 1914 (из V т. „Вестника Харьковского Историко-Филологического Общества“).

рестал вести С. Рейнак в „Revue archéologique“. Из английских журналов нужно отметить очень ценную серию „The Portfolio“ (1870—93) и специально для классической археологии „Journal of Hellenic Studies“. В Германии классическая археология помимо указанных выше периодических изданий, обслуживалась также филологическими журналами, а также журналом по древней истории „Klio“. Памятники средневековые и новые издавались, главным образом, в „Jahrbuch der Königlich Preussischen Kunstsammlungen“ (с 1880 г.)[1], а исследовались в „Repertorium für Kunstwissenschaft“ (с 1876 г.), где давалась очень подробная библиография. Из итальянских журналов для средневековой и новой археологии служил журнал „L'arte“ (с 1898 г.; ранее назывался „Archivio storico dell'arte“), для доисторической археологии „Bulletino di paletnologia italiana“ (с 1875 г.)[2].

19. Наряду с периодическими изданиями археологического содержания, памятники искусства и старины—отдельно ли взятые, или сведенные в те или иные группы, или размещенные по категориям их — издаются и об'ясняются, равно как и всякого рода вопросы археологического характера обсуждаются, в специальных монографиях. Обозревать монографическую литературу по археологии не входит в нашу задачу; да она была бы и почти невыполнима: настолько литература эта обширна, если бы даже ограничиться указаниями на лишь наиболее значительные ее проявления. Главные сведения по этой части читатель найдет в обозреваемых ниже общих трудах и справочных и иных пособиях по археологии, в каталогах музеев и в указанных выше библиографических обзорах, помещаемых в периодических изданиях [3].

Прежде чем перейти к обзору общих трудов по археологии, вышедших за последние 30—40 лет и не утративших своего зна-

---

[1]) Аналогичного характера было австрийское издание „Jahrbuch der Kunstsammlungen des allerhöchsten Kaiserhauses (1883—1894).

[2]) В Германии для доисторической археологии „Zeitschrift für Ethnologie“, в Австрии „Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und Herzegowina“, в Дании „Memoires de la Société des antiquaires du Nord“ (с 1836 г.).

[3]) Большую пользу приносят, конечно, имеющиеся печатные каталоги специальных археологических библиотек, в роде указанного выше (стр. 70) каталога Мау. Из русских археологических библиотек имеются печатные каталоги библиотеки Музея Древностей Петербургского Университета, составленные мною (П. 1896. 1901), и библиотеки Археологической Комиссии. В 1903 г. предпринято было очень ценное библиографическое пособие „Internationale Bibliographie der Kunstwissenschaft“, в ежегодно появлявшихся томах которого давалась исчерпывающая библиография, расположенная в строго выработанном систематическом порядке, по 17 рубрикам, по всем вопросам, связанным с наукою об искусстве и художественной промышленности. В X томе этого издания (1914 г.) даны библиографические сведения за 1911 г.

чения по настоящее время, необходимо предпослать несколько указаний общего характера относительно характера археологических исследований, произведенных за указанное время.

Обильный прирост нового археологического материала, полученного путем раскопок и случайных находок, более тщательное и углубленное исследование материала ранее известного — все это чрезвычайно расширило рамки общей археологической дисциплины и вызвало неизбежное деление ее на те специальные рубрики, о которых речь была выше и число которых невозможно было бы установить с непререкаемою и для всех приемлемою точностью и определенностью. Можно утверждать одно: в настоящее время — да так, пожалуй, было и раньше—вряд ли найдется такой ученый археолог, который чувствовал бы себя полным хозяином во всех многочисленных отраслях и подразделениях археологии. Специализация знания в данном случае вытекает сама собою. Более того: даже в пределах тех или иных рубрик археологических дисциплин приходится допускать и считаться с неизбежностью еще более дробной спецификации и, соответственно этому, специализации и считать, например, одного ученого специалистом по памятникам греческой архитектуры, или греческим вазам, другого—по катакомбным росписям, или византийским миниатюрам, третьего—по русским иконам, или сасанидским блюдам и т. д., и т. д. Такая специализация, повторяем, неизбежна, и она способствует более точному знанию избранной области, хотя, с другой стороны, будучи проводима слишком односторонне, она, несомненно, суживает ученые горизонты исследователя и ведет часто к тому, что из-за деревьев он перестает видеть лес. Всякая специализация должна быть построена на разумном начале; иначе она обратится в никому ненужное, для интересов науки вредное, а для самого специалиста пагубное „буквоедство". Поэтому, допуская и считаясь с неизбежно необходимою специализациею в более или менее крупных отделах археологии,—напр., классической, византийской, доисторической и т. п.,—мы решительно отвергаем полезность специализации слишком узкой и настаиваем на необходимости для всякого археолога, специалиста в той или иной области археологии, иметь общее знакомство со всею археологическою дисциплиною, или, хотя бы, с теми ее частями и отделами, которые имеют непосредственное отношение к предмету специально облюбованной им области археологии.

Пока не было и нет, да и вряд ли скоро будет, такого общего обзора археологии, который охватывал бы ее всю во всей ее совокупности. Зато имелись и имеются такого рода общие обзоры всей истории искусства. Мы указываем их, так как они, хотя и преследуют иные цели и задания, чем какие должен был бы иметь

виду общий обзор всей археологии, все же являются крайне полезными и необходимыми ориентирующими пособиями для последней.

Из всех отраслей археологии классическая археология продолжает оставаться наиболее разработанною, а в методологическом отношении и всего лучше обоснованною. Поэтому нисколько не удивительно, что методы исследования, выработанные классическою археологиею, могут и должны быть переносимы в другие отрасли археологической дисциплины и с пользою усвояемы ею. В течение долгого времени в классической археологии оставались господствующими те методы ее разработки, которые созданы были Винкельманом и К. О. Мюллером, а затем были усовершенствованы трудами их преемников и последователей. С 70-х гг. эти методы, хотя и остались непоколебимыми в своих основах, все же подверглись дальнейшему усовершенствованию и утончению. К этому привел неизбежный ход вещей, период того блестящего развития, в какой классическая археология вступила с указанной эпохи.

Прежде всего, благодаря огромному приросту материала, хронологические рамки классической археологии значительно расширились. Уже со времени Винкельмана она углублялась, шаг за шагом, в своих истоках к все более и более ранним эпохам, но в изучении их шла как бы ощупью. С тех пор, как на севере Европы было положено начало доисторической археологии, наступила пора для научной разработки первоначальных стадий развития культуры в области как эллинского, так и италийского мира. Раскопки и находки, связанные с именем Шлимана, имели для археологии принципиальное значение и являлись как бы поворотным пунктом в истории двух родственных, но до того времени державшихся друг от друга в стороне дисциплин: археологии классической и доисторической. Со времени Шлимана, обе они вошли в тесное соприкосновение, и многому одна от другой научились. Систематические раскопки Шлимана в Трое и в Микенах, за которыми последовали английские, итальянские и американские раскопки на Крите и в других пунктах доисторических поселений в районе эллинского и италийского мира, повели к установлению как бы нового закона археологических исследований, ставшего обязательным для археолога вообще, но не всегда, к сожалению, соблюдаемого: всякое археологическое исследование - раскопка не должно ограничиваться отдельною, произвольно вырванною эпохою, но должно охватить собою всю историю данной местности, и даже, по возможности, с прилегающими к ней окрестностями, и хранящихся в ней памятников, от начала и до конца ее исторического существования. Этот закон является благодетельным потому, что он

служит связующим звеном между отдельными, специальными отраслями археологии, сколько бы их и каковы бы они ни были. Однородный метод исследования вещественных памятников, как в практическом, так и в теоретическом его применении ко всем отраслям археологической науки, обеспечил за нею право на ее самостоятельное и самодовлеющее существование.

В чем состоит сущность этого метода, об этом речь впереди. Здесь достаточно пока отметить, что он выработался, прежде всего, как это и естественно ожидать, в классической археологии, перешел в археологию христианскую и все более и более завоевывает себе место в археологии доисторической, которая, в течение долгого времени, не могла получить подобающего ей значения и встречала подчас презрительное к себе отношение („scienza dei illiterati", отзывался о ней Моммзен) именно потому, что в занятиях доисторическою археологиею, вместо определенного метода, было или блуждание из стороны в сторону, или топтание на одном месте.

Метод, выработанный классической археологией на основе тех памятников ее, которые могут быть более или менее точно датированы, оказался пригодным не только для памятников, восходящих к доисторическому, или протоисторическому прошлому античного мира, но и для памятников поздних эпох античности, на которые было обращено, в последние десятилетия, большое внимание. В областях, которые, уже сравнительно поздно, в качестве римских провинций, вошли в тесное соприкосновение с греко-римскою культурою, исследование местных древностей началось давно. Оно шло отчасти рука об руку с изучением доисторического прошлого данной области, отчасти велось самостоятельно, и хотя этому исследованию не хватало, в общем, строго-научной постановки, все же оно, в качестве работы предварительной, имело важное значение. Успешнее дело пошло с тех пор, как на исследование памятников поздней античности перенесены были те методы стилистического их анализа, которые уже ранее, с успехом, были применены к памятникам классической археологии. Это дало, между прочим, Риглю, одному из тонких знатоков вопросов, связанных со стилем (Al. Riegl, Stielfragen. Grundlegungen zu einer Geschichte der Ornamentik, Берл. 1893), дать исчерпывающий, руководящий труд по истории поздне-римской художественной промышленности (Die spät-römische Kunstindustrie).

О сущности стилистического анализа и применении его в археологии речь будет во второй части книги. Здесь, в историческом очерке развития археологии, должно указать, что впервые этот метод нашел свое применение при изучении и оценке памятников

нового искусства, преимущественно живописи эпохи Возрождения. С особою определенностью он проведен был в работах Румора еще в конце 20-х гг. XIX в. (C. F. Rumohr, Italienische Forschungen, 3 тт., Берл. 1827.31), а затем, значительно позже, в трудах итальянского историка искусства Джованни Морелли, писавшего на немецком языке под псевдонимом Iwan Lermolieff (Die Werke italienischer Meister in den Gallerien von München, Dresden und Berlin, Лпц. 1880; Kunstkritische Studien über italienische Malerei, 3 тт., Лпц. 1890—93). В области классической археологии метод стилистического анализа с особенной яркостью и плодотворностью сказался в работах двух главных ее представителей последней четверти XIX и начала XX в., мюнхенских профессоров Брунна и Фуртвенглера.

Генрих Брунн (1822—94), после Винкельмана и К. О. Мюллера, пожалуй, самая крупная величина в области классической археологии. И он, подобно Винкельману, в молодости, десять лет провел в Риме, добывая себе средства к жизни заработками чичероне, чтением корректур и пр. Первый труд, которым Брунн обратил на себя внимание ученого мира, была его история греческих художников (Geschichte der griechischen Künstler, 2 тт., Брауншвейг 1853—55; второе издание напечатано без перемен, Штуттгарт 1889). С беспримерною обстоятельностью в этом труде были собраны и критически рассмотрены, в хронологической последовательности, все сохранившиеся, как литературные, так и документальные сведения о греческих художниках: скульпторах, живописцах, архитекторах, резчиках гемм и пр. В своем труде Брунн не дал истории греческого искусства на новых началах, с привлечением нового материала, но он заложил прочный фундамент для такой истории. И в настоящее время „История греческих художников“ Брунна, хотя значительно устарела, все же продолжает оставаться незамененным и незаменимым справочным пособием. С 1856 по 1865 г. Брунн был одним из секретарей римского Института Археологической Корреспонденции, а с 1865 г. и до конца жизни состоял профессором Мюнхенского университета. Под его руководством воспиталась целая плеяда археологов, создалась особая „Брунновская“ школа, царящая и по сие время в значительной части германских университетов [1]). Изданные, после

[1]) По общему отзыву, Брунн был образцовым учителем. Для нужд преподавания им был создан прекрасный музей гипсовых слепков, расширен антиквариум, где хранятся предметы художественного ремесла; педагогические же цели преследовало и составленное Брунном введение и текст к изданию Lau «Die griechischen Vasen, ihre Formen und Decorationssystem» (Лпц. 1877), служившему долгое время главным пособием при занятиях греческими вазами.

смерти Брунна, его сыном Германом и учеником Булле, в трех томах, „Kleine Schriften“ (Лпц. 1898—1906) заключают в себе статьи по изданию и толкованию римских, древне-италийских и греческих памятников, по критике литературных источников, по искусству итальянского Возрождения и пр. В книге „Griechische Götterideale in ihren Formen erläutert“ (Мюнх. 1893) Брунн собрал ряд своих в высокой степени поучительных и интересных трудов по греческой художественной мифологии [1]). Тогда же появился первый том труда, задуманнаго Брунном еще в 1871 г. и долженствовавшего завершить собою, в общем синтезе, его полувековую научную деятельност: Griechische Kunstgeschichte. При жизни Брунн успел издать первую часть своего труда, посвященную „началам и древнейшему декоративному искусству“ (Мюнх. 1893)[2]); вторая часть, излагающая архаическое искусство греков, издана была после смерти Брунна Флашем (1897). Значительная часть трудов Брунна навсегда сохранит свое значение благодаря тому, что в них метод стилистического анализа памятников, их художественных форм, лежащих в основе их художественных мотивов, художественных приемов отдельных мастеров и целых школ проведен с неподражаемым совершенством, хотя и не доведен до тех крайностей, в которые он стал впадать за последнее время в трудах некоторых ученых, считающих себя его учениками [3]).

Из учеников Брунна самый выдающийся, бесспорно, Адольф Фуртвенглер (Furtwängler, 1853—1907), обладавший разносторонними и глубокими знаниями в своей области, отличавшийся удивительною энергиею и продуктивностью, ведший все свои исследования на основе широкого исторического кругозора. Из многочисленных трудов Фуртвенглера, посвященных или изданию новых памятников классической древности, или новому об‘яснению памятников, ранее известных [4]), необходимо отметить, как самые выдающиеся, два труда Фуртвенглера. Это, во-первых его „Meisterwerke der griechischen Plastik“ (Лпц. 1893, английский перевод: Masterpieces of greek

---

[1]) Об этом труде см. Вл. К. Мальмберг в ЖМНП. 1893, апрель.

[2]) См. о нем А. Н. Шварц в ФО. 1893, V.

[3]) О Брунне см. статью И. В. Цветаева в ФО. V (1893). Одновременно с Брунном на стилистический анализ памятников классической древности особенно серьезное внимание обратил старший его современник, Фридерикс (C. Friederichs), автор, между прочим, пользовавшегося большою популярностью труда, полезного, во многих отношениях, и в настоящее время: Berlin's antike Bildwerke. I. Die Gypsabgüsse im Neuen Museum in historischer Folge erklärt. Bausteine zur Geschichte der griechisch-römischen Plastik (Берл. 1868, 2-е изд. в обработке Wolters'a, Берл. 1885). II. Geräthe und Bronzen im Alten Museum. Kleinere Kunst und Industrie im Altertüm.

[4]) „Kleine Schriften“ Фуртвенглера изданы его учениками Joh. Sieveking'ом и L. Curtius'ом пока в двух томах (Мюнхен 1912—13).

sculpture, Лонд. 1895). Это сочинение Фуртвенглера вызвало ожесточенные нападки со стороны одних, восторженный энтузиазм со стороны других. Основная мысль „Meisterwerke“ может быть формулирована так: оригиналы греческого искусства, за очень немногими, хотя и блестящими исключениями, дошли до нас только второ- и третье-степенные; необходимо, поэтому, обратиться к самому внимательному изучению сохранившихся копий и среди них постараться отыскать копии знаменитых оригиналов, пользуясь, с одной стороны, по примеру Брунна, в его „Истории греческих художников“, литературными известиями о художниках и их произведениях, с другой стороны—обращаясь к сравнительному стилистическому анализу сохранившихся копий. Эта основная мысль Фуртвенглера, бесспорно, справедлива. Но возникают вопросы и недоумения чисто-методического характера: прежде всего надо доказать, что римские кописты копировали только знаменитые оригиналы; затем нужно установить, как относились кописты к оригиналам—рабски или с большею или меньшею свободою; наконец, стилистический анализ всегда, волей-неволей, в значительной степени суб'ективен. Фуртвенглер смело преодолел в „Meisterwerke“ все эти вопросы и написал блестящую картину развития греческой скульптуры в V и IV вв. Конечно, не все в этой картине одинаково убедительно, многое в ней не доказано и преувеличено, но много результатов бесспорно положительных, масса наблюдений, облегчающих путь для дальнейших исследований.

Другой капитальный труд Фуртвенглера посвящен античной глиптике (Die antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneiderkunst im klassischen Altertum, 3 тт., Лпц. 1900). Верный своему историческому методу исследования, Фуртвенглер вводит в этом труде античные геммы в общую историю классического искусства и попутно исследует целый ряд вопросов более общего характера, относящихся к памятникам более ранних эпох, чем те, рассмотрению которых были посвящены „Meisterwerke“ [1]).

Своими работами Фуртвенглер не только ввел в научный обиход огромное количество памятников, до того времени или вовсе неизвестных, или мало привлекавших к себе внимание, но своим толкованием их он значительно содействовал углублению и расширению стилистического анализа, ставшего отныне основною базою всякого археологического исследования как в Германии, так и за ее пределами.

---

[1]) О других трудах Фуртвенглера см. в моей статье о нем в ЖМНП 1907, декабрь.

Метод стилистического анализа, примененный к памятникам классической археологии, вскоре получил доступ и в другие отрасли археологической науки и всюду принес плодотворные результаты. На умелом применении этого метода Гёрнесу удалось впервые дать действительно строго-научную историю доисторического искусства в Европе (M. Hoernes, Urgeschichte der bildenden Künste in Europa, Вена 1896; его же Kultur der Urzeit, Лпц. 1912, русский перевод: М. Гёрнес, Первобытная культура, Рига 1914). Тот же метод стилистического анализа постепенно завоевал себе место и в исследованиях памятников древне-христианской и средневековой археологии. А это повело, в свою очередь, к более правильной оценке памятников ее с точки зрения отношения их к памятникам классической древности. В настоящее время древне-христианскую археологию, занимавшую прежде обособленное место, начинают рассматривать как непосредственное продолжение и развитие археологии классической, точнее сказать—эллинистическо-римской. С такой точки зрения древне-христианские памятники прекрасно рассмотрены в труде Зибеля (L. v. Sybel) „Christliche Antike. Einführung in die altchristliche Kunst“ (2 тт., Марбург 1906. 1909), первый том которого посвящен катакомбам и их живописному убранству, второй—древне-христианским саркофагам и прочим скульптурным памятникам, а также, в более кратком изложении, древне-христианской архитектуре, мозаике и миниатюре. Само собою разумеется, тесная связь, и связь вполне естественная, древне-христианской археологии с классическою вовсе не лишает первую самодовлеющего значения, и в некоторых случаях даже необходим свой „подход“ к об‘яснению ее памятников. Но и тут метод стилистического анализа древне-христианских и ранне-средневековых памятников приводит к разрешению или, по крайней мере, к постановке таких вопросов, которые до тех пор казались лежащими в совершенно различных плоскостях. Достаточно указать в этом отношении на исследования Стржиговского (J. Strzygowski), которые поставили на совершенно новую почву вопрос о взаимоотношениях между Востоком и Западом в период Средневековья. Попытка Викгофа (F. Wickhoff und R. Hartel, Die Wiener Genesis, Вена 1895), из обстоятельного стилистического анализа миниатюр, украшающих знаменитую Венскую рукопись книги Бытия, притти к заключениям о характере поздне-античной живописи и скульптуры, может быть, несколько и рискованна, но она ценна тем, что заставила исследователей острее провести границу между эллинистическим и римским искусством и точнее определить их отношение к искусству ранне-византийскому. Если, по мнению Викгофа, руководящая роль в поздне-античном искусстве принадлежала Риму,

дававшему во всем тон и направление своим провинциям, как западным, так и восточным, то, по исследованиям Стржиговского (особенно Orient oder Rom? Beiträge zur Geschichte der spät-antiken und früh-christlichen Kunst“, Лпц. 1901), наоборот, движение художественных сил шло с Востока, наложившего особый отпечаток на все поздне-античное искусство. Вопрос этот, сводящийся к формуле „Восток или Рим“?, будучи поставлен в такой острой форме, быть может и не позволяет дать вполне определенного ответа. Но каков бы он ни был, будет ли он в пользу Востока или в пользу Рима, или в пользу и Востока и Рима, обоснование его должно покоиться на самом тщательном стилистическом анализе подлежащих обсуждению памятников.[1])

То или иное решение вопроса об основных элементах поздне-античного искусства имеет принципиальное значение для всей средневековой археологии, возьмем ли мы ее западную или восточную ветви, так как вся средневековая культура явилась прямым продолжением культуры поздне-античной. Не уяснив себе основ раннесредневекового искусства и на Западе и на Востоке, нельзя составить себе ясного представления о характерных свойствах и особенностях дальнейших стадий развития средневекового искусства, на Западе—каролингского и романского, на Востоке—византийского, со всеми его разветвлениями. И если для западного искусства в указанном вопросе исследователи пока что лишь нащупывают почву, то для византийской археологии наметился уже вполне определенный ответ, и в выработке его самую видную роль участия приняла, как видно будет ниже, археологическая наука в России.

20. Приступая к обзору и краткой характеристике принадлежащих иностранным ученым трудов общего характера по археологии, мы, конечно, имеем возможность и считаем полезным остановиться только на тех из них, которые, с одной стороны, помогут желающему „войти“ в изучение археологии и без особого труда в ней ориентироваться, с другой—более основательно с нею ознакомиться, чтобы затем обратиться к специальным занятиям в той или иной области археологической дисциплины и в различных ее ответвлениях. Как в сочинениях первого, так, в особенности, второго типа читатель найдет достаточное указание библиографических сведений по заинтересовавшему его вопросу.

Общего сочинения, хотя бы лишь ориентирующего характера, по археологии во всей ее совокупности, как указано выше,

---

[1]) Отмечаю недоступный мне труд Стржиговского: Die bildende Kunst des Ostens. Ein Neublick über die für Europa bedeutungsvollen Hauptströmungen, Лпц. 1916.

не имеется. Такое сочинение приходится пока заменять тем или иным трудом по истории искусства. С усвоения такого труда мы и рекомендовали бы начать свои занятия желающему „войти“ в археологию. Приступая к этим занятиям, ему будет очень полезно предварительно получить общее представление о ходе развития искусства с древнейших времен до наших дней, чтобы затем уже сосредоточить свои специальные интересы в той или иной области археологии.

Из числа самых кратких, но все же достаточно ориентирующих трудов можно указать на имеющиеся и в русских переводах книги С. Рейнака (S. Reinach) „Apollo, histoire générale des arts“ (I изд. Пар. 1905) и Байэ (C. Bayet) „Preis d'histoire de l'art“ (Пар. 1888). Значительно более подробными и обстоятельными являются, из появившихся за последнее время, руководства по истории искусства Шпрингера, Вёрмана и Куна. Книга Шпрингера, одного из тонких знатоков искусства, „Gründzüge der Kunstgeschichte“, первоначально предназначена была служить пояснительным текстом к изданному им атласу „Kunsthistorische Bilderbogen“, состоявшему из пяти частей: 1) Древность, 2) Средневековье, 3 и 4) Новое время, 5) Дополнительные таблицы. Начиная с 4-го издания (1896) „Grundzüge“, сочинение Шпрингера стало называться „Handbuch der Kunstgeschichte“, причем иллюстративный, обильный и хорошо подобранный, материал, сопоставленный ранее в отдельных атласах, введен был теперь в текст, распределенный по четырем томам (I. Древность, II. Средневековье, III и IV. Новое время). Этот „Handbuch“ Шпрингера, начиная с 5-го издания, переиздавался неоднократно, в обработке уже специалистов по каждому из отделов, составляющих „Handbuch“, причем каждая такая переработка, в соответствии с приростом нового материала, появлявшейся новою литературою предмета, всегда стояла на высоте современного ей состояния науки [1]). Наибольшим успехом из „переработанного Шпрингера“ пользовался первый том, посвященный древности. Редактор его, Михаэлис, строго говоря, на основе труда Шпрингера, составил новый, совершенно самостоятельный труд и дал в нем такое общее руководство по истории древнего искусства, лучше которого желать не приходится. Правда, читать и изучать книгу Шпрингера—Михаэлиса не легко: так много материала в него вложено, на сравнительно небольшом количестве страниц [2]). Но, можно быть уверенным, всякий, кто „одо-

---

[1]) К четырем томам присоединен был и пятый, посвященный искусству XIX в. в обработке М. Осборна, Лпц. 1906 (3-е изд.).

[2]) 9-е издание, вышедшее в Лейпциге в 1911 г., содержит в себе 550 страниц, украшенных 995 рисунками в тексте; сверх того к книге при

леет“ книгу, не раскается в потраченном, хотя бы и потребовавшем большого напряжения, труде [1]). То же можно сказать и об остальных томах сочинения Шпрингера, „Handbuch“ которого для первоначального изучения истории искусства все еще должен быть признан наилучшим и наиболее достигающим цели.

Единственным недостатком труда Шпрингера является то, что в нем изложена история лишь европейского искусства—искусство восточно-азиатское в нем опущено. Известный знаток истории искусства, директор Дрезденской картинной галлереи, Вёрман (K. Woermann) дал, в трех томах, сжатый, но очень содержательный обзор истории искусства „всех времен и народов“ (Geschichte der Kunst aller Zeiten und Völker, Лпц. 1900 — 05; русский перевод издан товариществом „Просвещение“). В первом томе Вёрман излагает искусство древнего мира, а также искусство последующего времени не-христианских народов, во втором—христианское искусство до конца XV в., в третьем—от XVI до конца XIX в. Ясное и трезвое изложение сопровождается большим количеством иллюстраций: в конце каждого тома даны библиографические указания тех ученых работ, которыми автор пользовался. Для желающего получить наглядное представление об общем ходе развития искусства с древнейших его проявлений вплоть до наших дней труд Вёрмана—прекрасное пособие. Наконец, в „Allgemeine Kunstgeschichte“ Куна (Alb. Kuhn), начавшей выходить с 1891 г., особенно удачно выполнена иллюстративная часть: дана масса воспроизведений памятников искусства также „всех времен и народов“, причем эти памятники оцениваются с точки зрения эстетики, истории и техники; в конце каждого отдела приложены и необходимые библиографические указания [2]).

ложено еще 15 таблиц в красках. В книге отсутствуют указания на литературу предмета. Но Aug. Köster, в особом приложении, дал чрезвычайно обстоятельно и толково составленный „Literaturnachweis“, являющийся прекрасным библиографическим пособием по древней археологии.

[1]) Изданный мною, в свое время (в 1902 г.), на основании 6-го издания Шпрингера—Михаэлиса, „Конспект“ под заглавием „История древнего искусства“ должен быть признан устаревшим; к тому же он давно разошелся.

[2]) За год до начала войны было предпринято, под общей редакцией Бургера (Fr. Burger), большое и обильно иллюстрированное издание „Handbuch der Kunstgeschichte“, рассчитанное на 20 основных томов, в которые должна была войти история искусства (искусство мусульманское и буддийское, однако, исключалось) с древнейших времен и до наших дней, и 5 дополнительных. К изданию привлечен был большой штат сотрудников-специалистов. В течение 1914 г. доведен был почти до конца отдел, посвященный древне-христианскому искусству и началам византийского; автор очерка, О. Вульф, дал обстоятельное, толковое и свежее обозрение основных проблем предмета и приложил подробную библиографию.

21. Если составление общих обзоров всей истории искусства требует от автора исключительного уменья и в подборе подлежащего обсуждению материала и его расположения, то составление такого же общего обзора всей сложной археологической дисциплины, принимая во внимание ее обширность и разносторонность, а также далеко не одинаковую разработанность отдельных ветвей, вряд ли под силу даже и незаурядному работнику. Поэтому неудивительно, что попыток составления такого общего обзора или руководства всей археологии, как сказано, до сих пор мы не имеем. Зато неоднократно предпринималась работа по составлению общих руководств по отдельным ветвям археологии применительно или к хронологическому, или к иному ее подразделению: так, напр., давались обзоры или античной археологии вообще, или греческой, или римской, или христианской, или французской, или мусульманской, или доисторической и т. п.

И здесь наибольшее количество таких обзоров или руководств имеется для наиболее разработанного отдела археологии—классической, с отношением к ней иногда и археологии древнего Востока. Мы не будем перечислять всех имеющихся подобного рода руководств. Остановимся на характеристике лишь тех из них, которые, в том или ином отношении, не утратили своего значения в настоящее время.

Для классической археологии, в течение долгого времени настольною книгою служил „Handbuch der Archäologie der Kunst“ К. О. Мюллера (см. выше, стр. 39). Предпринятая Штарком попытка заменить руководство К. О. Мюллера остановилось на первом томе (см. выше, стр. 28). В 1895 г. вышла в свет „Archäologie der Kunst“ Зиттля (C. Sittl), как часть (VI том) обширной энциклопедии по классической филологии, издаваемой Ив. Мюллером. Зиттль составил огромную, почти в 1000 страниц, книгу и приложил к ней особый атлас иллюстраций. Материал, собранный в книге Зиттля, колоссальный; он распределен на две основных части. Первая, озаглавленная „Denkmälerkunde“, состоит из следующих глав: 1) Судьба памятников, 2) Открытие сохранившихся памятников, 3) Находки и раскопки, 4) Собрания и музеи, 5) Археологическая топография, 6) Материал и техника предметов художественной промышленности, 7) Форма и орнаментация их, 8) Материал и техника памятников архитектуры, 9) Виды их, 10) Памятники скульптуры и живописи. Вторая основная часть книги Зиттля содержит историю древнего искусства. Эта вторая часть, за исключением имеющихся в ней библиографических указаний, в настоящее время никакого ни интереса, ни значения не представляет. Что касается первой части, то и в ней изложение

довольно бессвязное, но как справочное пособие—особенно в отношении библиографии—эта часть книги Зиттля, во многих случаях, может принести свою пользу, а одна из ее глав—археологическая топография—является пока ничем не замененной. Несомненно, составление руководства потребовало от Зиттля большого труда, и если он со своею задачею справился неудачно, то это об'ясняется тем, что автор взял на себя труд, непосильный для одного человека.

Это ясно было сознано, когда явилась мысль заменить, для той же энциклопедии Ив. Мюллера, книгу Зиттля другим сочинением. Оно получило общее заглавие „Handbuch der Archäologie“. Главный редактор его, Булле, привлек к составлению „Руководства“ многих специалистов. Весь материал должен был уместиться уже не в один, а в четыре тома (пятый том должен был заключать в себе иллюстрации) в таком порядке: первый том должен был быть посвящен об'ектам и вспомогательным средствам археологического исследования; второй и третий—„Истории искусства в древности“, четвертый—„Систематике археологии“ (Systematische Denkmälerkunde). В 1913 г. появились, как первый выпуск всего сочинения, три первых главы первого тома. Они трактуют: 1) о сущности и методе археологии (автор Булле), 2) об истории археологии (автор Зауер), 3) о гибели и воскрешении памятников (Untergang und Wiedergewinnung der Denkmäler; автор Виганд). Судя по имеющимся трем главам „Руководства“, последнее должно стать действительно, энциклопедией классической археологии, и если ему, в силу обстоятельств, стоящих в связи с переживаемым Германиею кризисом, не суждено будет осуществиться в тех рамках, в каких оно задумано, об этом каждый археолог-классик будет очень жалеть.

В „Sammlung Göschen“ (№№ 538—540), под общим заглавием „Archäologie“ Кёпп (Fr. Koepp) дал научно-популярное изложение основ классическое археологии, оставив в стороне историческую и систематическую ее части. В трех небольших томиках сочинения Кёппа говорится о термине „археология“, об отношении археологии к истории искусств и к филологии, о „воскрешении“ памятников (в частности о раскопках), о методах описания, издания и об'яснения памятников. Для приступающего к занятиям археологией вообще—не только классической—книжки Кёппа дадут много полезных руководящих указаний.

Общего руководства специально по археологии древнего Востока, которое удовлетворяло бы современным требованиям, нет. „Manuel d'archéologie orientale“ Бабелона (E. Babelon) устарело (1888 г.). С археологией Египта лучше всего можно ознакомиться по названной ранее (стр. 55) небольшой книжке Масперо, где дана обширная библиография. Для греческой археологии наиболее пригодным по-

собием может служить небольшой, но достаточно полный, „Handbook of greek archäology“ H. N. Fowler'a и J. K. Wheeler'a (Нью-Йорк 1909; из издания „Greek series for colleges and schools“, издаваемой H. Weir Smyth'ом). Книга состоит из следующих глав: 1) Краткий очерк истории греческой археологии, 2) Доэллинская Греция (эгейская культура), 3) Архитектура, 4) Скульптура, 5) Терракотты, 6) Металлические изделия (бронзы, предметы из золота и серебра), 7) Монеты, 8) Геммы, 9) Вазы, 10) Фрески и мозаики. В конце книги, украшенной многочисленными рисунками, приложена основная—по всем затронутым вопросам—библиография. Книга Fowler'a и Wheeler'a—учебное руководство, толково и обстоятельно составленное. Научно-популярный характер носит „L'archéologie grecque“ (из серии „Bibliothèque de l'enseignement des beaux-arts“, издаваемой под редакцией Конта—(J. Comte) Коллиньона (M. Collignon; новое издание 1907 г.). Книга, сопровождаемая также библиографическими указаниями и рисунками, состоит из семи основных отделов: 1) Начала греческого искусства, 2) Архитектура, 3) Скульптура, 4) Терракоттовые статуэтки, 5) Расписные вазы, 6) Нумизматика и глиптика, 7) Бронзы и изделия из золота. Для приступающего к изучению греческой археологии полезнее будет прежде, чем обратиться к книге Fowler'a и Wheeler'a, прочитать изящно составленную книгу Коллиньона: она не так полна и обстоятельна, как первая, но очень легко усваивается. Сжатое, но в то же время обстоятельное изложение греческого искусства, поскольку оно проявилось в памятниках архитектуры, скульптуры и живописи, дает Винтер (Fr. Winter) во II т. „Einleitung in die Altertumswissenschaft“, изданном Gercke и Norden'ом (Лпц. 1910). В очерке Винтера намечаются все основные проблемы греческой археологии и даются обильные указания на литературу предмета. Достаточно уже „вошедший“ в греческую археологию, обратившись к очерку Винтера (или к названному ранее „Руководству“ Шпрингера—Михаэлиса), без труда наметит себе план дальнейших занятий по интересующим его специальным вопросам, или отделам. Тем же целям, в качестве дополнительного пособия, прекрасно удовлетворяет помещенный в том же томе „Einleitung“, Герке-Нордена очерк Перниса (E. Pernice) „Griechishes und Römisches Privatleben“, где даются сведения о греческих и римских: доме, одежде, прическе, обрядах, связанных с браком, рождением детей и похоронами; в очерке Перниса содержится обилие необходимых библиографических указаний.

Для греческой археологии, однако, пока нет еще такого обстоятельного, толкового и исчерпывающего руководства, какое имеется для археологии римской, в виде двухтомного сочинения Канья (R. Cagnat) и Шапо (V. Chapot) „Manuel d'archéologie romaine“

Пар. 1917—20, с массою иллюстраций). Это, в полном смысле слова, энциклопедия римской археологии, необходимая настольная книга для каждого, кто ею занимается. Первый том, имеющий подзаголовок „Памятники. Украшение памятников“, после краткого введения, где дается общая характеристика римской археологии, посвящен рассмотрению следующих основных вопросов: материалы, употреблявшиеся для римских сооружений, как общественных, так и частных, разнообразные виды этих сооружений и их скульптурное убранство. Во втором томе речь идет о живописном убранстве сооружений, о римской общественной, религиозной и частной жизни. „Руководство“ Канья—Шапо заключает исчерпывающее изложение всех вопросов, относящихся к римской археологии, понимая последнюю в широком смысле—не только как археологию Рима и Италии, но и всех римских провинций. Материал авторами привлечен колоссальный, расположен очень наглядно, по отдельным рубрикам, так что в книге легко ориентироваться; к тому же изложена она чрезвычайно вразумительно. Обстоятельные указатели облегчают наведение всякого рода справок. Приступающему к изучению римской археологии все же полезно предварительно прочитать, хотя и несколько устаревшую, небольшую книгу Марта (J. Martha) „Manuel d'archéoloie étrusque et romaine“ (из упомянутой серии “Bibliothèque“ Конта). Более обстоятельное изложение специально этрусской археологии дал тот же Марта в сочинении „L'art étrusque“ (Пар. 1889), значительно, впрочем, устаревшем.

22. Общего сочинения, в котором рассматривалась бы вся христианская археология, как средневекового Запада и Востока, так и эпохи Возрождения, не имеется. Да и вряд ли возможно ожидать его появления: настолько предмет, который должен был бы войти в него, и обширен и разнообразен. Имеются лишь руководства по отдельным частям средневековой археологии: ранне-христианской, византийской, французской, мусульманской и пр. Ощущается недостаток в таком пособии, которое охватывало бы средневековый романо-германский мир во всей его совокупности.

Для эпохи раннего христианства наиболее пригодным пособием, помимо указанных выше (стр. 81, 84) сочинений Зибеля и Вульфа, должны быть признаны руководства—более подробное Леклерка „Manuel d'archéologie chrétienne depuis les origines jusqu'au VIII siècle“ (2 тт., Пар. 1907; из той же серии и по тому же плану составленное, что и руководство по римской археологии Канья—Шапо), или более краткое—Кауфмана (C. M. Kaufmann) „Handbuch der christlichen Archäologie“ (Падерборн 1905). Материал в книге Кауфмана расположен по следующим отделам: источники древне-христианской археологии и история ее научной разработки, древне-христианские:

архитектура, эпиграфика, живопись, скульптура, мелкое и ремесленное искусство. Книга Кауфмана составлена толково, достаточно иллюстрирована, снабжена обильными библиографическими указаниями. Оба руководства, и Леклерка и Кауфмана, могут служить надежными справочными пособиями. Прежде, чем к ним обратиться, полезно прочитать небольшую книжку Ператэ (A. Pératé) „L'archéologie chrétienne" (Пар. 1892, из сери „Bibliothèque" Конта), или Лоури (W. Lowrie) „Christian art and archaeology" (Лонд. 1903).

Для византийской археологии наука располагает двумя прекрасными, равноценными, пособиями. Английский ученый Дальтон (O. M. Dalton) в своей „Byzantine art and archaeology" (Оксфорд 1911) дал исчерпывающий обзор византийских памятников, привлек огромную литературу предмета, в том числе и русскую, украсил изложение прекрасными снимками. В книге Дальтона порядок расположения материала систематический: район распространения памятников византийского искусства; памятники архитектуры, скульптуры (в том числе предметы из слоновой кости) и живописи (фрески, мозаики, миниатюры); эмали; предметы из драгоценных металлов; текстильное производство; предметы из глины и стекла; монеты и геммы и пр.; сверх всего этого отдельные главы посвящены византийской иконографии и орнаменту. Для всякого рода справок книга Дальтона — пособие незаменимое. Известный византинист Диль (Ch. Diehl) построил свое „Manuel d'art byzantin" (Пар. 1910; из той же серии, что и руководства Канья—Шапо и Леклерка) на исторической канве. Изложив вопрос о происхождении и образовании византийского искусства, Диль дает его историю до средины XVI в., причем включает в свой обзор памятники как „большого", так и „мелкого" искусства. По полноте собранного материала, обилию литературных указаний (в том числе и постоянные ссылки на русскую литературу) и иллюстраций, книга Диля не уступает книге Дальтона, а по изяществу изложения и по легкости усвоения, пожалуй, превосходит ее [1]). Все же приступающему к занятиям византийской археологией полезно предварительно прочитать устаревшую, правда, небольшую книгу Байэ „Византийское искусство" (перевод с франц., П. 1888).

Средневековая археология Франции подробно и обстоятельно рассмотрена в большом труде Анлара (C. Enlart) „Manuel d'archéologie française" (Пар. 1902, сл.; из той же серии, что и руководство Канья—Шапо и Диля), где взят период от Меровингов до эпохи Возрождения [2]), причем рассмотрены в I томе (в двух

---

[1]) Рецензия Д. В. Айналова на книгу Диля в ЖМНП. 1911.

[2]) Для предшествующего периода см. указываемое ниже (стр. 91) руководство Дешелетта.

частях) памятники архитектуры религиозной, во II—гражданской и военной, в III—костюм (готовится IV том, куда должен войти обзор домашней обстановки). И в руководстве Анлара также дан обильный иллюстрационный материал и подробная библиография. Прежде, чем обратиться к изучению руководства Анлара, полезно ознакомиться с небольшими книжками Корруайе „L'architecture romaine“ и „L'architecture gothique“ (Пар. 1888. 92, из „Bibliothèque“ Конта [1]). С средневековыми памятниками Италии удобнее всего ознакомиться по первым четырем томам „Истории итальянского искусства“ Вентури (A. Venturi, Storia dell' arte italiana, Милан 1901 сл.). Для эпохи итальянского Возрождения все еще наилучшим и наиболее обстоятельным пособием должно быть признано сочинение Мюнца (E. Müntz) „Histoire de l'art pendant la Renaissance“ (I. Les primitifs. II. L'âge d'or. III. La fin de la Renaissance, (Пар. 1889—91—95) [2]). Общий обзор „позднего Возрождения“ дан в книге G. Ebe „Spät-Renaissance“ (2 тт., Берл. 1886), где излагается история искусств в европейских странах с половины XVI до конца XVIII в. Стоящую на высоте современных наших знаний общую историю искусства от эпохи раннего христианства и до нашего времени дает коллективный труд, составленный, при участии многих специалистов, под общей редакцией Мишеля (André Michel) „Histoire de l'art“. До войны издание не было закончено; вышедшая в 1913 г. 2-я часть V тома излагает историю искусства северного Возрождения). В этом труде обилие и рисунков и библиографических указаний. Наконец, специально для истории средневековой и новой (до конца XVIII в.) художественной промышленности имеется, начавшее выходить с 1895 г. и незаконченное еще, роскошное издание Молинье (Em. Molinier) „Histoire générale des arts appliqués à l'industrie“, в котором предметы ее рассмотрены в систематическом порядке (напр. изделия из слоновой кости; мебель; предметы золотых дел мастерства; ковры и пр. [3]).

---

[1]) Для памятников готики имеется роскошное издание: L. Gonse, L'art gothique. L'architecture—la peinture—la sculpture—le décor, (Пар. s. a). Большую пользу может принести также усвоение лекций Куражо (L. Courajod), Leçons professées à l'école du Louvre. Origines de l'art roman et gothique, Пар. 1899.

[2]) Об архитектуре Ренессанса небольшая книжка (из „Bibliothèque“ Конта) L. Palustre, L'architecture de la Renaissance, Пар. 1892. Классический труд Вёльфлина (H. Wölfflin) „Die klassische Kunst. Eine Einführung in die italienische Renaissance“ (Мюнхен 1899) имеется и в русском переводе.

[3]) В неоднократно уже указанной „Bibliothèque“ Конта имеется ряд небольших полезных, для первоначального ознакомления, пособий по отдельным отраслям художественной промышленности: E. Babelon, La gravure en pierres fines, camées et intailles (1894); Th. Deck, La faïence (1887); Gerspach, L'art de la verrerie (1885); H. Gourdon de Genouillac, L'art héraldique (1889); Lecoy de la Marche, Les sceaux (1889); R. Lefébure, Broderies et dentelles (1887);

23. Мусульманская археология прекрасно изложена в руководстве, снабженном многочисленными и иллюстрациями и библиографическими указаниями, „Manuel d'art musulman“ (2 тт., Пар. 1907; из той же серии, что и руководства Анлара и др.) Саладэна (H. Saladin) и Мижона (G. Migeon). Из них первый дал исчерпывающий обзор памятников архитектуры, расположив его в топографическом порядке (сиро-египетская школа—Египет, Сирия, Аравия; мавританская школа—Тунис, Алжир, Марокко, Испания, Сицилия; персидская школа—Персия, Месопотамия, Туркестан; оттоманская школа — европейская Турция, М. Азия; индийская школа—Индия, Китай, Дальний Восток). Мижон с такою же обстоятельностью обследовал памятники пластических искусств и художественной промышленности, расположив их в систематическом порядке (миниатюра, скульптурные изделия из дерева, слоновой кости, предметы золотых дел мастерства и ювелирного искусства, монеты, инкрустации, предметы вооружения, керамика, эмалированное стекло, резные камни, ткани, ковры), а в заключении представил общие соображения о влиянии мусульманского искусства на искусство Запада. Для ориентировки полезны краткие руководства (из „Bibliothèque“ Конта): Al. Gayet, L'art arabe (1893) и L'art persan (1895)); для археологии буддийской, китайской и японской: A. Grünwedel, „Buddhistische Kunst in Indien“ (2 изд., Берл. 1900); M. Maindron, L'art indien (Пар. 1898); A. Pouvourville, L'art indo-chinois (1894); M. Paléologue, L'art chinois (1887); A. L. Gonse, L'art japonais (1886; ему же принадлежит большое, в 2 тт., роскошное издание под тем же заглавием, Пар. 1889). О недоступной мне книге W. Cohn, Indische Plastik (Берл. 1921) см. рецензию Б. Н. Денике в „Новом Востоке“, I (1922).

Для осведомления во всех вопросах, касающихся доисторической археологии, наука обладает в настоящее время прекрасным, вполне надежным, на строго-научных данных построенным, пособием Дешелетта (J. Dechelette) „Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine“ (Пар. 1908—14; из той же серии, что и упомянутые выше руководства Канья—Шапо и др.). Первый том труда Дешелетта, посвященный доисторической археологии в строгом смысле, трактует о каменном веке (палеолит и неолит); второй том, озаглавленный „Кельтская или протоисторическая археология“, состоит из трех частей: бронзовый век, первый железной век или

M. Maindron, Les armes (1890); Ol. Merson, Les vitraux (1895); E. Molinier, L'emaillérie (1891); E. Müntz, La tapisserie (1885); G. Vogt, La porcelaine (1893). Такого же характера и издаваемые Берлинскими музеями краткие, хорошо ориентирующие руководства (Handbücher), напр. J. Lessing, Gold und Silber (1892); O. Falke, Majolika (1896), и др.

Гальштаттская эпоха, второй железный век или Латэнская эпоха. В сочинении Дешелетта много рисунков и библиографических указаний. Оно смело может быть названо наилучшим из всего того, что в области доисторической археологии до сих пор появилось [1]). Дешелетт построил свое изложение на материале, происходящем, главным образом, из южной и средней Европы. Дополнением к его труду может служить руководство Мюллера (Sophus Müller) „Nordische Altertumskunde“ (2 тт., Страсбург 1897—9), который, на основании находок, сделанных на почве Дании и Шлезвига, представил картину развития каменного, бронзового и железного веков на севере. Для доисторических древностей Венгрии исчерпывающее изложение предмета дает упомянутый труд Гампеля (стр. 68). Желающему получить предварительные сведения по доисторической археологии можно рекомендовать книги барона де Бая (de Baye) „L'archéologie préhistorique“ (Пар. 1880; из „Bibliothèque“ Конта), Л. Нидерле „Человечество в доисторические времена (перевод с чешского, П. 1898) и М. Гёрнеса „Культура доисторического прошлого“ (М. 1914; перевод отдела из I т. „Weltgeschichte“ в изд. Ullstein'a).

24. При помощи указанных выше пособий и руководств по различным отраслям археологии, желающий „войдет“ в сущность и основные проблемы каждой из них и получит достаточное количество необходимых библиографических сведений для того, чтобы расширить и углубить свои познания, в зависимости от своих специальных интересов. При обслуживании их ему принесут также большую пользу имеющиеся пособия справочного характера: археологические словари, энциклопедии и т. п. Укажем главные из них по отдельным отраслям археологической науки.

Для занимающихся археологией Греции и Рима все еще продолжает сохранять свое значение большая энциклопедия, изданная, с 80-х гг. XIX в., при участии нескольких специалистов, под общей редакцией Баумейстера (A. Baumeister) „Denkmäler des klassischen Altertums“. Она состоит иа трех томов и содержит в себе расположенные в алфавитном порядке статьи „для об'яснения жизни греков и римлян“, поскольку она находила свое выражение в „религии, искусстве и домашнем быте“. Энциклопедия Баумейстера, или, как его кратко называют „Баумейстер“, как и всякий коллективный труд, неравноценен в отдельных частях: имеются статьи и хорошие и посредственные; одни из статей сохраняют свое зна-

[1]) В той же серии имеется недоступное мне руководство Бёша (H. Beuchat) по американской первобытной археологии (Archéologie americaine. Amerique préhistorique, civilisations disparues).

чение по настоящее время, другие должны быть признаны устаревшими. Достоинством „Баумейстера“ и посейчас остается обилие помещенных в нем иллюстраций. Библиографическая часть в „Баумейстере“ требует значительного дополнения и освежения. Несмотря на все это, ко многим, в особенности, мелким статьям энциклопедии, приходиться обращаться за необходимыми справками и теперь.

Первостепенное значение имеет для всех археологов-классиков монументальное издание, начавшее выходить с 1877 г. и законченное лишь в последние годы, „Dictionnaire des antiquités grecques et romaines,“ изданное, при участии многих специалистов, под редакцией Дарамбера (Ch. Daremberg) и Сальо (Edm. Saglio), к которым позже присоединился Поттье (Edm. Pottier). Словарь Дарамбера-Сальо заключает в себе расположенные в алфавитном порядке статьи, относящиеся к домашнему быту, учреждениям, религии, искусствам, наукам, костюму, мебели, военному и морскому делу, ремеслам, монетам, мерам и весам и пр. и пр., греков и римлян. В словаре, богато иллюстрированном, при каждой статье даются ссылки на источники (литературные тексты, надписи и вещественные памятники) и литературу предмета. Достоинство статей, конечно, неодинаково: некоторые из них, впрочем, настолько обстоятельно составлены, что могут быть сравниваемы с монографиями. В общем, нужно сказать, словарь Дарамбера-Сальо, по полноте материала, по обстоятельности и наглядности изложения, принадлежит к числу наиболее замечательных явлений в области ученых предприятий за последние полвека, и составители его оказали неоцененную услугу классической археологии, дав в руки всем занимающимся ею образцовое справочное пособие. Словарь издавался в течение чуть ли не 50 лет, и потому неудивительно, что некоторые статьи, помещенные в первых томах (всего словарь заключает 5 больших томов, или 10 полутомов, in 4°), в настоящее время устарели.

Этот недостаток легко может быть восполнен при помощи другого справочного пособия, столь же замечательного, что и словарь Дарамбера - Сальо. С 1894 г., в Штуттгарте, стало выходить, в новой обработке, пользовавшаяся большою известностью „Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft“ Паули. В сущности, это была не новая обработка „Паули“, а совершенно самостоятельное издание, составленное лишь по плану прежнего, но значительно его переросшее и изменившее. К участию в „Энциклопедии“, привлечен был ряд (более ста) специалистов; общую редакцию вел сначала Виссова, затем Кролль. Для археолога представляют интерес в „Энциклопедии Паули-Виссова“ статьи, касающиеся археологии и истории искусства, так называемых древностей (метролигия и нумизматика, частный быт, военное и морское дело, театр и вся-

кого рода зрелища), мифологии и культа, топографии (в последнюю включены статьи не только по эллинскому и римскому миру, но также и по странам древнего Востока). Почти все статьи в „Энциклопедии“ стоят на высоте современных научных требований, содержат в себе ссылки и на источники и на литературу предмета. Некоторые из статей „Энциклопедии“, как и в „Словаре“ Дарамбера-Сальо, носят характер монографий. Имея, в качестве настольных, оба этих пособия, археолог-классик чувствует себя, при своих специальных занятиях, вооруженным с ног до головы: такое обилие материала—и тщательно собранного и критически обсужденного—они заключают. Издание „Энциклопедии Паули-Виссова“ далеко еще не закончено: до начала войны вышло в свет восемь полных томов (в каждом до 3000 столбцов текста), оканчивающихся словом „Hyagnis“, начало IX тома (до слова Iao), начало тома от слова „Ra“ до слова „Rex“, два дополнительных выпуска к первым восьми томам.

Поскольку археологу-классику приходится иметь, при своих занятиях, дело с историей религии, мифологией, древностями религиозного культа, отличным справочным пособием для него послужит издаваемый Рошером (W. H. Roscher), при участии многих специалистов, „Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie“ (до 1914 г. вышло три больших тома и четвертый до слова „Summanus“, также три дополнительных тетради, где сопоставлены „Epitheta deorum“, встречающиеся у греческих и римских поэтов, и „Mythische Kosmographie der Griechen“ E. H. Berger'a). В словаре Рошера обилие рисунков и богатство библиографических указаний, равно как и ссылок на источники — и литературные и монументальные.

Труды Дарамбера-Сальо, Паули-Виссова, Рошера—громоздкие, многотомные издания. Кому нужно сделать короткую справку, быстро ориентироваться в том или ином археологическом вопросе, тот может обратиться к новой переработке известного „Reallexikon des klassischen Altertums“ Фр. Любкера (Fr. Lübker), вышедшей в 1914 г. под редакцией Геффкена (J. Geffcken) и Цибарта (E. Ziebarth)[1]. Краткие статьи в этом словаре сопровождаются ссылками на главнейшие источники и литературу предмета. Полезны также для быстрых справок о тех или иных греческих и латинских технических терминах, касающихся археологии, небольшие словари: Пари (P. Paris) „Lexique des antiquités grecques“ (Пар. 1909) и Канья (R. Cagnat) „Lexique des antiquités romaines“ (Пар. 1896).

[1]) Имеющиеся русские переводы словаря Любкера устарели.

Когда будет закончен издаваемый, при участии многих специалистов, под редакцией Каброля (F. Cabrol) и Леклерка (H. Leclercq) монументальный „Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie“, христианская археология получит такое же незаменимое и прекрасное справочное пособие, каким является для археологии классической словарь Дарамбера-Сальо. Словарь Каброля, начавший выходить с 1907 г., дошел в 1920 г. до слова „Domestici“ (1-я часть IV тома). Можно сказать, что с каждым новым выпуском словарь совершенствуется: так полно его содержание, так обширны его указания и на источники и на литературу предмета. Для тех статей по христианской археологии, которые не нашли себе места в словаре Каброля, следует обращаться к более кратким, но надежным, хотя, в некоторых своих частях, и устаревшим справочникам, как „Realencyclopädie der christlichen Altertümer“ (2 тт., Фрейбург 1882—6) Крауса (F. X. Krauss)[1], „A dictionary of christian antiquities“ W. Smith'а и G. Cheetham'а (2 тт., Лонд. 1893; взята эпоха до Карла Великого), „Dictionnaire des antiquites chrétiennes“ (Пар. 1877) Мартиньи (Martigny). Для кратких справок пригодится „Archäologisches Wörterbuch“ (Лпц. 1877) Отте (H. Otte).

Для археологии Средних веков и эпохи Возрождения подробного справочного пособия не имеется, если не считать доведенного только до слова „Guy“ хорошего, хотя и несколько теперь устаревшего „Glossaire archéologique du Moyen Age et de la Renaïssance“ (Пар. 1887) Гея (V. Gay), задуманного автором по широкому плану, с ссылками на источники и литературу предмета, и снабженного рисунками. Обстоятельны были, для своего времени, словари по французскому средневековью Виолле ле Дюка (Viollet le Duc) „Dictionnaire raisonné du mobilier français de l'époque Carlovingienne à la Renaissanse“ (6 тт., Пар. 1871—75), „Dictionnaire raisonné de l'architecture francaise de XI-e au XVI-e siècle“ (10 тт., Пар. 1858—68); теперь они устарели, хотя своего научного значения не утратили. Существующие краткие словари германских древностей Мюллера и Мольтеса (H. A. Müller und O. Moltes) „Illustrirtes archäologisches Wörterbuch der Kunst des germanischen Altertums des Mittelalters und der Renaissance“ (2 тт., Лпц. 1877—8) и Гётцингера (E. Götzinger) „Reallexicon der deutschen Altertümer“ (2 изд., Лпц. 1885) устарели. Имеется специальный подробный словарь библейской археологии, составленный при участии многих со-

---

[1]) Краусу же принадлежит основательное сочинение по истории христианского искусства: Geschichte der christlichen Kunst (2 тт., I—древнехристианское и византийское искусство; начало искусства у народов севера; II—искусство средневековое, Возрождения и нового времени, Фрейбург 1896—1900).

трудников Рима (Ed. Riehm) „Handwörterbuch des biblischen Altertums“ (2 тт., Лпц., 1884), дополнением к которому может служить руководство Новака (W. Nowack) „Lehrbuch der hebräischen Archäologie“ (2 тт., Фрейбург 1894); обильно иллюстрированный словарь по доисторической археологии Форрера (R. Forrer) „Reallexicon der prähistorischen, klassischen und frühchristlichen Altertümer“ (Берл. 1907; статьи, относящиеся к классической и ранне-христианской археологии, значения не имеют); краткие словари терминов искусства Аделина (J. Adeline) „Lexique des termes d'art“ (Пар. s. a.) и художественной промышленности Бухера (Br. Bucher) „Reallexicon der Kunstgewerbe“ (Вена 1884). Наконец, для мимолетных справок принесет свою пользу „Kunstlexicon“ W. Spemann'a (Берл. 1905) и его же „Goldenes Buch der Kunst“ (Берл. 1910 [1]).

25. Несмотря на свою молодость, археология успела к началу XX в. настолько созреть и окрепнуть, что оказалось возможным поставить на очередь вопрос о ее методологии. Вопрос этот поставлен был, конечно, своевременно, хотя, быть может, для окончательного решения его время еще не наступило. В имеющихся пока немногочисленных трудах по методологии археологии исследователи лишь нащупывают почву для создания более или менее твердых основ.

В „критических этюдах“ Брютайля (J. A. Brutails) „L'archéologie du Moyen Age et ses méthodes“ (Пар. 1900), автор, исходя из рассмотрения, главным образом, памятников средневековой французской архитектуры, говорит об основных элементах, национальных и иноземных, ее составляющих, и подвергает критическому анализу различные теории о происхождении средневекового французского искусства, останавливаясь, с особенною подробностью, на теории Куражо о византийских влияниях. С большою настойчивостью подчеркивает Брютайль важность установления точной хронологии памятников. В „Этюдах“ Брютайля есть несколько полезных соображений методологического характера, но общей методологии средневековой археологии — если только такая методология может существовать—они не содержат.

То же, приблизительно, можно сказать и о книге Флиндерса Петри (W. M. Flinders Petrie) „Methods and aims in archaeology“ (Лонд. 1904). Автор ее производил, в течение длинного ряда лет, раскопки в Египте и в области практической археологии приобрел почетную известность и большую опытность. Его замечания и со-

---

[1]) Предпринятое, при участии нескольких сотен специалистов, издание превосходного, по обстоятельности, словаря художников Тиме-Беккера (U. Thieme und F. Becker) „Allgemeines Lexicon der bildenden Künstler von der Antike bis zur Gegenwart“ в 1914 г. дошло до X тома, заканчивающегося словом „Erlwein“.

ображения о методах и приемах производства раскопок, во всех последовательных их стадиях, о средствах к сохранению добытых при раскопках предметах старины, об их публикации и пр., с интересом и пользою прочтены будут всяким, но для самой теории археологии книжка Флиндерса Петри дает мало.

Значительная часть в имеющемся пока первом выпуске упомянутого (стр. 86) „Handbuch der Archäologie“ Булле посвящена „сущности и методам археологии“. Булле говорит о методах при описании и исследовании вещественных памятников (имея в виду исключительно памятники классической археологии), об установлении их хронологии и о приемах их толкования, а также о целях археологической науки. Эти цели он формулирует, исходя из четырех точек зрения исследования художественной формы памятника: его художественного характера, его значения, его содержания (сюжета), его идеи. В заключении своего трактата Булле рассматривает отношение археологии к родственным ей дисциплинам: истории искусства, филологии, истории, этнологии, антропологии, фольклору, религии, философии и эстетике. Трактат Булле, на небольшом количестве страниц, затрагивает много принципальных вопросов методологического характера из области археологии и с пользою будет изучен всяким, этими вопросами интересующимся.

Женевскому ученому Деонна (W. Deonna) принадлежит трехтомное сочинение „L'archéologie, sa valeur, ses méthodes“ (Пар. 1912) [1]. Первый том носит подзаголовок „Les méthodes archéologiques“, второй—„Les lois de l'art“, третий—„Les rythmes artistiques“. Эти подзаголовки намечают ту точку зрения, на которой стоит автор: он стремится, установив содержание археологии и ее отношение к другим дисциплинам, а также выяснив законы, управляющие искусством, проследить чередование художественных направлений в их исторической преемственности. Высказывая правильное соображение, что археология не имеет своею исключительною задачею добывать, каталогизировать и описывать остатки прошлого, что она должна отыскивать в совокупности изучаемых ею фактов общие философские законы, Деонна, однако, затрудняет решение этой сложной задачи тем широким и расплывчатым пониманием археологии, какое он ей склонен давать. По его мнению, археология должна изучать прошлое во всех его областях — точка зрения, сближающая Деонна с упомянутыми ранее древними писателями,— а не делать своим об'ектом какую-нибудь определенную область —

---

[1]) См. рецензию на эту книгу А. А. Захарова в „Гермесе“ XIV (1914); заключительная глава сочинения Деонна переведена на русский язык Н. В. Русиновым „Сущность археологии“ (М. 1916).

хотя бы ограничиваясь вещественными памятниками. Правильному развитию археологии препятствовала, по мнению Деонна, царившая в ней традиция и рутина, стремление установить общую схему развития всех пластических искусств, всякого рода модные, в то или иное время, увлечения, стремления к поспешным обобщениям, предвзятые идеи пр. Все эти методологические ошибки, допущенные и допускаемые при изучении вещественных памятников, иллюстрируются Деонна многочисленными и большею частью удачно подобранными примерами. В них—в этих примерах—заключается главный интерес сочинения Деонна, которое, несмотря на его значительный об'ем, все же нельзя признать тем, что̀ принято считать методологией той или иной науки.

Методология археологии, как и методология всякой иной науки, должна быть построяема не на почве тех или иных отвлеченных соображений, или суб'ективных суждений — какою бы глубокомысленностью и основательностью те и другие ни отличались,—а на основе об'ективных данных, самою наукою—ее главными источниками и их критическою разработкою—доставляемых. В этом отношении история археологии может дать для построения методологии археологии обширный и ценный материал. В нем львиную долю придется отнести на то, что̀ сделано было в области археологии на Западе. Но было бы несправедливо не принять при этом в расчет и того, что̀ сделано было, в течение XIX и XX вв., для успехов археологических знаний в России.

V.

26. Россия, принимая во внимание огромные размеры ее территории, разнообразный этнический состав населения, многообразную смену культурных течений и влияний исторического существования, представляет самую благоприятную почву для археологического исследования, как по богатству сохранившихся вещественных памятников, так и по их разнообразию, а в некоторых случаях и исключительному научному значению.

Территория России, как показывают рассеянные по ней памятники первобытной культуры, пережила свою эпоху, или эпохи, доисторического быта. В область истории территория России вступает с VII в. до Р. Х.—в пределах Кавказа еще ранее,—когда на северном побережье Черного моря появляются греки, распространившиеся местами также и по кавказскому берегу. Об этом „греческом“ периоде сохранилось много упоминаний, и кратких и пространных, в произведениях греческих и римских писа-

телей [1]). Археологические исследования, произведенные в различных пунктах греческих и, позднее, римских поселений на юге России, дали большой, разнообразный и ценный материал, в виде вещественных памятников и остатков сооружений, равно как очень много древних и греческих и латинских надписей и монет [2]). Большое обилие археологического материала дали и многочисленные, главным образом, курганные погребения жителей степной полосы, современников греческих колонистов Причерноморья. Эти погребения обозначаются обыкновенно наименованием „скифские“, по имени народа, создавшего в причерноморских степях сильное государство, существовавшее до III в. до Р. Х., а затем, вплоть до появления в степях Причерноморья тюркских племен, не выходившего за пределы Таврического полуострова. В степной полосе, в долинах Кубани, Дона, Донца, Днепра, Буга и Днестра, господствовали тогда продвигавшиеся на запад сарматские племена, разделявшие, в западной части этой территории, власть с племенами фракийскими, кельтскими и, может быть, германскими.

---

1) Эти упоминания сопоставлены В. В. Латышевым в его „Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе“, где приведены соответствующие греческие и латинские тексты и дан их русский перевод.; I т. сборника обнимает греческих писателей (П. 1893). II т.—латинских писателей (П. 1906). Первоначально труд В. В. Латышева печатался в ЗРАО. Незадолго до своей смерти (1921 г.) неутомимый исследователь прошлых судеб России предпринял составление III т. „Scythica et Caucasica“, куда должны войти известия византийских писателей о Скифии и Кавказе. Материалы для этого тома отчасти уже собраны, и издание его должно быть непременно осуществлено, лишь только представится к тому возможность, так как в нем одинаково заинтересованы и археологи и историки и филологи. Необходимо также завершить и издание подготовленного В. В. Латышевым систематического указателя к первым двум томам.

2) Все надписи, греческие и латинские, с переводом их на русский язык и с необходимыми об‘яснениями, найденные на северном побережье Черного моря, об‘единены в монументальном издании, предпринятом Русским Археологическим Обществом, В. В. Латышева „Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae“ (цитируется сокращенно IOSPE), I т. которого, заключающий надписи Тираса, Ольвии, Херсонеса Таврического и др. мест от Дуная до Боспорского царства, вышел в 1885 г., II т.—надписи Боспорского царства—в 1890 г., IV т.—надписи, найденные в 1885—1900 г., в 1901 г. Третий том IOSPE, куда должны войти надписи на ручках амфор и вообще на предметах утвари, обработку которого, более четверти века тому назад взял на себя Е. М. Придик, увидеть изданным в свет нашему поколению, очевидно, не суждено, если обработка материала, который должен войти в III т., не будет передана кому-нибудь другому. Пока мы ждали появления III т., В. В. Латышев успел издать второе издание I т. IOSPE (1916) и подготовить материал для второго издания II т. Им же издан „Сборник греческих надписей христианских времен из южной России“ (1896), нуждающийся в переиздании, материалы для которого также В. В. Латышевым оставлены. В переиздании нуждается и „Сборник греческих и латинских надписей Кавказа“, составленный И. В. Помяловским в 1881 г.

Различные места Прикавказья и Закавказья, Донской и Терской областей, Туркестана, губерний Вятской, Пермской, Казанской и др., также Сибири, дали огромный запас самых разнообразных вещественных памятников, глухо относимых к эпохе так наз. Великого переселения народов. Средневековые Крым и Кавказ обнаружили неисчерпаемое количество христианских памятников, относящихся к области как, главным образом, византийско-восточной, так, отчасти, и западно-европейской средневековой культуры. Наконец, со времени образования Русского государства, длинною непрерываемою вереницею тянутся вещественные памятники искусства и старины, разбросанные на необ‘ятном пространстве территории России. Богатство и разнообразие этих памятников вряд ли поддаются какому-либо учету. Нужно только отметить, что при наличности многочисленных восточных племен, в ней обитавших, наряду с теми древностями, которые приходится огульно окрестить термином „русские“, особую группу занимают древности, которые, ради краткости, можно обозначить термином „восточные“.

Вот какова, в самых грубых и общих чертах, „археологическая карта“ России. В археологическом отношении, повторяем, Россия представляет страну исключительного значения, могущую соперничать разве только с Италией. И если археология сравнительно лишь недавно пустила в России глубокие корни и заняла свое определенное место, то об‘яснение этому запозданию должно усматривать в хорошо всем и каждому знакомым общих условиях развития русской жизни.

27. Трудно представить, в общем и сжатом очерке, историю археологических открытий и научных их исследований в России. Такая история до сих пор не только не написана, но даже и подготовительных работ сделано для нее слишком мало [1]). Приходится в дальнейшем наметить лишь общие рамки этого развития в его наиболее существенных и характерных чертах.

Первую попытку создать собрание вещественных памятников страны представляла собою Московская Оружейная Палата, упоминаемая в памятниках письменности Московской Руси уже в начале

[1]) П. С. Уварова дала краткий, поверхностный „Aperçu sommaire du développement des sciences archéologiques en Russie“ в „Recueil de Mémoires publiées par la Société des antiquaires de France à l'occasion de son centainaire“ (Пар. 1904). Михаэлис в упомянутой выше (стр. 32) книге посвятил классическим древностям южной России около двух страниц, Зауер (стр. 86)— несколько строк. О книге Миннза речь ниже. Из общих курсов русской истории пытались привлечь археологию в общее русло изложения И. Е. Забелин, История русской жизни с древнейших времен, 2 изд., М. 1908; М. Грушевский, История Украиня Руси, I, 1898, Иллюстрированная история Украины, 1912, Киевская Русь 1913; Д. И. Багалей, Русская история, I, М. 1914.

XVI в. под именем Государевой Мастерской Палаты и Царицыной Мастерской Палаты, наряду с особыми мастерскими для царевичей и царевен. При Петре Великом все эти палаты об'единены были в одну и причислены к приказам дворцового управления, слитым в одно ведомство, под названием „Мастерская и Оружейная Палата". Она находилась в ведении Сената и была предназначена для хранения царских сокровищ и для управления московскими дворцами и волостями. В начале XIX в. Палата приобрела отчасти уже характер музея, а в 1831 г. окончательно была обращена в таковой, под именем Оружейной Палаты. То обстоятельство, что первые археологические шаги в России были связаны с царским двором, с царским управлением, наложило свой отпечаток на все дальнейшее развитие у нас археологии. Она, в течение всего времени существования монархического строя, пользовалась особым вниманием со стороны царского двора, а отсюда проистекало и то, что преимущественное расположение к ней имели и покровительство ей оказывали лица, так или иначе со двором связанные; это же обстоятельство повело, далее, к тому, что и формально-юридически все вопросы археологического характера сосредоточены были, в значительной степени, в ведении Министерства Императорского Двора. Такое положение создавало для археологии нередко большие выгоды, в смысле добывания всякого рода кредитов на нее. Но, с другой стороны, долголетнее пребывание в недрах Министерства Императорского Двора имело для археологии и отрицательные стороны: на археологию нередко смотрели, как на своего рода забаву, развлечение. Находясь в одном и том же ведомстве, где значились и казенные театры, и царская охота, и придворно-конюшенная часть и т. п., археология не имела часто в глазах лиц, власть предержащих, того значения, какое ей, по праву принадлежать должно было бы, как мощному орудию распространения знания. Лишь со времени крушения монархического строя, археологии отведено было то место в ведомстве народного просвещения, какое ей всего более там и приличествует занимать.

Впрочем, как видно будет ниже, русские цари в истории археологии должны быть помянуты добрым и благодарным словом. Они постоянно заботились об ее нуждах и старались содействовать ее процветанию. Уже Петру Великому, особенно во время его второй поездки по Европе, удалось составить коллекцию предметов старины, которые и были помещены в основанной им при Академии Наук Кунсткамере [1]). Особенно много внимания предметам искусства и

---

[1]) В течение XVIII в. разнообразные коллекции, хранившиеся в Кунсткамере, стали распределяться по разным музеям Академии, в которой

старины уделяла просвещеннейшая особа из наших государей, Екатерина II. При ней академическими экспедициями собраны были сведения о многих памятниках местной старины. Наибольшие услуги археологии императрица оказала, разумеется, основанием Эрмитажа, как первого художественно-исторического и археологического музея в европейском смысле этого слова. [1]) Но если в царствование Екатерины было много сделано для успехов грядущей археологической науки, то тогда же многие из монументальных памятников русской старины, в угоду царившему ложному вкусу, утратили свой первоначальный вид, вследствие произведенных в них перестроек, неудачных реставраций и т. п., не говоря уже о том, что некоторые из памятников были разрушены.

В царствование Александра I намечается новое, очень важное явление: лица, интересующиеся памятниками старины, приходят к мысли, что „один в поле не воин", что необходимо об'единить исследовательские силы, взаимно обсуждать и критически изучать памятники прошлого. В начале XIX в. основано было при Московском университете „Общество Истории и Древностей Российских", первый председатель которого, Платон Бекетов, был страстным коллекционером, а секретарь общества, К. Ф. Калайдович, живо интересовался не только памятниками письменности, но и остатками вещественной старины. Преемник Бекетова, А. Ф. Малиновский, составил „Описание Оружейной Палаты". Возникшее в Москве движение в пользу археологии нашло себе просвещенного покровителя в лице государственного канцлера Румянцева, посвятившего всю свою жизнь изучению русской истории и ее памятников. Румянцев искал повсюду людей, могущих помочь ему, оказывал им постоянную поддержку в их научных занятиях. Он составил богатую библиотеку и музей, завещанный им Москве и ныне известный под именем „Румянцевского".

Все же до царствования Николая I изучение вещественных памятников в России велось более или менее случайно и, во всяком случае, лишь попутно с изучением памятников старинной письменности. Археологических исследований, в прямом смысле

долгое время оставалась лишь та часть Кунсткамеры, которая называлась Кабинетом Петра Великого и где хранилась одежда государя, его оружие, мебель, все, что окружало его в частной жизни. В средине XIX в. Кабинет был передан в Эрмитаж, но в 1910 г. снова возвращен в Академию Наук, где теперь и составляет один из отделов Музея Антропологии и Этнографии имени Петра Великого.

[1]) История образования и постепенного роста Эрмитажа не написана. Прекрасный этюд М. И. Максимовой „Императрица Екатерина Вторая и собрание резных камней Эрмитажа" (Сборник Эрмитажа, вып. I, II. 1921) показывает, что подобного рода тема заслуживает интереса.

этого слова, не производилось. Лишь с Николая I можно говорить о зарождении в России правильных археологических разысканий, о создании особой археологической дисциплины. Николай I прекрасно понимал необходимость сохранения памятников старины, уже известных, добывания памятников новых, издания и изучения тех и других [1]). Роль своего рода государственного археолога исполнял при нем, занимавший последовательно посты директора Публичной библиотеки и президента Академии Художеств, А. Н. Оленин, написавший сам много работ по различным археологическим вопросам [2]). По повелению Николая I, предпринято было особою комиссиею, в составе Оленина, Сергея Строганова, Сонцева, Вельтмана и Снегирева, выполнение монументального и роскошного издания „Древности Российского Государства" (М. 1849—53), материал в котором, в сопровождении описательного текста, распределен был по шести томам в таком порядке: 1) иконы, кресты, утварь храмовая и облачение сана духовного; 2) древний чин царский, царские утвари и одежды; 3) броня, оружие, карты и конская сбруя; 4) древние великокняжеские, царские, боярские и народные одежды, изображения и портреты; 5) древняя столовая и домашняя утварь; 6) памятники древнего русского зодчества [3]). Изданием „Древностей Российского Государства", равно как и произведенными, по повелению Николая I, реставрациями дворца бояр Романовых в Москве, Ипатьевского монастыря вблизи Калуги, Киево-Софийского собора и пр. оказаны были существенные услуги отечественной археологии.

28. Столь же серьезное внимание обращено было Николаем I на исследование памятников классических и „скифских" древностей, найденных на территории южной России. Эти древности стали привлекать к себе внимание значительно ранее—со времени присоединения северного побережья Черного моря и Крыма к составу Русского государства. Уже тогда стали собирать античный материал, находившийся на поверхности земли, устанавливать местонахождение развалин древних городов, снимать планы их. Работа эта производилась как иностранными путешественниками, так и лицами, состоявшими на русской службе и действовавшими, отчасти, по поручению русских государственных деятелей. Из числа иностранных

---

[1]) Н. Н. Врангель, Искусство и государь Николай Павлович, П. 1915.

[2]) Об Оленине см. статью И. А. Кубасова в „Русском Биографическом словаре" (1904 г.).

[3]) Почти одновременно с изданием „Древностей Российского Государства" появились также большие издания А. Мартынова и Н. Снегирева „Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества" (М. 1846, 3 изд., М. 1852—60, 6 тт.) и „Памятники древнего художества в России" (М. 1850).

путешественников, заслуживают упоминания имена: Кларка (E. D. Clarke, Travels in various countries of Europa, Asia and Africa, 2 тт., Кэмбридж), Рёльи (Reuilly, Voyage en Crimée, Пар. 1806) и, в особенности, Дюбуа де Монперё (Dubois de Montpereux, Voyage autour du Caucase, 6 тт., с атласом, Пар. 1839—43). Из русских, Иван Потоцкий об'ездил, в конце XVIII и в начале XIX в., юг России, Крым и Кавказ с историческими и археологическими целями. Большой археологический материал собрали во время своей поездки по югу России, в конце XVIII в., академики Паллас (P. S. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reiches in den Jahren 1793 und 1794, 2 тт., с атласом, Лпц. 1799—1801; то же Лпц. 1804—05), в начале XIX в. Кёлер (см. ЗООИД. VIII), Кёппен (P. von Köppen, Altertümer am Nordgestade des Pontus, Вена, 1823; русское издание, М. 1828). Наряду с этими, строго научными, экспедициями, имевшими в виду не только собирание но и исследование археологического материала, следует вспомнить о „Досугах крымского судьи“ П. Сумарокова (М. 1800. П., 1803—5), давшего, в описании своего путешествия по Крыму, ряд интересных наблюдений; о дневниках Грибоедова (III т. Академического издания его сочинений), очень интересовавшегося, во время своего путешествия, в 1825 г., памятниками Крыма [1]). Все эти путешествия возбудили живой интерес к Крыму и его памятникам как среди западных ученых, так и в руководящих русских административных сферах. Случайно попавший, после французской революции, в Керчь француз Дюбрюкс (Paul Dubrux), этот, как его называет С. Рейнак, „создатель Боспорской археологии“, увлекся разысканием местных древностей, произвел тщательное археологическое исследование Керчи и ее окрестностей и произвел там ряд археологических с'емок и раскопок древних погребений, давших немало любопытных находок (они поступили в Керченский музей). Одновременно с Дюбрюксом работал керченский градоначальник (1829—1832) Стемпковский, положивший начало изучению исторической топографии Черноморского побережья. Вообще первые десятилетия XIX в. поставили дело добывания археологического материала на более или менее систематическую почву и придали ему регулярный характер. В Петербурге южнорусскими древностями заинтересовались тогдашние археологи и нумизматы: упомянутые уже Оленин, Кёлер, Кеппен, а также Муральт, Кёне и др., сгруппировавшиеся около преобразованного тогда Эрмитажа. На эти древности было обращено серьезное вни-

---

[1]) То же нужно сказать, но уже для более позднего времени, о Пушкине. См. А. Л. Бертье-Делагард, Память о Пушкине в Гурзуфе (Пушкин и его современники, XVII—XVIII, П. 1913).

мание и со стороны таких просвещенных административных деятелей, как Румянцев, Сергей Уваров и др., не говоря уже о самом Николае I [1]). Для хранения местных древностей стали основываться на юге музеи: в Феодосии в 1811 г., в Одессе в 1825 г. (туда переданы были вещи и из первого археологического музея, возникшего на юге России, в Николаеве, основанного в 1806 г.), в Керчи в 1826 г. В связи с основанием Керченского музея древностей стоит и появление в Керчи особых чиновников, на обязанности которых возложено было Министерством Внутренних Дел—в ведении его тогда находилась охрана древностей—производство раскопок в Керчи и в ее окрестностях. К числу этих „казенных" археологов принадлежали и директор Керченского музея, голландский эмигрант И. П. Бларамберг, достигший своими раскопками значительных научных результатов, и, одновременно с ним, правитель канцелярии керченского градоначальника, Карейша, правою рукой которого был Бегичев, хороший рисовальщик и практик - раскапыватель. Преемником Бларамберга по управлению Керченским музеем был сербский уроженец А. Б. Ашик, сделавший при своих раскопках много ценных открытий, обнародованных им в ряде его трудов (из них важнейшие: „Боспорское царство", 3 тт., Од. 1848; „Часы досуга, с присовокуплением писем о керченских древностях", Од. 1850).

Наряду с Керчью и Одессой важным местным центром систематических исследований памятников древности, с сороковых годов XIX в., сделался Киев, где археологическая работа сгруппировалась около комиссии по разбору древних актов.

Эпоху в деле археологического исследования юга России составили те годы, когда во главе Министерства Внутренних Дел, а затем Министерства Уделов, стоял Л. А. Перовский, широко образованный человек, страстный любитель археологии. Перовский сумел найти себе подходящих сотрудников и начертал широкую, строго научную программу систематического исследования, в археологическом отношении, юга России, путем планомерного раскапывания руин греческих городов и их некрополей—Керчи, Херсонеса, Фанагории, Ольвии и всей массы рассеянных по южно-русской степи курганов. По инициативе и под руководством Перовского, энергично и хорошо стали работать агенты Министерства в Керчи. Благодаря ему же несколько петербургских ученых командированы были на юг России и начали там, насколько это им было доступно, планомерное и систематическое исследование.

---

[1]) Особенное впечатление произвела находка в так называемом Куль-Обском кургане, в нескольких верстах от Керчи, в 1831 г., знаменитой Куль-Обской вазы.

Большую поддержку оказывал Перовский и начавшим тогда работать общественным археологическим организациям. Первое археологическое общество в России возникло в Прибалтийском крае, в Митаве, где в 1817 г. основано было „Kurländische Gesellschaft für Literatur und Kunst“; за ним последовало открытие, в 1834 г., в Риге „Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands“ и, в 1838 г., в Дерпте „Gelehrte oestnische Gesellschaft“. Названные общества посвящали свою деятельность исследованию исключительно Прибалтийского края и достигли в этом направлении больших и ценных результатов. В 1839 г. основано было в Одессе Общество Истории и Древностей, уже с начала своего существования приступившее к энергичному обслуживанию археологических нужд юга России. В 1846 г. возникло в Петербурге Русское Археологическое Общество, деятельность которого, равно как и Одесского Общества, развилась особенно блестяще во вторую половину XIX в.

Как бы в pendant к изданию „Древностей Российского Государства“ предпринято было, по повелению Николая I, роскошное издание, проект и план которого был представлен императору, в 1843 г., Петром Волконским и которое вышло в свет, в трех томах (два тома текста на русском и французском языках, один том атласа), в Петербурге в 1854 г. Это издание носит название „Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа“. Издание было отпечатано в количестве всего 200 экземпляров, которые были распределены по учреждениям, в частную же продажу не поступили [1]). Издание было расчитано не только на ученых, но и на образованную публику вообще. Целью его было познакомить с сокровищами античного искусства, найденными на обоих берегах Боспора Киммерийского (теп. Керченский пролив), преимущественно в окрестностях Пантикапея (теп. Керчи).

---

[1]) Случайно попадавшие на книжный рынок „Древности“ стояли всегда в высокой цене, доходившей иногда до 3.000 франков. В 1892 г. „Древности“ были переизданы С. Рейнаком в „Bibliothèque des monuments figurés grecs et romains“, под заглавием „Antiquités du Bosphore Cimmérien rééditées avec un commentaire nouveau et un index général des Comptes Rendus“ (см. ниже). Издание С. Рейнака представляет точное, хотя и в уменьшенном виде, воспроизведение таблиц „Древностей“, исполненное более дешевым способом и в один тон (в оригинальном издании были цветные таблицы). Что касается об'яснительного текста, то он, в значительной степени, переработан и освежен С. Рейнаком, так что этому тексту должно отдать предпочтение пред текстом оригинального издания. С. Рейнак не перепечатал, впрочем, весь текст целиком, но извлек из него лишь то, что̀ представляет „длительный интерес для археологических занятий“; он отбросил из ученого аппарата все то, что̀ можно найти в более доступных сочинениях, и присоединил зато ценные библиографические и иные указания.

Памятники, вошедшие в атлас, воспроизведены были в гравюрах. Введение об истории раскопок, помещённое в тексте, составлено было на основании извлечений из рукописей Дюбрюкса, отчетов Ашика, Карейши, Бегичева и др. В тексте помещено было также „историческое введение", перепечатанное и в издании Рейнака, где содержатся сведения о ходе археологических изысканий на Боспоре, приложены две карты окрестностей Керчи и Боспора, планы некоторых, наиболее важных, из раскопанных курганов и описание таблиц атласа. Для своего времени издание „Древностей Босфора Киммерийского" было событием первостепенной важности. Благодаря этому изданию, впервые дана была возможность ознакомиться, в художественном воспроизведении, с наиболее замечательными памятниками из керченских находок. В настоящее время „Древности" представляют, скорее, исторический интерес: материал, сопоставленный в них, нуждается в значительном дополнении, да и самое воспроизведение памятников, как сделанное не механическим, т. е. не всегда достаточно гарантирующим абсолютную точность воспроизведения, способом, не может удовлетворять пред'являемым теперь к изданию памятников требованиям. Тем не мёнее, и по сие время к „Древностям Босфора Киммерийского" постоянно приходится обращаться при занятиях, так как лишь, сравнительно, очень незначительная часть памятников, изданных в „Древностях", переиздана в лучших и более надежных воспроизведениях.

29. В общем, для изучения классических древностей к 60-м годам XIX в. сделано было уже столь много, что назревала насущная необходимость в создании такого правительственного органа, который, по образцу соответствующих органов в Западной Европе, взял бы в свои руки систематическое руководство археологией, как в виде производства дальнейших раскопок, которые до тех пор носили более или менее случайный характер, так и в смысле научной разработки результатов, даваемых раскопками. Этим потребностям должна была удовлетворять учрежденная при Министерстве Двора, 2 февраля (ст. ст.) 1859 г., Археологическая Комиссия. В круг ведения ее должно было войти: производство раскопок и исследование древностей, „преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом Россией, собирание сведений о памятниках старины и ученая оценка открываемых древностей". В Комиссию же должны были поступать все отдельные археологические находки, делаемые на землях казенных и общественных. Таким образом, уже по первоначальному положению о Комиссии, на нее возложены были обширные и важные задачи. Позже, с 1889 г., они расширились еще более. Комиссии было предоставлено исключительное

право давать разрешения на производство раскопок на землях казенных и общественных, а также решать все вопросы, связанные с реставрацией монументальных памятников старины. (Реставрационные дела в Комиссии решались с участием представителей от Академии Художеств и других высших учреждений). Комиссия обязана была следить за всеми происходящими на территории России открытиями предметов древности. Производство раскопок на землях, принадлежащих частным лицам, могло происходить лишь с ведома Комиссии, после получения от нее соответствующего разрешения в виде так наз. открытого листа. Древности, полученные от раскопок на землях частных лиц, оставались во владении последних, но в Комиссию должны были быть представляемы как отчеты о произведенных раскопках, так и описи найденных при них вещей. Все поступавшие в Комиссию древности, как из раскопок, так и в виде случайных находок, распределялись ею по тем или иным правительственным или общественным музеям. В ведении Комиссии находились склад древностей в Херсонесе и Керченский музей; под ее надзором состояли замки Черский и Бодзентинский в Польше. Сначала бюджет Комиссии был скромный— 18.000 руб. в год; потом он возрос почти до ста тысяч, не считая отдельных ассигнований на некоторые, наиболее важные, раскопки.

В 60-х и 70-х гг., когда председателем Комиссии состоял Г. С. Строганов, деятельным сотрудником которого был В. Г. Тизенгаузен, скончавшийся в должности товарища председателя Комиссии [1]), деятельность Комиссии направлена была, почти исключительно, на юг России и сосредоточивалась на исследовании классических и „скифских" древностей. К этому времени относятся большие, хотя и не строго-систематические, раскопки Комиссии в Керчи и ее окрестностях, на Таманском полуострове, по Кубани (курганы „Большая Близница", на Васюриной горе, „Артюховский", „Семибратний", и пр.), в степях Приднепровья (курганы „Александропольский", „Чертомлыцкий" и др.) Раскопки эти поручались различным лицам, а научная обработка материала, добытого раскопками, находилась почти исключительно в руках хранителя Эрмитажа, академика Л. Стефани. С 80-х гг., когда во главе Комиссии стал А. А. Бобринской, Комиссия постепенно стала производить раскопки и археологические разыскания почти по всей Европейской, а отчасти и Азиатской России, хотя и тогда основным центром деятельности Комиссии продолжал оставаться юг России.

В Керчи и ее окрестностях за последние двадцать лет регулярно производили раскопки директоры Керченского музея К. Е.

---

[1]) См. о нем в ИАК. вып. 2.

Думберг и покойный В. В. Шкорпил. Так как Керчь и по сие время представляет жилое поселение, то производить раскопки в пределах древнего города Пантикапея не представлялось возможным; приходилось раскапывать, главным образом, так наз. гору Митридата, где, на восточном склоне, открыты были, между прочим, остатки эллинистических построек и римских бань, и древний некрополь. К ранее открытым в Керчи склепам, или катакомбам, украшенным фресковою живописью, присоединилось несколько новых, в том числе относящихся к христианскому периоду Керчи[1]).

В более счастливых условиях поставлено было дело раскопок в Херсонесе Таврическом (ок. Севастополя), игравшем важную роль не только в классическую, но и в христианскую эпоху (Корсунь наших летописей). Систематические раскопки в Херсонесе, начавшиеся с 1888 г. и ведшиеся под руководством покойных К. К. Косцюшко-Валюжинича, Р. Х. Лёпера и, отчасти, здравствующего Н. М. Печонкина, привели к очень важным результатам для выяснения топографии и истории города, в языческое и в христианское время, и его некрополя[2]).

Самые обстоятельные, строго систематические, вполне научно поставленные раскопки Комиссии были произведены на месте древней Ольвии, города, основанного колонистами из Милета в VII в. до Р. Х. у устьев Буга (около теп. села Парутина, Очаковского уезда, Херсонской губ.). Там с 1900 г. вел раскопки Б. В. Фармаковский. При своих раскопках он не гнался—что̀ бывало иногда у нас с другими археологами—за находкою отдельных предметов; он поставил своею задачею, путем планомерного и осторожного исследования города, восстановить его культурный облик. Шаг за шагом подвигался в своих раскопках Б. В. Фармаковский от более поздних культурных слоев к более древним и древнейшим и, благодаря достигнутым результатам, ему удалось восстановить историю постепенного развития и упадка города. Отдельных, чрезвычайно важных, находок при раскопках сделано было очень много[3]).

---

[1]) Подробные отчеты В. В. Шкорпила о раскопках в Керчи и ее окрестностях помещены в ИАК. вып. 7, 9, 11, 17, 25, 30, 35, 40, 47, 56, 60.

[2]) Общий историко-археологический очерк Херсонеса дан в книге Е. Э. Иванова „Херсонес Таврический", Симферополь 1912 (Изв. Таврич. Ученой Архивной Комиссии, № 46); в книге изложена история херсонесских раскопок и сделанных при них находок, а также дана подробная библиография и план Херсонеса. Подробные отчеты Косцюшко-Валюжинича в ИАК. вып. 1, 2, 4, 9, 16, 20, 25, 33, 42.

[3]) Отчеты об Ольвийских раскопках в ИАК. вып. 3, 8, 13, 33. Ориентирующий очерк об истории и археологии Ольвии, составленный Б. В. Фармаковским, см. в XXIX т. НЭС., где приведена и главная библиография.

В меньших размерах, но также строго методически, были произведены раскопки Э. Р. Штерном на острове Березани (близь Очакова), где открыты были остатки греческого поселения VI — V вв. до Р. Х. с характерными признаками ионийской культуры.

Наряду с исследованием остатков городов: Пантикапея, Херсонеса, Ольвии, Археологическая Комиссия продолжала энергично раскапывать курганы в Причерноморье, Приднепровье и в Кубанской области. Здесь главным и, на редкость, счастливым деятелем оказался старший член Комиссии, покойный Н. И. Веселовский, открывший много исключительных по своему значению памятников греческой, римской и „скифской“ старины [1]). Им, а также А. А. Миллером, были произведены раскопки на месте древнего Танаиса, в низовьях Дона, важных, главным образом, в топографическом отношении [2]). В различных местностях Крыма и Таврической губернии произведены были археологические разыскания Ф. А. Брауном [3]), Н. И. Репниковым [4]). На берегах низового Днепра копал В. И. Гошкевич [5]), в Киевской губ. А. А. Бобринской [6]); в северных, в южных, в центральных, в восточных и в западных губерниях производил раскопки курганов ревностный работник Комиссии, ее член А. А. Спицын [7]), и другие, как, напр., Н. Е. Макаренко [8]), В. В. Саханев [9]), Р. Г. Игнатьев [19]), Э. А. Реслер [11]). Очень важны были, по своим результатам, исследования, произведенные покойным Д. П. Милеевым

---

[1]) Об археологической деятельности Н. И. Веселовского см. в статье Б. В. Фармаковского в ЗВОРАО. XXV (1921).

[2]) ИАК. вып. 33, 35.

[3]) ИАК. вып. 19.

[4]) ИАК. вып. 19, 30, 32. Незадолго до войны и в первый ее год начаты были раскопки в Евпатории, обещавшие дать интересные результаты.

[5]) ИАК. вып. 47.

[6]) ИАК. вып. 4, 14, 17, 20, 35, 40, 49, 54, 60. В течение длинного ряда лет А. А. Бобринской производил раскопки в Черкасском уезде Киевской губ. См. его сочинение „Курганы и случайные находки близ местечка Смелы“ (3 тт., П. 1887—1901) и отзыв об этом сочинении Н. И. Веселовского в „Протоколах общих собраний РАО. за 1889—1908 гг.“ (П. 1915).

[7]) Сведения об этих раскопках помещались в ОАК., в ИАК. (вып. 15 о раскопках во Владимирской губ., вып. 12 — в Киевской губ., вып. 15— Гнездовских курганов, вып. 19 — Серогозских курганов), в МАР. (№ 10 — В. Н. Ястребов, Лядинский и Темниковский могильники Тамбовской губ. № 11 — В. В. Антонович, Раскопки в стране древлян. № 14 — Люцинский могильник. № 25—А. А. Спицын, Древности бассейнов реки Оки и Камы. № 26—его же, Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. № 28— В. И. Сизов, Курганы Смоленской губ. № 29—А. А. Спицын, Гдовские курганы в раскопках В. Н. Глазова.

[8]) ИАК. вып. 12, 22, 43—отчеты о раскопках в Воронежской, Екатеринославской, Полтавской губ. и в Терской области.

[9]) ИАК. вып. 56—раскопки на сев. Кавказе.

[10]) ИАК. вып. 5—раскопки в Оренбургской губ.

[11]) ИАК. вып. 12, 16—раскопки в Елизаветполчской губ.

в Киеве в районе Десятинной церкви и в др. местах [1]), В. З. Завитневичем в бассейне Березины, раскопки и исследования в различных местах Сибири [2]), Акмолинской и Семипалатинской областей, Туркестана [3]) и пр. Вообще деятельность Археологической Комиссии в отношении производства раскопок, за последние 30 — 40 лет, чрезвычайно расширилась и постепенно охватывала все бо̀льшие и бо̀льшие районы. Можно сказать даже, что эта широкая и разносторонняя деятельность превышала как наличные силы, бывшие в распоряжении Комиссии, так и материальные средства, которыми она располагала. Слишком усиленное стремление Комиссии к производству раскопок почти одновременно во многих местах вело к тому, что достигаемые раскопками результаты, быть может, не всегда бывали удовлетворительными, что начатые предприятия, за отсутствием ученых сил, или материальных средств, прерывались и не доводимы были до конца. Об'ясняется все это отчасти и тем, что у Комиссии не было строго выработанного плана в производстве раскопок. Строго говоря, Комиссия, по традиции, вела регулярные исследования лишь на юге России, особенно в Ольвии и в Херсонесе, отчасти в пределах древнего Боспорского царства и Причерноморья; исследования же в остальных пунктах территории России, как бы важны ни были их результаты, носили бессистемный характер и нередко производились ad hoc. Упрекать за это Археологическую Комиссию, однако же, вряд ли было бы справедливо. Создавшееся положение вещей оправдывалось естественными причинами: для исследования классических и „скифских“ древностей существовала уже довольно прочная научная база, при исследовании же всякого рода иных древностей такой базы не было, и приходилось лишь нащупывать почву. В заслугу Комиссии нужно поставить, во всяком случае, то, что она стремилась связать расследование северного Причерноморья с изучением Кавказа, Закавказья и Туркестана; с одной стороны, первобытных древностей средней России, Приволжья, Прикамья и Приуралья — с другой; что Комиссия постоянно шла навстречу всякого рода ученым начинаниям, предприятиям и предположениям, хотя бы они возникали и вне ее среды.

До 80-х гг. деятельность Археологической Комиссии сосредоточена была, как мы видели, почти исключительно, на исследовании классических и „скифских“ древностей Причерноморья, на раскопках курганных погребений, давших чрезвычайно богатые результаты и обогативших Эрмитаж первоклассными сокровищами. Пополнение

---

[1]) О них пока см. ИАК. 31, 32, 34, 37, 39.
[2]) См. МАР. №№ 3, 5, 15, 27. В. В. Радлов, Сибирские древности ИАК. вып. 62.—А. В. Адрианов, Отчет об исследованиях на зап. Алтае.
[3]) МАР. № 16. В. А. Жуковский, Развалины старого Мерва.

Эрмитажа стояло, несомненно, на первом плане в направлении деятельности Комиссии. Так как наибольшую и наиболее богатую поживу в получении вещественных памятников могли обещать места погребений как греческих колонистов, так и скифских царей и вельмож, то раскопки сосредоточивались, преимущественно, на расследовании некрополей, сначала крупных курганов, а затем и сплошных кладбищ. Эта работа продолжалась в некоторых местах почти без перерыва вплоть до Великой Европейской войны. При этом район расследования постепенно расширялся, и от ближайших окрестностей древних городов постепенно переходили к курганным насыпям, не связанным с древними городами, в глубине южно-русских степей. Богатые и, сравнительно, легко и недорого добывавшиеся результаты этих раскопок отодвигали на задний план необходимость систематического исследования развалин греческих городов, на что было обращено внимание лишь позднее.

В соответствии с указанным отчасти „практическим" направлением деятельности Комиссии в первые два десятилетия ее существования шла и „теоретическая", издательская ее работа. Ежегодно, начиная с 1859 г., Комиссия представляла всеподданнейший отчет о произведенных ею в данном году раскопках и расследованиях [1]). Извлечения из всеподданнейших отчетов напечатаны за период 1859—1881 гг. в 21 томе (in 4°), в сопровождении больших (in folio) атласов, которых имеется также 21 том. Отчеты печатались на русском и французском языках, в двух параллельных изданиях, которые носили заглавие „Отчеты Императорской Археологической Комиссии" и „Comptes-rendus de la Commission Impériale Archéologique". Так как отчеты издавались не полностью, а лишь в извлечениях, хотя бы и очень существенных, то они дают лишь общее представление о работах, произведенных за каждый отчетный год. Подлинные, полные отчеты лиц, производивших раскопки, хранятся в архиве Комиссии, и к ним постоянно приходится обращаться при научных занятиях по тем или иным вопросам, связанным с теми памятниками, которые изданы в атласах, отчеты сопровождающих. Было бы необходимо все эти отчеты издать, со временем, полностью, со всеми относящимися к ним приложениями,—в виде дневников, чертежей, рисунков, планов и пр., исполненных лицами, производившими раскопки. С научной стороны (некоторые, но далеко не все) памятники, изданные в атласах к отчетам, были исследованы Л. А. Стефани, который обыкновенно сопровождал издание того или иного памятника, или группы памятников, иногда довольно длин-

[1]) Такие отчеты представлялись и до учреждения Комиссии, но издано было, в 1855 г., лишь „Извлечение из Всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г."

ными трактатами, или монографиями [1]). За годы 1882—88 Комиссией был издан сводный отчет, на русском и французском языках, с атласом. Помимо „Отчетов" Комиссия, уже с 60-х годов, приступила к изданию „Материалов по археологии России", в которых издавались и исследовались группы однородных памятников, или памятников, происходящих из одной какой-либо раскопки, или находки. На первых порах, однако, издано было лишь два выпуска „Древностей Геродотовой Скифии" (1866. 1873; первый выпуск появился также и на французском языке „Recueil des antiquités de la Scythie", с большим атласом) [2]).

„Отчеты" Комиссии, но только на русском языке, ежегодно издавались и после 1888 г.; они сопровождались обильными иллюстрациями в тексте. Последний из „Отчетов" Комиссии—за 1912 г.—вышел в 1916 г. [3]). Энергично было двинуто, за это время, вперед издание „Материалов по археологии России"; до 1918 г. их вышло 37 №№. В „Материалах" издавались и исследовались или отдельные наиболее замечательные памятники, найденные при раскопках, или комплексы однородных памятников, или, наконец, обширные отчеты об отдельных раскопках и исследованиях; изложение всегда сопровождалось обильными иллюстрациями в тексте и на отдельных таблицах. К содержанию „Материалов" мы еще вернемся [4]). С 1901 г., по

---

[1]) Эти последние составляли как бы приложения к отчетам и печатались на русском и немецком языках. Большинство из монографий Стефани (они перечислены у И. И. Толстого и Н. П. Кондакова, Русские древности в памятниках искусства, I (П. 1889), 112 сл.) должны быть признаны в настоящее время устаревшими. В отчете за 1872 г. помещено исследование В. В. Стасова о катакомбе, открытой в 1872 г. В упомянутом выше (стр. 106) изданий „Древностей Босфора Киммерийского" С. Рейнака помещен общий указатель ко всем этим приложениям к „Отчетам".

[2]) На материале, сопоставленном в этом издании, построена, главным образом, работа А. С. Лаппо-Данилевского „Скифские древности". ЗРОРАО. IV (1888), и отдельно.

[3]) К „Отчетам" за 1882—98 г.г. изданы отдельною книгою „Указатели" (П. 1903). Альбом рисунков, помещенных в „Отчетах" за 1882—98 г.г., также издан отдельным атласом (П. 1906); в нем рисунки расположены не в хронологическом порядке помещения их в „Отчетах", а в топографическом—по губерниям и областям; губернии расположены по районам, с целью нагляднее представить культуры разных районов, причем, если из одной и той же местности происходит значительное количество изображенных на рисунках вещей, они сгруппированы по роду последних. В приложении к „Альбому" дан указатель всех рисунков, помещенных в тексте „Отчетов" за 1859 — 81 г.г., и во всех „Атласах", изданных отдельно от „Отчетов".

[4]) №№ 9, 17 и 23 „Материалов", посвященные изданию и об'яснению греческих и латинских надписей из южной России, антиквированы, так как их содержание, в существенной части, вошло в IV т. и во второе издание I т. IOSPE, В. В. Латышева (стр. 99). Отдельно должны быть упомянуты №№ „Материалов": 21 (Обсуждение проекта стенной росписи Новгородского Софийского собора) и 30 (Отчет П. П. Покрышкина о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви в 1903 и 1904 г.г.).

инициативе товарища председателя Комиссии, покойного В. В. Латышева, в руках которого сосредоточена была вся издательская деятельность Комиссии, последняя предприняла новое издание „Известия Археологической Комиссии“, выходившее отдельными выпусками, с рисунками в тексте и на отдельных таблицах. Программа „Известий“ была установлена следующая: а) отчеты об археологических исследованиях и раскопках, производимых по поручению и на средства Комиссии; б) научные обзоры отдельных групп памятников и целых культур; в) описание могильных инвентарей, кладов и отдельных находок, поступающих в ведение Комиссии; г) сведения о старинных памятниках русского зодчества и вопросы об их реставрации; д) архивные материалы Комиссии; е) руководящие статьи по разным археологическим вопросам; ж) вопросы об охране памятников старины в России и за границей; з) хроника и библиография. В появившихся до 1918 г. 66 выпусках известий—из них 19 выпусков посвящены специально вопросам реставрации архитектурных памятников—помещен богатый и разнообразный археологический материал, на который отчасти было указано уже выше и на который придется указывать ниже [1]). Не ограничиваясь публикацией „Отчетов“, „Материалов“ и „Известий“, Комиссия, от времени до времени, предпринимала отдельные большие издания; с ними мы встретимся в дальнейшем изложении.

За время шестидесятилетнего существования Археологической Комиссии деятельность ее иногда вызывала нарекания, или неодобрения, может быть в некоторых случаях и не незаслуженные. Все же справедливый долг заставляет всех и каждого признать, что для археологического знания Комиссией сделано чрезвычайно много. Как практическая сторона работы Комиссии, поскольку она выражалась в производимых ею раскопках и разведках, в собирании памятников искусства и старины и в снабжении ими казенных и общественных хранилищ, так и издательская деятельность Комиссии должны заставить забыть о тех или иных недочетах ее организации. На обязанности того учреждения, которое, волею судеб, призвано заменить Археологическую Комиссию, будет лежать эти

[1]) Перечисление всего материала можно найти в указателях, помещенных в 20, 40 и 60 выпусках „Известий“. К 32 выпускам ИАК. имеются особые приложения, содержащие „хронику и библиогрифию“. В хронике, очень обстоятельной и подробной, представлено все движение русской археологии с 1902 по 1918 г., причем материал разбит на такие рубрики: а) деятельность ученых учреждений и обществ, б) музеи и архивы, в) сведения об археологических исследованиях, памятниках древности, кладах и находках, г) библиография (случайного характера) и д) разные известия; в „списке книг“ даны сведения, по полугодиям, о новых книгах, на русском языке, историко-археологического содержания и обзор соответствующих русских повременных изданий.

недочеты исправить и в своей деятельности не только от нее не отстать, но и ее перегнать [1]).

30. Этим учреждением является „Российская Академия Истории Материальной Культуры“, возникшая на основах бывшей Археологической Комиссии, по декрету от 18 апреля 1919 г. и открывшаяся в начале августа того же года. По сравнению со скромною Археологическою Комиссиею, новое правительственное учреждение имеет и более сложные и ответственные задачи и более широкую организацию. Деятельность Академии, как она формулирована в проекте устава последней, сводится к следующим общим положениям: а) Академия имеет задачею научное исследование памятников древности, искусства, старины и народного быта, распространение знаний об этих памятниках и организацию их изучения, а также разработку научных основ охраны этих памятников в пределах России; б) Академия занимается теоретическою разработкою всех вопросов, относящихся к области археологии, истории искусства и этнологии [2]); в) Академия производит раскопки и разыскания, а также собирает предметы древности, искусства старины и народного быта; г) Академия предпринимает научные экспедиции в различные местности в пределах и за пределами России по делам, относящимся к ее ведению [3]); д) ведению Академии подлежит вообще научная сторона всех археологических предприятий в пределах России, в частности раскопок и разведок, а также работ по реставрации и ремонту монументальных памятников древности, искусства и старины в пределах России; е) в непосредственном ведении Академии находятся расположенные в пределах России исследуемые ею древние поселения, курганы и прочие сосредоточия древностей и научно-вспомогательные учреждения, существующие, или вновь образуемые в связи с раскопками; ж) Академия распределяет между государственными культурно-историческими музеями добываемые ею путем раскопок и экспедиций, а также и приобретаемые ею предметы древности, искусства, старины и народного быта; з) для всестороннего осуществления поставленных себе задач Академия может открывать и в России и за границей подведомственные ей учреждения. Одним из таких учреждений в Петрограде является Институт Археологической Технологии. Сама Академия распадается на три основных

---

[1]) Желательно было бы, чтобы намеченные, но не законченные издания Археологической Комиссии были завершены и чтобы „Отчеты“ о ее деятельности за 1913 — 18 г.г. были изданы по типу предыдущих „Отчетов“.

[2]) Этнология не входила в круг ведения бывшей Археологической Комиссии.

[3]) В круг ведения Археологической Комиссии входила только Россия.

отделения: Этнологическое, Археологическое и Художественно-Историческое, причем каждое из отделений состоит, в свою очередь, из специальных разрядов. Сверх того, в составе Академии работают постоянные комиссии со специальными научными заданиями (например, Нумизматическая).

Таковы задачи и, в общих чертах, конструкция нового учреждения. За три года своего существования Академия, за невозможностью, по обстоятельствам времени, производить раскопки, успела все же осуществить несколько экспедиций, главным же образом посвятила много времени и труда на упорядочение своей внутренней организации, что̀ представляется делом далеко не простым, если принять во внимание обширность задач, разрешение которых лежит на Академии, и сложность ее внутренней конструкции. Успела Академия начать и свою издательскую деятельность. В появившемся в 1921 году первом томе „Известий Академии Истории Материальной Культуры“, украшенном 30 таблицами, помещено 33 статьи, посвященных различным вопросам археологии и связанных с нею дисциплин: эпиграфики и нумизматики[1]). Появился и первый выпуск „Записок Академии Истории Материальной Культуры“, занятый работою Б. В. Фармаковского „Три полихромных вазы в форме статуэток, найденных в Фанагории“ (1921), а также первый выпуск „Известий Института Археологической Технологии“ (1922).

31. Академия Истории Материальной Культуры—учреждение молодое, и слава его в будущем. Теперь надлежит обратиться к рассмотрению тех общественных организаций, которые успели уже в достаточной степени проявить свою деятельность на пользу археологической науки. Мы имеем в виду археологические общества.

Из них древнейшим по учреждению, если не считать упомянутых выше (стр. 106) прибалтийских обществ, является основанное 23 апреля 1839 г. Одесское Общество Истории и Древностей. Главнейшими задачами его, по уставу, являются: а) собирание, описание и хранение всех остатков древностей, открываемых в южной России, или имеющих к ней отношение, и б) приготовление материалов для будущей истории края и собирание верных сведений о настоящем его состоянии в отношении к географии и статистике. Общество, несмотря на ограниченность материальных средств, предпринимало небольшие раскопки: на острове Левке (теп. Фидониси) в 1842—59 г.г., в Ольвии, в Эски-Крыме, около Феодосии, в местности принадлежащей Херсонесскому монастырю. Общество принимало меры к поддержанию и сохранению приходивших в разруше-

[1]) II т. „Известий“ близок к выходу в свет.

ние древних памятников (напр., херсонесских древностей, гробниц в „Царском“ и „Золотом“ курганах в Керчи), надзирало за Феодосийским музеем древностей и приобрело в собственность участок земли с развалинами генуэзской крепости в Судаке. Уже с 1846 г. при Обществе существует прекрасный музей, по богатству предметов, происходящих из греческих колоний на северном побережье Черного моря, занимающий первое место после Эрмитажа. В периодическом органе Общества, его „Записках“, начавших выходить с 1844 г.—последний том, 32-й, вышел в 1915 г.—помещено много ценных работ археологического и исторического характера [1]). В первое полустолетие жизни Общества в его деятельности принимали особенно энергичное участие его вице-президенты, Н. Н. Мурзакевич и В. Н. Юргевич [2]). С 90-х г.г. в работах Общества особенно плодотворным было участие его вице-президента, покойного А. Л. Бертье - Делагарда [3]), профессора Новороссийского университета, Э. Р. Штерна ныне профессор в Галле) [4]), и секретаря Общества А. И. Маркевича [5]). Кроме „Записок“ Обществу принадлежит несколько и других изданий [6]), из которых самым важным является „Музей Общества. Вып. I и II. Терракотты. Вып. III. Феодосия и ее керамика“. (Од. 1897—1906) [7]).

За свое 80-летнее с лишком существование Одесское Общество Истории и Древностей много и плодотворно потрудилось на пользу, главным образом, южно-русской археологии. Возникшее семью годами позднее (15 мая 1846 г.), Русское Археологическое Общество в Петрограде привлекло в сферу своих интересов не только южнорусскую археологию, материал для изучения которой оно могло черпать из такой сокровищницы, как Эрмитаж, и из предметов, поступавших в Археологическую Комиссию, но и археологию вообще,

---

1) Полный указатель статей и материалов, помещенных в первых 30 томах „Записок“, см. в 32-м томе их.

2) В. Н. Юргевич, Исторический очерк пятидесятилетия Общества, Од. 1889. Некролог Юргевича см. в 22 т. „Записок“.

3) А. Л. Бертье-Делагард, военный инженер по профессии, рано заинтересовался историей и древностями Крыма, собрал огромную библиотеку по всем вопросам, его касающимся, составил, с большим знанием дела, коллекции этнографическую, археологическую и нумизматическую, поступившие, в значительной части, в Музей Общества. В „Записках“ его помещено много работ А. Л. Бертье-Делагарда по исторической топографии Крыма и по нумизматике греческих колоний Черноморского побережья. Им же издан ценный „Каталог карт, планов, чертежей, рисунков“, хранящихся в Музее общества (Од. 1888).

4) Деятельность Э. Р. Штерна, помимо участия его в „Записках“ Общества, направлена была, в особенности, на пополнение коллекций его музея О трудах Штерна см. мою статью в ЗООИД. т. 23.

5) См. его некролог в ЗООИД. т. 26.

6) Напр., „Путеводитель по Музею Общества“ (изд. 5, Од. 1915), „Описание Мелек-Чесменского кургана и его памятников“ (Од. 1913).

7) См. мои статьи в ЗРАО. XII, вып. 3—4 и в ЖМНП., 1907, сентябрь.

как русскую, так и европейскую, поскольку занятия последней не требовали слишком сложного аппарата, создать который Общество не имело ни сил, ни средств. Все-таки необходимо подчеркнуть теперь же, что Русское Археологическое Общество, оставаясь „русским“ по духу и главному направлению своей деятельности, тем не менее в значительно большей степени, чем Общества Одесское и Московское, служило не только местным, отечественным, интересам археологии, но и археологическим интересам вообще.

Своим учреждением Общество обязано берлинскому уроженцу Б. В. Кёне (Koehné), занимавшему в Эрмитаже место хранителя Отделения древностей. Первоначально цель Общества определена была так: Общество должно служить изучению не только классической археологии, но также и археологии и нумизматике новейших времен и стран западных и восточных; оно должно иметь в виду ознакомление о существовании монет, медалей и изящных произведений древности, еще неизвестных в ученом мире, которые могли бы быть открыты в России. Первоначально доклады на заседаниях и печатание трудов Общества, под заглавием „Mémoires“, допускались лишь на немецком, или французском языках. Но уже в конце 40-х гг. немногочисленные тогда члены Общества из русских стремились выйти из-под опеки иностранцев. Создалось даже нечто в роде борьбы между теми и другими, и тогдашний первый председатель Общества, герцог Максимилиан Лейхтенбергский, предложил „для бо̀льшего успеха в работах“ разбить занятия Общества по трем отделам археологии: а) русской и славянской, б) восточной и в) древней и западной. При преемниках герцога Лейхтенбергского в звании председателей Общества, великих князьях Константине Николаевиче и Константине Константиновиче, Общество получило окончательно русский облик. По уставу Общества, утвержденному в 1886 г., цель Общества была формулирована так: оно „имеет предметом своих занятий исследование по памятникам древности и старины, преимущественно отечественной, и распространение в России археологических сведений вообще“. Деятельность Общества особенно оживилась с 70-х гг., когда помощниками председателя были последовательно: И. Д. Делянов, А. Ф. Бычков, И. И. Толстой, а секретарями Общества состояли: И. В. Помяловский, И. И. Толстой, В. Г. Дружинин и Б. В. Фармаковский. С 80-х гг. в Обществе уже регулярно работали три Отделения: а) археологии русской и славянской, б) классической, византийской и западноевропейской и в) восточное; к ним в 1905 г. присоединилось Отделение нумизматическое.

Главное внимание Общества, с самого его основания, было обращено на издательскую деятельность. Она была всегда и обширна

и разнообразна. Началась она с издания „Mémoires de la Société d'archéologie et de numismatique de St. Pétérsbourg; этих „Мемуаров“ появилось шесть томов (1847—52). Одновременно с „Mémoires“ стали издаваться „Записки СПБургского Археологическо-Нумизматического Общества“; их вышло 14 томов (1847—58). „Записки“ сменились „Известиями“, которых вышло 10 томов (1859—84) [1]). С 1885 г. Общество опять вернулось к изданию „Записок“, назвав их, в отличие от прежних „Записок“, „Записками новой серии“; этих „Записок“ появилось 12 томов (1886—1901), причем, начиная с VIII тома, каждый том „Записок“ отводился, приблизительно поровну, на „Труды Отделения русской и славянской археологии“ и на „Труды Отделения археологии древне-классической, византийской и западно-европейской“. Начиная с 1903 г. „Записки“ издавались по отделениям Общества. (Восточное Отделение стало уже ранее издавать отдельно свои „Записки“). „Записок Русского Отделения“ вышло девять томов (1903—18), „Записок Классического Отделения“—также девять томов (1904—17). Нумизматическое Отделение успело издать два тома своих „Записок“ (1906—13). Наконец, Восточное Отделение приступившее к изданию своих „Записок“ еще с 1886 г., до 1921 г. издало их 25 томов. „Записки Восточного Отделения“, уже с самого их возникновения, не ограничивались лишь археологическим материалом, но представляли собою, в полном смысле слова, орган русского востоковедения вообще и, в качестве такового, снискали себе почетную известность далеко за пределами России [2]). Своим процветанием Восточное Отделение всецело обязано неутомимой деятельности его покойного председателя, барона В. Р. Розена.

В „Записках“ Русского Археологического Общества помещено большое обилие самого разнообразного археологического материала, в виде и кратких заметок, небольших и крупных статей, целых монографий [3]). Со многими из них мы еще встретимся ниже. Помимо своих периодических публикаций Общество постоянно предпринимало и отдельные издания по различным отраслям археологии. Об изданных Обществом сборниках греческих и латинских надписей

---

[1]) Обзор содержания этих изданий Общества дал Д. В. Поленов, Библиографическое обозрение трудов Русского Археологического Общества, П. 1871.

[2]) В 10 и 20 тт. „Записок“ помещены систематические указатели всего материала, содержащегося в 20 тт.

[3]) От времени до времени в „Записках“ давались и библиографические сведения, но, в общем, эта сторона дела к „Запискам“ не могла привиться и носила более или менее случайный характер. В „Записках“ же печатались и протоколы заседаний, как Отделений Общества, так и его Совета и Общих Собраний. Протоколы последних за 1899—1908 гг. вышли отдельным томом в 1915 г.

южной России речь была выше (стр. 99). Здесь отметим такие издания Общества, как: греческий текст Ерминии Дионисия Фурноаграфиота,—афонского монаха-живописца, составившего, в конце XVII—начале XVIII в., руководство для иконописания (Denys de Fourna, Manuel d'iconographie chrétienne... par A. Papadopoulo-Kerameus, 1909), „Рисунки Констанцского собора“ по латинской рукописи XV в., (1875), „Монеты восточного халифата“ В. Р. Тизенгаузена) 1873), „Путешествие академика Дорна в Мазандеран“ (1895), „Сказания о свв. Борисе и Глебе“ И. И. Срезневского (1860), фрески и мозаики Киево-Софийского собора (4 выпуска, 1871—87), „Старая Ладога“ Н. Е. Бранденбурга и В. В. Суслова (1896), „Труды Второго Археологического С'езд“ (2 тт., 1876—81), „Археологические Труды Оленина“ (2 тт., 1881—2), „Поездка в Румелию“ и „Из Румелии“ архим. Антонина (1879—86), „Сборник еврейских надписей“ Д. А. Хвольсона и др.

Еще в первые годы жизни Общества двое из его членов, А. С. Уваров и П. И. Сабатье, производили археологические разыскания на северном побережье Черного моря [1]). В конце 50-х гг. производил раскопки курганов, по поручению Общества, в Владимирской губ. К. Н. Тихонравов, в 70-х и 80-х гг. вел раскопки курганов в Новгородской и Петербургской губ. Л. К. Ивановский [2]), в 80-х в Ладожском уезде—Н. Е. Бранденбург [3]). Однако, лишь с начала XX в. раскопки Общества приняли более или менее регулярный характер, когда, по плану, выработанному Русским Отделением, они производились в различных пунктах Петербургской, Новгородской, Псковской, Тверской, Смоленской, Витебской, Минской, Владимирской, Ярославской, Тульской, Курской и др. губерний. Впрочем, эти мелкие раскопки курганов имели скорее характер пробных и показательных разведок, главное значение которых заключалось в том, что, благодаря им, значительно обогатился предметами северной старины Музей Общества [4]). Более серьезное значение имели предпринятые Классическим Отделением раскопки развалин языческого храма II—III в. по Р. Х. в селении Гарни, Эриванской губ.; результаты раскопок остаются до сих пор не опубликованными. Помимо раскопок, Общество предпринимало, от времени до времени, отдельные экскурсии в пределах, а отчасти и

---

[1]) А. С. Уваров, Исследования о древностях южной России и берегов Черного моря (2 вып., 1851—53 и к ним „Собрание карт и рисунков“). П. И, Сабатье, Керчь и Боспор (франц. текст 1849, русский—1851).

[2]) МАР. № 20. А. А, Спицын, Курганы Петербургской губ. в раскопках Ивановского (1896).

[3]) МАР. № 18. Курганы южного Приладожья (1895) и упомянутое выше издание „Старая Ладога“.

[4]) Краткий каталог Музея составлен А. А. Спицыным (1908).

за пределами России (напр. на Афон) и принимало деятельное участие в вопросах, касающихся реставрации памятников русской старины [1]).

Деятельность основанного 17-го февраля 1864 г. Московского Археологического Общества всецело связана с именами его основателя А. С. Уварова и его достойной преемницы, П. С. Уваровой [2]). Целью Общества служит „исследование как археологии вообще, так преимущественно русской, и распространение в России археологических знаний“. Его деятельность нашла свое выражение в производстве раскопок и археологических исследований, в издании ученых трудов, в заботах о сохранении древних памятников, в устройстве всероссийских археологических с‘ездов.

С начала 80-х гг. Общество производило раскопки в очень многих пунктах России и, в этом отношении, значительно опередило своего петербургского собрата. Раскопки велись не только в различных губерниях России (Московской, Смоленской, Херсонской, Могилевской, Псковской, Костромской, Вятской, Пермской и пр.), но и на Кавказе и в Закавказских областях, куда, начиная с 1886 г., снаряжались научные экспедиции, давшие очень ценные результаты, особенно по части собирания археологического материала и доисторического и античного и христианского времени. Результаты кавказских экспедиций Общества опубликованы в роскошном, богато иллюстрированном, издании под заглавием „Материалы по археологии Кавказа (до 1916 г. вышло 14 выпусков) [3]). Аналогичный характер носит и издание, в трех выпусках, „Материалов по археологии восточных губерний России“ [4]).

[1]) См. Н. И. Веселовский, История Русского Археологического Общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846—1896 (1900). С. А. Жебелев, Исторический очерк деятельности Общества за третью четверть века его существования. 1897—1921 (пока в рукописи).

[2]) Историческая записка о 25-летней деятельности Общества (М. 1889). П. Н. Ардашев, А. С. Уваров, как теоретик археологии. ТМАО. XXIII (1911). Д. Н. Анучин, П. С. Уварова в ее служении науке о древностях на посту председателя Моск. Арх. Общ. в „Сборнике Уваровой“.

[3]) Вот краткое содержание этих выпусков: 1) (1888) В. Ф. Миллер, Терская область: 2) (1889) В. Н. Сизов, Вост. побережье Черного моря; 3) (1893) А. М. Павлинов, В. Ф. Миллер и Х. И. Кучук-Иоаннесов, Христианские памятники; 4) (1894) П. С. Уварова, Христианские памятники; 5) (1896) М. В. Никольский, Клинообразные надписи Закавказья; 6) (1911) А. А. Ивановский, По Закавказью; 7) (1898) А. С. Хаханов, Христианские памятники; 8) (1900) П. С. Уварова, Могильники сев. Кавказа; 9) (1904) Е. Д. Фелицын, Западные кавказские дольмены; 10) (1904) П. С. Уварова, Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию; 11) (1907) И. Е. Евсеев, Коридетское Евангелие; 12) (1909) Е. С. Токайшвили, Христианские памятники; 13) 1916) Токайшвили, Адышское евангелие. См. также П. С. Уварова, Кавказ. Путевые записки, 3 тт., М. 1887—1904.

[4]) 1) (1893) А. А. Спицын, Приуральский край (Вятская губ.) 2) (1896) Н. Г. Первухин, Материалы по археологическому исследованию Глазов-

Основной периодический орган Общества, носящий название „Древности. Труды Московского Археологического Общества" за время с 1865 по 1916 г. насчитывает 25 томов. В первых томах „Древностей" материал расположен по рубрикам: а) исследования, б) материалы (в том числе материалы для археологического словаря), в) библиография, г) археологические известия, д) протоколы. Позже в „Древностях" помещались, главным образом, отдельные статьи, иногда принимавшие характер монографий, по различным отраслям и вопросам археологии, преимущественно отечественной, отчеты о произведенных Обществом раскопках и очень обстоятельные протоколы его заседаний (в том числе и заседаний особой комиссии по сохранению древних памятников). Для небольших статей и заметок, также для хроники и библиографии, Общество издавало, с 1893 по 1899 г., особый орган „Археологические известия и заметки" (7 тт.) [1]. Помимо всего этого, Общество издавало также „Труды" особых состоявших при нем Комиссий: Восточной (с 1887 по 1913 г. 4 тома; в III т.—большая работа М. В. Никольского „Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи"), Славянской (с 1895 по 1907 г. 4 тт.; в I т. большая работа М. И. Соколова „Новый материал для об'яснения документов, называемых змеевиками"), по сохранению древних памятников старины (5 тт. до 1914 г.), археографической. Наконец, нужно упомянуть об отдельных изданиях Общества: „Описание Киева" Закревского (1868, 2 тт. и атлас), „Древности Украины" и др. [2]).

32. Большую и существенную, для развития и об'единения археологических знаний, работу выполнило Московское Общество, взяв в свои руки организацию всероссийских археологических с'ездов. Мысль о них высказана была А. С. Уваровым еще в 1864 г. Пять лет спустя состоялся первый с'езд в Москве. За ним, через определенные промежутки времени—обыкновенно через три года—последовали дальнейшие с'езды; второй—в Петербурге (1871), третий—в Киеве (1874), четвертый—в Казани (1877), пятый—в Тифлисе (1881), шестой—в Одессе (1884), седьмой—в Ярославле (1887), восьмой—в Москве (1890), девятый—в Вильне (1893), десятый—в Риге (1896), одиннадцатый—в Киеве (1899), двенадцатый—в Харь-

---

ского уезда Вятской губ.; И. Т. Савенков, Каменный век Минусинского края; 3) (1899) Ф. Д. Нефедов, Южное Приуралье, Прикамье, Зюдзинский край (Костр. губ.); Д. Н. Анучин, Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ.

[1]) Ранее, в 1868 г., выходил „Археологический Вестник", исключительно посвященный русской археологии.

[2]) К 50-летию Общества В. К. Трутовским издан „Список изданий" Общества, с указанием их содержания (М. 1905). О 50-летнем юбилее Общества сл. ИАК. 58.

кове (1902), тринадцатый—в Екатеринославе (1905), четырнадцатый—в Чернигове—(1908), пятнадцатый—в Новгороде (1911). Война помешала состояться, в 1914 г., шестнадцатому с'езду в Пскове. Пред созывом каждого с'езда собирался его предварительный комитет, состоявший из делегатов правительственных и ученых учреждений и археологических обществ. Комитет вырабатывал программу с'езда, распадавшегося обыкновенно на несколько отделений. Число и научная специализация их были на разных с'ездах различные, в зависимости от местных условий. Значение всероссийских с'ездов для отечественной археологии очень велико. Всякий почти с'езд вызывал устройство предварительных археологических экспедиций и экскурсий, для ознакомления с местными древностями, а в последнее время и раскопок [1]). Благодаря с'ездам многие местные памятники старины были регистрированы [2]). При каждом с'езде устраивались археологические выставки, причем многие коллекции, присланные на выставки, жертвовались затем владельцами в местные музеи [3]). Каждый с'езд ставил на очередь новые археологические вопросы и задания, не говоря уже о том, что он возбуждал интерес в местном обществе к местным древностям и сближал между собою деятелей на поприще археологии. Наконец, каждый с'езд оставлял после себя видный след в ученой литературе, в виде многотомных „Трудов" с'езда, где помещались не только протоколы заседаний с'езда, сделанные на нем доклады, но иногда и отдельные большие сочинения, посвященные различным вопросам археологии [4]).

[1]) Напр. для XI с'езда Е. Н. Мельник производил раскопки в земле лучан, для XIII—Д. И. Багалей—скифских курганов в Харьковской губ.

[2]) См. напр., А. М. Павлинов, Древности Ярославские и Ростовские (Труды VII с'езда); Успенские, Очерк церковных древностей Риги (Труды X с'езда), П. А. Лашкарев, Церкви Чернигова и Новгорода-Северского (Труды XI с'езда).

[3]) См. Е. К. Редин, Каталог выставки XII Археол. С'езда. СХИФО. XIII.

[4]) Все „Труды" с'ездов, за исключением Петербургского, Казанского и Одесского, изданы Московским Археологическим Обществом. Особенную важность представляют изданные в „Трудах" с'ездов археологические карты по губерниям, как-то: Виленской и Гродненской (Ф. В. Покровский в „Трудах" IX с'езда), Киевской и Волынской (В. Б. Антонович в „Трудах" XI и XV с'езда и в ТМАО. XV), Подольской (Сецинский в „Трудах" XI с'езда), Харьковской (в „Трудах" XII с'езда). Как приветствие XI с'езду, была издана Ю. А. Кулаковским „Карта европейской Сарматии по Птоломею (Киев 1899). См. рецензию на эту карту В. В. Латышев в ФО. XVI и ответ на нее Ю. А. Кулаковского, там же X, а также ответ В. В. Латышева, там же XVI (статьи В. В. Латышева перепечатаны в его „Pontika". Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря, П. 1909). Из отдельных исследований, помещенных в „Трудах" с'ездов, отметим работы В. Б. Антоновича „Погребальные типы могил радимичей" (Труды IX с'езда), „О погребальных обычаях древлян и тиверцев" (Труды X с'езда). Аналогичного характера работа Д. Я. Самоквасова „Северянская земля и северяне по городищам и могилам" (М. 1908).

По образцу всероссийских археологических с'ездов, стали созываться, с начала XX в., с'езды областные, посвященные исключительно изучению местных древностей и организуемые, в общем, по аналогии со с'ездами всероссийскими. Главною заслугою областных с'ездов являлся, бесспорно, под'ем деятельности провинциальных ученых и постепенная систематизация их работ [1]).

По примеру столичных археологических обществ постепенно стали возникать местные, или областные общества в провинции, преследующие археологические задачи.

Из числа таких обществ, не считая упомянутого старейшего из них, Одесского, должны были отмечены следующие. В 1873 г. учреждено общество любителей кавказской археологии в Тифлисе. В занятия общества должны были входить: поддержание и охранение замечательных сооружениий на Кавказе, исследование памятников древности и старины и приобретение археологических древностей. Общество предпринимало раскопки, исследовало местные древности и составляло их описания, заботилось о сохранении предметов древности и содействовало в этом отношении обогащению Тифлисского музея. В 1881 г. Общество много поработало над устройством 5-го археологического с'езда в Тифлисе, после чего прекратило свое существование [2]). В 1901 г. в Тифлисе открыто Кавказское Отделение Московского Археологического Общества, издававшее свои „Известия".

В 1878 г. при Казанском университете учреждено было общество археологии, истории и этнографии, имеющее целью издание прошлого и настоящего русского и инородческого населения на территории бывших Булгарско-Хазарских и Казанско-Астраханских царств с прилегающими к ним местностями. Обществом было обращено большое внимание на собирание и изучение булгарских и билярских древностей, предметов бронзового и медного веков, найденных в Ананьинском могильнике [3]), предметов костяных, каменных

[1]) Первый областной с'езд был в Ярославле в 1901 г. („Труды" 1902), второй—в Твери в 1903 г. („Труды" 1906), третий—во Владимире в 1906 г. („Труды" 1909 г.), четвертый—в Костроме в 1909 г., пятый—в Нижнем-Новгороде в 1911 г.

[2]) Обществу принадлежат, между прочим, издания: Записки Общества Любителей Кавказской Археологии (т. I, 1875); Известия Общества Любителей Кавказской Археологии (два выпуска); Предметы древности в хранилище Общества (Тифл. 1877); А. П. Берже, Обзор по археологии Кавказа; Бакрадзе, Сборник христианских памятников Кавказа (архитектура храмов)".

[3]) Могильник, лежащий у села Ананьина, в окрестностях г. Елабуги, Вятской губ., неоднократно раскапывавшийся, дал. большое обилие предметов вооружения, украшений, глиняных сосудов и пр., принадлежащих к продуктам „сарматской или „чудской" культуры, относимых, по мнению одних, к бронзовому веку, других — железному, третьих—III в. до Р. Х. См. Пономарев в „Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр. при Каз. унив.", X, вып. 4.

и пр., находимых в городищах по Каме и Вятке, финских городищ и могильников и т. д. Обществом были предприняты ремонтные работы по сохранению остатков и восстановлению древнего города булгар. Органом Общества являлись „Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете“, в которых помещались исследования, материалы, хроника и библиография [1]).

Псковское Археологическое Общество, открытое в 1880 г., возникло из существовавшей ранее Псковской Археологической Комиссии, имевшей целью изучение исторических памятников псковской старины и произведшей раскопки в Изборске и в Выбутах. Эти же задания усвоило себе и Псковское Общество, производившее неоднократные раскопки в Псковском крае и заботившееся об охране открытых развалин и памятников. Обществу принадлежат, помимо периодического органа „Труды“ (с 1896 г.), отдельные издания (м. пр. Годовикова „Описание и изображение древностей Псковской губ.“; Василева „Археологический указатель г. Пскова и его окрестностей“, Ушакова „Описание древних городищ, курганов, сохранившихся в Псковской губ.“ и „Описание фресок храма Преображения в Псковском Спасо-Мирожском монастыре“). Для изучения памятников новгородской старины, преимущественно в пределах Новгородской губ., наблюдением за их сохранностью, описанием их и исследованием существует (с 1894 г.) „Новгородское Общество любителей археологии“, издававшее свой „Сборник“ (с 1909 г.). Позже открыто было в Новгороде Церковно-Археологическое Общество, издавшее (1914 г.) том своих „Трудов“. Тверской край в археологическом отношении исследовало „Тверское Общество любителей истории, археологии и естествознания“ (с 1898 г.) [2]). „Туркестанский кружок любителей археологии“, открывший свою деятельность в Ташкенте, в 1895 г., производил раскопки в Сыр-Дарьинской области и в других местах Туркестана [3]). Широко поставлено было дело исследования Средней и Восточной Азии в открытом в Петрограде, в 1902 г., „Русском Комитете для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях“. Деятельность Комитета находила главное выражение в устройстве экспедиций, с целью изучения языка и быта отдельных народностей, и археологии края. В этом направлении был исследован Самаркандский край (Вяткин), Афросиабово городище близь Самар-

---

[1]) М. пр. монографии И. Н. Смирнова „Вотяки“, „Пермяки“, „Черемисы“, „Мордва“. До 1916 г. вышло 29 тт. „Известий“. Тридцатилетние итоги деятельности Общества подведены одним из самых энергичных его деятелей, покойным Н. Ф. Катановым, в XVIII т. „Известий“.

[2]) Описание Тверского музея, составленное А. К. Жизневским, помещено в ТМАО. т. IX и сл. (и отдельно).

[3]) В 1916 г. вышел XX т. „Протоколов“ Кружка.

канда и туркестанские оссуарии (В. В. Бартольд). При содействии Комитета, организована была, в 1909—10 гг., большая так наз. Турфанская экспедиция, с С. Ф. Ольденбургом во главе, в бассейн Тарима; экспедиция дала важные результаты для археологии Турфанского и Кучанского края и местности между Турфаном и Хотаном [1]). Комитетом ежегодно издавались протоколы своих заседаний и отчеты о своих работах, помещаемые в „Известиях“ Комитета.

Нужно упомянуть о существовавших многочисленных церковно-археологических обществах, имевших своею задачею, преимущественно, исследование памятников церковной старины. Старейшим (с 1873 г.) и самым деятельным из них было Общество при Киевской Духовной Академии, производившее исследования не только древних церквей и монастырей, но и курганов, создавшее прекрасный музей [2]), издававшее свои „Чтения“ (с 1883 г.). Из остальных церковно-археологических обществ выделялись своею деятельностью: Воронежское („Воронежская Старина“, с 1898 г.), Калужское („Калужская Старина“, с 1900 г.), Подольское („Труды“, с 1903 г.). Бессарабское („Труды“, с 1909 г.).

34. В обеих столицах, помимо упомянутых археологических обществ, вопросами археологии всегда интересовались и другие, сродные им, ученые общества. Так, в Москве, почти одновременно с Московским Археологическим Обществом, возникло „Общество древне-русского искусства“, целью которого было собирание и научная разработка памятников русской древности и древне-русского церковного и народного искусства, распространение научных и практических сведений о древне-русской иконописи и древне-русском пении. В изданных Обществом „Сборнике“ (2 тт., 1866—73) и „Вестнике“ (1876) помещена работа Ф. И. Буслаева „Общие понятия о русской иконописи“, труды Филимонова („О Софии Премудрости Божией“, „Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи“, „Очерки русской христианской иконографии“, „Иконные портреты русских царей“ и др.). Общество прекратило свою деятельность с 1876 г. Специально нумизматические интересы обслуживало Московское Нумизматическое общество, издававшее с 1892 г. свои „Труды“. В 1912 г. при Московском Археологическом Институте образовалось „Общество по исследованию памятников древности“. В Петрограде должно отметить плодотворную деятельность специально для палестинской археологии Православ-

---

[1]) „Предварительный отчет“ со многими таблицами, П. 1914.

[2]) Н. П. Петров: Альбом достопримечательностей церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии, 3 вып., Киев 1912—13. Указатель Музея, Киев 1897.

ного Палестинского Общества [1]); многие выпуски издаваемого Обществом „Сборника" посвящены изданию и переводу столь важных для археологии Св. Земли старинных паломничеств [2]). Петроградское „Общество Любителей древней письменности и искусства" в своих „Памятниках" всегда уделяло древне-русскому искусству серьезное внимание [3]). В начале XX в. в Петрограде был образован особый Комитет попечения о русской иконописи, издавший (с 1906 г.) несколько выпусков „Иконописного Сборника"; затем этот комитет превратился в „Комитет изучения древне-русской живописи" [4]), а в настоящее время вошел в состав Русского Музея.

Очень многие из ученых архивных комиссий (губернских), помимо ближайшей задачи, архивоведения, ставили своею целью и изучение того или иного края в археологическом отношении, производили раскопки, составляли археологические карты, собирали сведения о памятниках старины и заботились об охране их, создавали музеи древностей, уделяли место археологическим работам в своих печатных органах. В этом отношении особенно нужно отметить работу архивных комиссий: Таврической, Тверской, Владимирской, Курской, Костромской и др. [5]).

35. Мы видим, какое количество общественных учреждений и как плодотворно работало на пользу и благо археологической науки. Наряду с ними не должно забывать, что в России всегда были и отдельные лица, отдававшие много любви, времени, труда, энергии, своих материальных средств на выполнение тех или иных задач, преследующих археологические цели. В этом отношении,

---

[1]) А. А. Дмитриевский, Правосл. Палест. Общ. и его деятельность 1882—1907) П. 1907.

[2]) См. также вып. 7. Арх. Антонин, Раскопки на русском месте близь храма Воскресения в Иерусалиме. 10. А. А. Цагарели, Памятники грузинской старины в св. Земле и на Синае. 13. А. А. Олесницкий, Ветхозаветный храм в Иерусалиме. 41. А. А. Олесницкий, Мегалитические памятники Св. Земли.

[3]) См. №№ 17 (Н. В. Султанов, Образцы древне-русского зодчества в миниатюрных изображениях), 27 (Ф. Н. Берг, Нечто о древности типа деревянных построек и резьбы в Важском крае), 43 (В. В, Стасов, Картины и композиции, скрытые в заглавных буквах древних русских рукописей), 56 (П. П. Вяземский, Иконописный подлинник краткой редакции), 78 (арх. Леонид, Св. София Цареградская), 106—113, 122 (Н. В. Покровский, Сийский иконописный подлинник), 134 (Н. В. Покровский, Лицевой иконописный подлинник и его значение), 143 (А. Титов, Финифтяники в г. Ростове, Ярославской губ.), 139 (Н. П. Кондаков, Современное положение русской народной иконописи), 132 (Н. П. Кондаков, О научных задачах истории древне-русского искусства).

[4]) См. „Известия" Комитета, вып. I (1921).

[5]) Таврическая комиссия до 1918 г. опубликовала 55 выпусков своих „Известий", где помещено очень много ценного материала по археологии Крыма; Тамбовская архивная комиссия издала (до 1916 г.) 57 выпусков своих „Известий", Саратовская—33, Оренбургская—33, Рязанская—28.

помимо работ С. С. Абамелек-Лазарева, В. Г. Бока, В. С. Голенищева, о которых речь впереди, нужно, в особенности, подчеркнуть горячую, долголетнюю и плодотворную археологическую деятельность Н. Я. Марра, нашедшую свое выражение в произведенном им исследовании г. Ани, средневековой столице Армении, развалины которой находятся на правом берегу Арпачая, в Александропольском уезде Эриванской губ. (языческие могильники свидетельствуют, что здесь было поселение также и в дохристианскую эпоху). Раскопки Н. Я. Марра в Ани начались еще в 1892 г., затем они прервались, но с 1904 г. вплоть до первых лет Великой Европейской войны регулярно производились ежегодно в течение летних месяцев. Н. Я. Марру всегда удавалось находить для раскопок и средства и привлекать себе надлежащих помощников. Раскопки далеко не закончены, но и то, что̀ они дали, далеко выходит за пределы местного армянского интереса. Анийские древности важны не только для изучения истории армянского народа, но и для изучения культурной истории Передней Азии и всего восточно-христианского искусства. Помимо развалин Ани, при раскопках изучались также памятники древности в ближайших и более отдаленных окрестностях [1]). Неутомимыми стараниями Н. Я. Марра создан был не только местный Анийский музей [2]), но организован был находившийся в ведении Академии Наук Анийский Археологический Институт.

Уже во время Великой Европейской войны, в 1916 г., при деятельном участии Н. Я. Марра и И. А. Орбели, предпринята была Русским Археологическим Обществом археологическая экспедиция в Ван (главный город турецкого вилайета в Армении, близь восточного берега Ванского озера). Во время этой экспедиции велись раскопки на Топрах-Кале и на Ванской скале, давшие заме-

---

[1]) Исчерпывающей монографии о результатах раскопок в Ани нет. Ориентирующие указания и библиографические сведения см. в статье В. В. Бартольда во II т. НЭС, а также в отзыве В. В. Бартольда и Я. И. Смирнова о трудах Н. Я. Марра по исследованию древностой Ани в ЗВОРАО. XXIII. См. также ЗВОРАО XXI (о 8, 9, 10 и 11 кампаниях), XXII (о 12 кампании). Н. Я. Марр, XI-я анийская археологическая кампания (П. 1913). Памятники армянского искусства под ред. Н. Я. Марра, по обмерам и чертежам Н. Г. Буниатова. I. Ани. Дворцовая церковь (П. 1915). И. А. Орбели, Колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII—XIII вв. (ЗВОРАО. XX). Н. П. Сычев, Анийская церковь, раскопанная в 1892 г. (ХВ. I, 1912). Г. Н. Чубинов, Декоративное убранство анийских храмов (там же, V, 1916). См. недоступное мне издание J. Strzygowski, Die Bauhkunst der Armenier und Europa. Ergebnisse einer von Kunsthisforischen Institute der Universität Wien 1913 durchgeführten Forschungst reise, 2 тт., Вена 1918 (отзыв Г. Н. Чубинова в „Новом Востоке", кн. I (1922).

[2]) И. А. Орбели, Каталог Анийского музея древностей; Краткий путеводитель по городищу Ани (П. 1910).

чательные результаты и прекращенные по обстоятельствам военного времени. Результаты произведенных работ изложены в роскошном издании Русского Археологического Общества: „Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Раскопки двух ниш на Ванской скале и надписи Сардура II из раскопок западной ниши. Доклады Н. Марра и И. Орбели" (П. 1922).

К неожиданным и любопытным результатам привели раскопки В. В. Хвойка в Киевской губ., где открыты были остатки своеобразной неолитической культуры, названной по месту ее нахождения „Трипольской" (от названия местечка „Триполье"), или „культурою Хвойка". Аналогичная культура обнаружена была затем на большом пространстве, от Черниговской губ. до Галиции. Э. Р. Штерн, производивший раскопки в дер. Петренах, в Бессарабии, открыл также следы этой культуры, ведущие к Балканам. „Трипольская" культура стоит в какой-то недостаточно выясненной пока связи с культурою троянскою и микенскою [1]).

36. Немало было сделано Россией в течение XIX в. для археологического изучения областей Дальнего Востока, входящих в состав Китайской Империи [2]). Во второй половине века предприняты были путешествия в Монголию Пржевальским и Г. Н. Потаниным, в труде которого „Очерки северо-западной Монголии" содержится, между прочим, богатый материал по археологии и этнографии страны. „В 1889 г. в Монголии было сделано русским исследователем Ядринцевым важное археологическое открытие. На берегу реки Орхон были открыты памятники. . . с надписями на двух языках, китайском и турецком, причем во втором случае письмена оказались теми же самыми, как в надписях, открытых в XVIII в. в долине верхнего Енисея и остававшихся неразобранными... Для получения точных снимков и копий с надписей были снаряжены две экспедиции: одна из Финляндии, другая из Петербурга, от Академии Наук, под руководством академика Радлова. Последней экспедиции, получившей название „Орхонской" (1891 г.) . . . удалось открыть несколько новых надписей, частью еще более древних; кроме того, ею впервые были подробно описаны развалины Каракорума, столицы монгольских ханов XIII в., и открыты некоторые надписи в самом городе и его окрестностях. Благодаря атласам, обнародованным обеими экспедициями (финляндской и академиче-

[1]) О раскопках Хвойка см. его сочинение: Древнейшие обитатели Приднепровья, Киев 1913. Основное исследование Штерна: Доисторическая греческая культура на юге России, М. 1906. См. его же статью „Бессарабская находка древностей" в МАР. № 34 (1914).

[2]) Сведения заимствованы из книги В. В. Бартольда, История изучения Востока в Европе и в России, П. 1911.

ской), датскому ученому Томсену удалось в 1893 г. найти ключ к чтению енисейских и орхонских письмен". Такими же блестящими результатами увенчалась одна из экспедиций Козлова (в 1907—9 гг.) в Тибет, во время которой были подробно исследованы развалины небольшого города Хара-хото (в южной части Монголии) и открыто богатое собрание памятников письменности. В Восточном Туркестане много потрудился на пользу археологии русский генеральный консул Н. Ф. Петровский, составивший большое собрание древностей края, поступивших затем частью в Эрмитаж, частью в Музей Русского Археологического Общества. В Восточный же Туркестан были совершены археологические экспедиции Д. А. Клеменца (1898), Березовского (1906—1997) и упомянутая (стр. 126) экспедиция С. Ф. Ольденбурга [1]).

37. Хотя у нас, русских, было всегда более, чем достаточно, и своих археологических задач и археологической работы на родине, все-таки приходится пожалеть, что, в течение долгого времени, Россия не имела археологического учреждения за границей. Такое учреждение, по типу Немецкого Археологического Института, с его отделениями в Афинах и в Риме, Французской школы в Афинах и в Риме и других упомянутых выше институтов и школ, если бы оно своевременно было учреждено, конечно, во многом способствовало бы упрочению и развитию археологических занятий—и в теоретическом и в практическом отношении—в России. Правда, Академия Художеств, с давних уже пор командировала своих пенсионеров в Италию, а затем и на Восток; русские университеты командировали своих питомцев, чувствующих тяготение к древности, в Германию—учиться археологии у немецких профессоров—и в Италию. С начала 80-х гг. по инициативе покойного петербургского профессора Ф. Ф. Соколова, несколько молодых ученых классиков командированы были в Грецию, где они занимались, главным образом, греческою эпиграфикою. Все же все такого рода командировки были лишь „суррогатом", и настоящей заграничной археологической школы (или института), потребность в которой сильно ощущалась, у нас не было до 1895 г., когда открыт был Русский Археологический Институт в Константинополе. Место выбрано было, с одной стороны, удачно: Константинополь и вообще Византийская империя изучаемы были значительно меньше, нежели Италия и Греция и, следовательно, пред Институтом с самого начала открывалось широкое поле деятельности. Но, с другой стороны, были и свои неудобства: в Константинополе не было тех археологических традиций, какие создались уже к тому времени в Риме и в Афинах; в Кон-

---

[1]) Литературу см. в указанной книге В. В. Бартольда.

стантинополе слабо было представлено международное археологическое общение. Короче говоря, пред Институтом в Константинополе открывались широкие перспективы для производства всякого рода археологических разысканий, но он едва ли мог стать для русских археологов тем, в чем они нуждались всего более, археологическою школою. Хотя Константинопольский Институт основан был, главным образом, для изучения византийских древностей, но, разумеется, он привлек в сферу своих интересов и древности классические и древности славянских земель на Балканском полуострове. Вставший во главе Института, со времени его основания, Ф. И. Успенский, неутомимо работал на его пользу в течение почти 20 лет; ему помогали состоявшие при нем ученые секретари и прикомандированные к Институту стипендиаты университетов и духовных академий. Ученая деятельность Института находила свое выражение в организации археологических экскурсий (таковые были предприняты по Анатолии, по Малой Азии, на Афон, по Болгарии, старой Сербии, Македонии, Палестине, Сирии), в производстве раскопок [1]) и в исследованиях памятников и древностей Константинополя и его ближайших окрестностей. Органом „Института" служили его „Известия", в 16 томах которых (1896—1912) помещено много ценных археологических исследований; с некоторыми из них мы еще встретимся.

Принесли свою пользу в деле развития у нас археологических знаний и учебные, ныне закрытые, Археологические Институты в Петербурге (с 1877 г.) и в Москве (с 1907 г.), хотя и тот и другой преследовали двоякую задачу: подготовлять и археологов и архивистов, причем последняя задача выполнялась им гораздо успешнее первой. Преподавание археологиии в обоих Институтах не поставлено было на надлежащую высоту [2]) и, строго говоря, подготовка специалистов по археологии выпала, главным образом, на долю русских университетов и, отчасти, духовных академий.

Сперва несколько слов о последних, как совершенно уже отошедших в область истории. Как в учебных заведениях, преследующих профессиональные цели, в духовных академиях и преподавание археологии приноровлено было исключительно к обслуживанию этих целей. В академиях преподавалась лишь церковная археология и притом, главным образом, те отделы ее, которые имеют отношение к памятникам церковного обихода православной,

---

[1]) В широких размерах они были организованы в древнейшей столице болгар, Абобе-Плиске, близь топ. Шумлы. Отчет о них в X т. „Известий" Института.

[2]) Органами Петербургского Института был его „Сборник" (16 выпусков) и „Вестник", Московского „Записки" (с 1909 г.).

точнее, восточной церкви, со введением о памятниках древне-христианских и с обращением особого внимания на русские церковные памятники. Последние оценивались, почти исключительно с точки зрения их содержания, т. е. изображенных на них сюжетов; значительно меньше внимания уделялось вопросам стиля памятников и их техники. Таким образом, изучение церковной археологии сводилось, в сущности, к ознакомлению с христианской иконографией. Очевидно, такая ограниченная и недостаточно научно поставленная постановка преподавания археологии в духовных академиях не могла выработать из числа их питомцев заправских археологов, хотя бы даже и со специальным уклоном в сторону археологии церковной. Тем не менее профессорами церковной археологии в духовных академиях произведено было не мало работ, ценных, хотя бы, в отношении собирания материала, в области археологии русской и византийской. Из них в особенности должно отметить многочисленные и многоученые труды покойного (1917) профессора Петербургской Духовной Академии Н. В. Покровского, о которых речь впереди; здесь следует упомянуть лишь о том, что, благодаря его инициативе и энергии, при Петербургской Духовной Академии был создан прекрасный церковно-археологический музей (его описание было издано в 1910 г.) [1]. Кроме церковной археологии, в духовных академиях преподавалась также археология библейская [2]. К ее области должны быть отнесены упомянутые выше (стр. 127) труды киевского профессора А. А. Олесницкого.

В русских университетах специальной кафедры по археологии никогда не существовало. Отдельные археологические курсы, исключительно из области классической археологии, читались иногда профессорами классической филологии и древней истории. Преподавание такой близкой и отчасти тожественной с археологией дисциплины, какою является история искусств, введено было на историко-филологических факультетах лишь по университетскому уставу 1863 г., когда учреждена была особая кафедра истории и теории искусств, причем, на первых порах, преподавалась исключительно история классического искусства, и лишь постепенно в круг факультетского преподавания включена была история искусства византийского, эпохи Возрождения, русского и пр.

В Московском университете, еще до введения в действие устава 1863 г., по инициативе Ф. И. Буслаева, поддержанной П. М.

---

[2]) О Н. В. Покровском см. брошюру: Проф. Н. В. Покровский. Краткий очерк ученой деятельности, СПБ. 1909.

[1]) Для ознакомления с предметом этой дисциплины, как она понималась в духовных академиях, см. книгу И. Г. Троицкого „Библейская археология", П. 1913. Руководящее значение имеет статья Б. А. Тураева „Библейская археология" в VI т. НЭС.

Леонтьевым и известным историком С. М. Соловьевым, положено было начало преподаванию истории искусства, как отдельной дисциплины. Первым преподавателем был К. К. Гёрц († 1883), получивший прекрасную научную подготовку по своей специальности за границей, но не бывший никогда самостоятельным исследователем, а потому и не оставивший после себя школы. Правда, лекции К. К. Гёрца слушал знаменитый наш археолог Н. П. Кондаков, но, по его собственному заявлению, главным направлением своих специальных занятий он был обязан Ф. И. Буслаеву. Н. П. Кондаков (род. в 1844 г.) был первым профессором по кафедре истории искусств в Новороссийском университете, где, в конце 1871 г., им прочтена была вступительная лекция на тему „Наука классической археологии и теория искусства“ [1]. Н. П. Кондаков начал свои занятия историей искусств с классической археологии, которая, по справедливому его замечанию, „стоит выше всех отделов (археологии и по количеству определившегося материала и по методичности приемов“; с памятниками классического искусства он ознакомился во время первой своей поездки за границу в 1867 г., продолжал заниматься ими и во время своей заграничной командировки в 1875—6 гг., когда в Риме слушал лекции секретаря Института Археологической Корреспонденции Гельбига о памятниках римских музеев, частных коллекций и вилл, работал в Неаполитанском музее и в Сицилии. Уже во время этой командировки [2] наметились, однако, и занятия Н. П. Кондакова тем отделом археологии, в котором он снискал себе впоследствии общепризнанную европейскую славу — археологии древне-христианской и византийской, причем, прежде всего, его интересы привлекли к себе миниатюры греческих рукописей. Позже Н. П. Кондаков совершил много научных поездок: в 1881 г. на Синай для изучения древностей Синайского монастыря и рукописей его библиотеки, в 1884 г. в Константинополь для изучения его памятников, в 1889 г.—на Кавказ с целью описания ризниц монастырей Мингрелии, Имеретии и Грузии, в 1891 г. в Сирию и Палестину для изучения христианских древностей Св. Земли, в 1898 г.—на Афон и в славянские земли. Это были крупные научные поездки Н. П. Кондакова; наряду с ними он постоянно совершал, чуть ли не ежегодно, научные поездки менее значительные, как на Восток и в Западную Европу, так и по России, древностями которой Н. П. Кондаков стал усиленно заниматься с конца прошлого века, не только не порывая своих прежних занятий археологией византийской, но и расширяя их в сторону искусства Воз-

---

[1]) Лекция напечатана в VIII т. „Записок Новоросс. Унив.“ (1872).

[2]) См. Отчеты Н. П. Кондакова о его занятиях за границей, помещенные в XX и XXI тт. „Записок Новороссийского Университета“.

рождения и более нового. Поэтому-то учено-литературная деятельность Н. П. Кондакова во всей ее совокупности охватывает почти все отделы археологии, как мы увидим это ниже при обзоре отдельных его трудов. Во всех этих трудах он является глубоким знатоком и тонким исследователем трактуемых им вопросов и большим мастером в деле стилистического анализа памятников, ведущим все свои разыскания на широкой исторической основе. Н. П. Кондаковым введен в научный обиход и тщательно обследован целый ряд памятников, ранее неизвестных вовсе, или неправильно оцененных. В области же византийского и древнерусского искусства Н. П. Кондакову принадлежит исключительное место в ряду не только современных, но и прошлых исследователей, так как эти отделы археологии могут считаться созданными и впервые научно обоснованными Н. П. Кондаковым. Как университетский преподаватель—с 1887 по 1897 г. он состоял профессором Петербургского университета—Н. П. Кондаков создал свою школу, главными представителями которой должны быть названы: профессор Петербургского университета Д. В. Айналов, покойный († в 1908 г.) профессор Харьковского университета Е. К. Редин[1], положивший много трудов на правильную постановку преподавания истории искусства в университете и организацию при нем музея изящных искусств и древностей, любимый ученик Н. П. Кондакова, выдающийся ученый, безвременно скончавшийся в 1918 г., Я. И. Смирнов. Впрочем, помимо этих прямых учеников Н. П. Кондакова, число которых было бы, несомненно, больше, если бы университетская его деятельность продолжалась дольше, все современное поколение русских археологов может считаться прошедшим „Кондаковскую школу“: столь громким является авторитет ее основателя, столь широкооб‘емлющи и плодотворны его ученые труды, столь глубокий след оставила вся его деятельность на пользу и благо археологических знаний в России. Н. П. Кондакову в истории русского просвещения, бесспорно, принадлежит одно из самых видных мест[2]).

Первым, по времени, профессором истории искусств в Петербургском университете был покойный А. В. Прахов (1841—1916), прошедший хорошую школу по классической археологии за границей у Брунна, в Мюнхене, и Фридерикса, в Берлине, человек очень талантливый, обладавший большим вкусом и блестящими лекторскими способностями, у которого, однако, художественные наклонности преобладали всегда над наклонностями научно-исследователь-

---

¹) О Е. К. Редине см. мою статью в ЗКОРАО. VI.

²) О Н. П. Кондакове см. Е. К. Редин в ЗРАО. IX (1897), Ф. И. Покровский в „Богословской Энциклопедии“, под ред. Н. Н. Глубоковского, т. XII (1911) где приведен подробный перечень трудов Кондакова.

скими. Если для чисто научной разработки археологии А. В. Прахов дал сравнительно немного, то в отношении художественного воспитания русского общества, пробуждения в нем интереса к памятникам прошлого за ним должны быть признаны большие и бесспорные заслуги [1]).

Такие же крупные заслуги должны быть приписаны покойному профессору Московского университета И. В. Цветаеву († 1913), неутомимой энергии которого Россия обязана созданием превосходного Музея изящных искусств в Москве, называемого, в обиходе, „Цветаевским", о чем придется говорить ниже [2]). Преемником И. В. Цветаева в Московском университете был покойный Вл. К. Мальмберг (1860—1921), занимавший до того, в течение долгого времени, кафедру классической археологии в Юрьевском университете. В своих многочисленных работах, указываемых ниже, по различным вопросам классической археологии, Вл. К. Мальмберг показал себя первоклассным исследователем и глубоким знатоком и ценителем памятников античного искусства, умевшим подходить к истолкованию их и их значения, путем тщательного и тонкого анализа, вполне оригинально и самостоятельно. В лице Вл. К. Мальмберга классическая археология имела у нас самую крупную исследовательскую и преподавательскую силу. Не создав „школы" в прямом смысле этого слова, Вл. К. Мальмберг был, своими образцовыми трудами, своими об'яснениями памятников древнего искусства и беседами о них, до известной степени, учителем всех современных археологов-классиков.

Из отдельных отраслей археологии в русских университетах на твердую почву давно уже была поставлена археология классическая, древне-христианская и византийская. Лишь в последнее время стало налаживаться преподавание и археологии русской. Этим мы обязаны, главным образом, деятельности Д. В. Айналова [3]), вокруг которого сгруппировалось в Петербурге несколько молодых ученых, с успехом приступивших к занятиям памятниками Великого Новгорода, Пскова, Киева и др. русских городов [4]). Что касается доисторической археологии, то университетское преподавание ее до сих пор не налажено и на должную высоту не поставлено

---

[1]) О А. В. Прахове см. мою статью в ЖМНП. 1916, май. Учениками А. В. Прахова могут считаться покойный профессор Новороссийского университета А. А. Павловский (о нем см. статью Б. В. Фармаковского в ЖМНП. 1914, июль) и бывший профессор Харьковского, ныне Киевского университета Ф. И. Шмит.

[2]) О И. В. Цветаеве см. мою статью в ЗКОРАО. VIII

[3]) О нем см. статью В. Н. Ракинта в „Гермесе", т. XVIII.

[4]) Один из этих ученых, подававший большие надежды, Вл. К. Мясоедов, скончался в цвете лет и сил. О нем см. мою заметку в ЖМНП. 1916, май.

за отсутствием достаточно компетентных в этой области лиц, может быть, и больших энтузиастов своего дела, но страдающих отсутствием того, чтò для университетского преподавателя является первым и непременным условием,—строгой методической школы. Равным образом, и по тем же причинам, недостаточно была представлена в университетском преподавании средневековая археология Западной Европы.

39. С тех пор как преподавание истории искусства заняло в наших университетах вполне определенное положение и стало постепенно развиваться, начала крепнуть, параллельно с этим, и наша ученая археологическая литература. Увеличиваясь количественно и совершенствуясь качественно, труды по археологии охватывали все бòльшие и бòльшие области археологического знания, освобождались от присущих им ранее иногда дилеттантских свойств, приобретали вполне определенный научный характер. За истекшие полвека археология заняла у нас настолько прочное и самостоятельное положение, что в настоящее время, казалось бы, вполне возможно говорить о самодовлеющей у нас разработке археологических дисциплин, причем в главном направлении и основном характере этой разработки успели наметиться свои задачи и выработаться индивидуальные черты и свойства.

Справедливость требует, однако, отметить, что в области археологии, как и многих других наук, первый толчок к научным изысканиям дан был работавшими в России немецкими учеными, группировавшимися вокруг, главным образом, двух центров—Академии Наук и Дерптского университета. Академик и директор отделения древностей Эрмитажа, Кёлер († 1838), в числе других своих работ, дал обширное исследование о древних резных камнях с именами художников [1]). Еще более обильною и плодотворною была деятельность преемника Кёлера, Л. А. Стефани († 1887). Не касаясь его трудов, посвященных классическим древностям южной России и помещенных в Отчетах Археологических Комиссии (см. выше), нужно отметить такие работы Стефани в области классической археологии, как „Нимб и лучезарный венец в произведениях древнего искусства“ (1863, по-немецки 1859); „Аполлон Боэдромиос, статуя музея гр. Г. С. Строганова“, (1863, по-немецки 1860); „Борей и Бореады“ (1879); „Кормление змей при орфических таинствах. Об‘яснение серебряного блюда, принадлежащего гр. Г. С. Строганову“ (1884). Конечно, с точки зрения метода, труды Стефани в настоящее время устарели, но, по богатству при-

[1]) Напечатано в III, IV и V тт. Gesammelte Schriften H. K. E. Köhler'a, изданых Л. Стефани (СПБ. 1850–3).

влеченного в них сравнительного археологического материала, к ним и теперь приходится обращаться. Немецкие ученые, преподававшие в Дерпте, издали ряд университетских программ, посвященных разработке различных вопросов классической археологии [1]).

Обильный археологический материал стал появляться, как мы видели выше, в изданиях археологических обществ: Одесского, Русского и Московского. Наряду с этими работами, необходимо отметить появление таких трудов по археологии, которые, не ставя своею задачею дать самостоятельные исследования, значительно содействовали проникновению и расширению археологических сведений в среде русского образованного общества. Из их числа особого внимания заслуживают издававшийся в 50-х гг. XIX в. в Москве, сборник статей по классической древности под названием „Пропилеи". В I т. „Пропилей" (1851, 2 изд. 1856) помещены, между прочим, увлекательно изложенные очерки Н. М. Благовещенского „О гиератике в древне-греческом искусстве", П. М. Леонтьева „О различии стилей в греческом ваянии" и „Егинские мраморы" и, в особенности, не утративший своего значения и по сие время очерк Ф. И. Буслаева „Женские типы в изваяних греческих богинь". Упомянутый выше (стр. 133) московский профессор К. К. Гёрц, не оставивший после себя больших следов в археологии, как самостоятельный исследователь, своею научно-популяризаторской деятельностью много способствовал поднятию археологических интересов в обществе [2]). С деятельностью К. К. Гёрца в Москве можно сопоставить долголетнюю, кипучую, иногда задорную, но, во всяком случае, плодотворную деятельность в Петербурге В. В. Стасова [3]).

С 70-х гг. прошлого века начинается у нас расцвет ученой археологической литературы. Расцвет этот коснулся не в равной мере всех отделов археологической дисциплины. Полнее и всего более разносторонне разрабатывалась у нас византийская и стоящая в ближайшей связи с нею русская археология. За нею идет археология классическая, преимущественно поскольку она представлена греческими, римскими и „скифскими" древностями, происходящими с юга России. Значительно слабее представлена в трудах русских ученых археология западного Средневековья, древнего и дальнего Востока.

---

¹) Перечень их можно найти в „Истории Дерптского университета" и в „Систематическом указателе книг" и статей по греческой филологии П. И. Прозорова (СПБ. 1898).

²) Собрание сочинений Гёрца издано, в 9 выпусках, Академией Наук. Его биография написана А. И. Малеиным (П. 1912).

³) О нем см. Н. П. Кондаков в ЖМНП. 1907, январь. Собрание сочинений Стасова (относящихся к 1847—1886 гг.) издано было в 1894 г., в трех томах. В 1906 г. издан был IV-й том („Искусство XIX века").

Археология древнего (классического) Востока и на Западе стала тщательно разрабатываться не более 50 лет тому назад. У нас для нее, в частности для египетской археологии, много потрудился хранитель отделения восточных древностей Эрмитажа В. С. Голенищев, составивший „Inventaire de la collection Egyptienne“ (П. 1891) и „Описание ассирийских памятников“ Эрмитажа (П. 1897). Во время своих археологических путешествий по Египту [1]) В. С. Голенищев составил превосходную коллекцию египетских и вообще восточных древностей, поступившую в 1910 г. в Московский Музей изящных искусств и отчасти изданную в „Памятниках“ этого музея [2]). Много и плодотворно поработал для древне-восточной, особенно египетской археологии, безвременно скончавшийся (в 1920 г.) Б. А. Тураев, бывший долго хранителем „голенищевской“ коллекции в Московском музее, давший описание египетских древностей, хранящихся в русских провинциальных собраниях (ЗВОРАО. XI. XII. XV), широко использовавший археологический материал в своей классической „Истории древнего Востока“ (2 изд., 2 тт., П. 1913—14), равно как и в прекрасном научно-популярном очерке „Древний Египет“ (П. 1922) [3]). Самым обширным трудом по археологии Египта является изданное Русским Археологическим Обществом сочинение А. В. Прахова „Зодчество древнего Египта“ (П. 1880); в нем автор приходит, однако, к парадоксальным и не выдерживающим критики выводам [4]). Небольшой, но чрезвычайно остроумный и ценный этюд по вопросу об изображении человеческой фигуры в египетском рельефе дал Вл. К. Мальмберг в своей работе „Старый предрассудок“ (М. 1915), с темою которой отчасти соприкасается статья безвременно скончавшагося, в 1922 г., ученика Б. А. Тураева, Ф. Ф. Гесса „Композиция человеческой фигуры в египетском рельефе и рисунке“

---

[1]) О них см. в ЗВОРАО. V.

[2]) Вып. I. II (1912). В. С. Голенищев, Египетская могильная плита; Б. А. Тураев, Досторическое блюдо; Ф. В. Баллод, Ваза с изображением Беса; Вл, К. Мальмберг, Мужская статуэтка эпохи Среднего царства, Купальщик и купальщица, Женская головка, Вып. III (1913). Вл. К. Мальмберг, Женская статуэтка поздней эпохи. Вып. IV (1913). Б. А. Тураев, Барельефы с изображением божества Туту. Предметы финикийского происхождения.

[3]) Отметим статьи Б. А. Тураева „Изображения воскресения в египетских памятниках“ в „Сборнике Бузескула“, „К египетской художественной мифологии“ в „Сборнике Мальмберга“, Терракоттовый светильник из Ольвии (?), изображающий чету Бесов“ (ИАК. 45), „Фигурка Имхотепа, найденная в Кубанской области“ (ИАК. 49), „Ящики для египетских погребальных статуэток, называемые ушебти“ (ТМАО. XXV), „Египетские рельефы с изображениями погребальных процессий“ (ИАИМК. I).

[4]) См. обстоятельный разбор этого сочинения у В. В. Стасова в ЖМНП. 1880, октября=Собрание сочинений), II, 487—524.

(ИАИМК. I) [1]). Наконец, перу Ф. В. Баллода принадлежит научно-популярный очерк „Древний Египет, его живопись и скульптура" (М. 1913) [2]).

Древности передней Азии привлекали к себе сравнительно меньшее внимание. Все же и здесь, помимо указанных (стр. 121) эпиграфических работ М. В. Никольского, должно отметить издание Н. П. Лихачевым принадлежащих его собранию древнейших булл и печатей Ширпурлы (ЗКОРАО. IV); статьи Б. А. Тураева „Очерк истории изучения финикийской древности" (Ист. Обозр. VI), „К истории хеттского вопроса" (ЗРАО. XII); М. А. Харузина „К вооружению хеттов" (Сборник Мальмберга).

41. Ученая литература по классической археологии представлена у нас достаточно богато и разнообразно, причем она касается как археологических памятников Греции и Рима вообще, так и специально классических и „скифских" древностей, происходящих с юга России. Начнем с краткого обзора литературы, посвященной этим последним, не возвращаясь, конечно, к тем трудам, которые были упомянуты выше, при изложении истории собирания греческого и римского археологического материала на юге России при раскопках, главным образом, Археологической Комиссии.

Нужно сказать, что в общем самое собирание материала шло более интенсивно, чем его обнародование, или его исследование. Наиболее систематически и последовательно обнародывался материал эпиграфический и нумизматический, в особенности первый [3]); итоги обнародования греческих и латинских надписей, происходящих из юга России, подведены упомянутым изданием IOSPE. и будут завершены, в особенности когда будет издан вторым изданием второй том сборника В. В. Латышева и когда сдвинуто будет с мертвой точки издание III тома, куда, как сказано выше, должны войти надписи на предметах домашнего обихода [4]).

---

[1]) Другой ученик Б. А. Тураева, В. В. Струве дал работу о петербургских сфинксах (ЗКОРАО. VII). См. его же „Сенаар и Египет" в ИАИМК. I.

[2]) См. того же автора „Prolegomena zur Geschichte der bärtigen Zwerghaften Götter in Aegypten" (М. 1913), „Реализм и идеализация в египетском искусстве как результат представлений о потустороннем бытии" (Сборник Мальмберга), „Египетское искусство времени Амеофиса IV" (М. 1914), „Египетский Ренессанс" (М. 1917).

[3]) Очерк истории южно-русской эпиграфики см. у Н. И. Новосадского, Греческая эпиграфика, 2 изд., М. 1915.

[4]) Более или менее полно собраны надписи—клейма на амфорах и кирпичах. См. Е. М. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания (П. 1915), также статьи В. В. Шкорпила в ИАК. вып. 3, 11, 38, 40, 51 и в Сборнике Бобринского. Зато надписи на греческих вазах, оружии, ювелирных изделиях, предметах домашнего обихода и пр. издавались спорадически и случайно, а в большинстве случаев и совсем не изданы.

Греческие и римские монеты, происходящие с юга России, хранятся в Эрмитаже, в Московских Историческом и Румянцевском музеях, в университетских минц-кабинетах Москвы, Киева, Одессы (в последней также и в Обществе Истории и Древностей), музеях Кавказском, Керченском, Херсонесском, Херсонском и др., а также в частных коллекциях) Бертье-Делагарда в Ялте, Терлецкого в Керчи, Уварова в Москве, Строганова и Якунчикова в Петрограде и др.)[1]. Почти все монеты (точнее сказать, монетные типы) опубликованы и, при опубликовании, правильно включены в соответствующие серии[2]. Если эпиграфический материал широко и плодотворно был использован в исследованиях, посвященных различным сторонам истории и быта греческих колоний на юге России, то нумизматическим материалом, для этих же целей, пользовались значительно меньше; в этом отношении всякий, кто заинтересовался бы различного рода вопросами политической и экономической истории, религиозным культом и т. п., нашел бы в южно-русских античных монетах почти непочатое обилие сведений и указаний. Желательно было бы проследить, в особом исследовании, также и историческую типологию монетного дела на юге России.

---

[1]) Немало греческих и римских южно-русских монет попало и в заграничные музеи.

[2]) Б. Кёне, Описание музея кн. Кочубея (2 тт., П. 18 7); то же по-французски: Koehne, Description du Musée du feu le prince B. Kotschoubey et recherches sur l'histoire et la numismatique des colonies grecques en Russie ainsi que des royaumes du Pont et du Bosphore Cimmérien). A. Sibirsky, Catalogue des médailles du Bosphore Cimmérien). П. 1859—издание не закончено. П. Бурачков, Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям существовавшим в древности на сев. берегу Черного моря, в пределах нын. южной России (М. 1884); к этому изданию поправки А. Л. Бертье-Делагарда, М. 1907. А. В. Орешников, Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова. Вып. VII. Монеты Воспорского царства и древних греческих городов, находившихся в пределах нын. России (М. 1887), Описание древне-греческих монет, принадлежащих Московскому Университету (М. 1891). А. Подшивалов, Нумизматический кабинет Московского Публичного и Румянцевского музеев (М. 1884). В. В. Антонович, Описание монет и медалей, хранящихся в нумизматическом музее Университета св. Владимира (Киев 1896); статьи В. И. Юргевича (Монеты г. Тираса. ЗООИД. XV), В. Голубцова (Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг. ИАК. вып. 51), Х. Х. Гиля (Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands, М. 1886; Новые приобретения моего собрания. ЗРАО. V. 1891; Описание монет, поступивших в мое собрание в 1892—93 гг. ЗРАО. VII, 1895), А. О. Орешникова (Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosporus, М. 1883; Материалы по древней нумизматике Черноморского побережья, М. 1892; Монеты Херсонеса Таврического, Нумизм. Сборник, II, 1912; Экскурсы в область нумизматики Черноморского побережья, там же, III, 1919; К нумизматике преемников Аспурга, и Этюды по нумизматике Черноморского побережья. ИАИМК. I (1921); А. А. Бертье-Делагарда в ЗООИД. XXVI (Херсонесские монеты. XXIX. (Воспорские монеты). XXX (varia) и в Нумизм. Сборнике (I—Относительная стоимость монетных металлов на Воспоре и Борисфене; II—Материалы для весовых исследований монетных систем древне-греческих городов Сарматии и Тавриды).

Немало сделано было и по части опубликования археологического, в строгом смысле этого слова, материала, т. е. вещественных памятников, происходящих с юга России. Этот материал можно найти в „Древностях Босфора Киммерийского", в изданиях Археологической Комиссии, Одесского Общества Истории и Древностей, Таврической Ученой Архивной Комиссии и пр. Гораздо меньше сделано по части публикации южно-русских классических древностей, хранящихся в наших музеях. И это должно быть поставлено в большой упрек, прежде всего, Эрмитажу, в котором хранятся богатейшие собрания, и притом, в некоторых случаях, совершенно исключительного значения. Плодотворна была, в свое время, лишь деятельность хранителя Отделения древностей Эрмитажа Л. А. Стефани, который не только дал (в сотрудничестве с Жиллем) об'яснительный текст к „Древностям Босфора Киммерийского", опубликовал массу памятников в „Отчетах Археологической Комиссии" (см. выше), но и издал каталог ваз Эрмитажа (L. Stephani, Die Vasensammlung der Ermitage, 2 тт., П. 1869; южно-русские вазы во II т., стр. 304 сл.), правда, теперь и далеко неполный и устаревший. Преемник Стефани, Г. Е. Кизерицкий составил каталог Никопольского зала, но он остается неизданным. Преемники Кизерицкого, Е. М. Придик и О. Ф. Вальдгауер, издали лишь—первый упомянутый каталог амфорных ручек, второй—каталог ламп, куда вошли и лампы, найденные на юге России (Античные глиняные светильники, П. 1914). Оба эти издания содержат в себе лишь самый неинтересный и менее важный материал южно-русских классических древностей. То же в них, что является нашею гордостью, что служит главным украшением нижнего этажа Эрмитажа—разумеем Боспорский и Никопольский залы,—что, казалось бы, должно было привлекать к себе главное внимание его бывших и настоящих хранителей—все это остается не сопоставленным в надлежаще оборудованных и хорошо изданных каталогах. Предметы, поступившие в Московский Исторический Музей, отчасти опубликованы в его „Отчетах" (с 1899). Из собраний Одесского Музея изданы лишь терракотты и феодосийская керамика (см. выше). Богатое частное собрание П. И. и В. И. Ханенко в Киеве опубликовано в издании „Древности Приднепровья" (вып. 1, 2, 3 и 6, Киев 1899—1907).

Немного сделано и для издания отдельных крупных находок и отдельных серий вещей. Исключением является образцовая публикация предметов, найденных в кургане Карагодеуашх (МАР. № 13, П. 1894. А. С. Лаппо-Данилевский, Древности кургана Карагодеуашха, как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV—III вв. до Р. Хр. Вл. К. Мальмберг, Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагодеуашх).

Вещи Мельгуновского клада 1763 г. изданы (но не исследованы) Е. М. Придиком (МАР. № 31, П. 1911; см. его же „Новые Кавказские клады" в МАР. № 34, 1914)[1], оренбурских курганных погребений—М. И. Ростовцевым (МАР. № 37. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма, П. 1918). Настоятельно необходимо энергично поставить дело систематического издания отдельных крупных находок, особенно происходящих из больших курганов, и групп курганов[2]. Наряду с этим, важно было бы предпринимать, от времени до времени, систематические публикации по отдельным группам памятников искусства и старины, происходящих с юга России. Начало таким публикациям положено в труде Кизерицкого и Вацингера о греческих южно-русских надгробных рельефах (G. Kieseritzky und C. Watzinger, Griechische Grabreliefs aus Südrussland, Берл. 1909)[3], а в особенности в монументальном труде М. И. Ростовцева „Античная декоративная живопись на юге России" (текст и атлас, заключающий 112 таблиц, П. 1914). В этом сочинении достойным образом опубликованы отчасти ранее неизвестные вовсе, отчасти забытые, или плохо известные памятники античной декоративной живописи, главным образом, росписи керченских катакомб, не только языческих, но и христианских. Памятники декоративной живописи, изданные М. И. Ростовцевым, распределяются им на три больших хронологических группы: ранне-эллинистическую, поздне-эллинистическую и римскую (эпоха империи); памятники последней, наиболее обильно представленной группы, подразделяется на несколько последовательных отделов на основании изучения стиля. В „предисловии" к своему труду М. И. Ростовцев справедливо подчеркивает, что такие публикации, как его „Античная декоративная живопись", занимающиеся не изданием одного какого-либо нового или старого памятника, но сопоставлением, рас-

---

[1]) См. также Н. И. Веселовский, Курганы Кубанской области в период римского владычества на сев. Кавказе. Труды XII Арх. С'езда I (1905).

[2]) Даже для такой важной находки, какая сделана была при открытии кургана „Солоха", мы имеем лишь неудовлеторительную публикацию С. Половцевой в „Revue archéologique" за 1914 г. Ср. Svoronos в „Journal international de numismatique, 1916 и заметку М. И. Ростовцева в ИАК. вып. 65. Замечательные памятники, открытые в кургане Келермес, все еще остаются неопубликованными. Очень полезны были издававшиеся до войны ежегодные краткие отчеты Б. В. Фармаковского в берлинском Archäologischer Anzeiger, но они, конечно, не могут заменить больших публикаций.

[3]) См. также Б. В. Фармаковский, Две мраморные стелы из Ольвии. ИАК. 58. К. В. Тревер, Мраморные скульптуры из Ольвии. ИАК. 54. Б. В. Фармаковский, Ольвийская реплика Афины Девы Фидия. ИАК. 14. 17. О. Ф. Вальдгауер, Ольвийская статуэтка Афины. ИАК. 17; Бородатая голова IV в. до Р. Х. ИАК. 23; С. А. Жебелев, Памятники классической скульптуры в музее Одесского Общества Истории и Древностей. ЗООИД. XXII.

смотрением и исследованием серии однородных памятников с юга России, должны дать надлежащее представление об истории нашего юга и, вместе с тем, ввести в научный обиход свежие, мало известные материалы, освещающие новым светом те или иные стороны античной жизни, античного искусства вообще. Разрешению этой последней задачи, к чему М. И. Ростовцев, благодаря своим долголетним занятиям помпеянскими росписями, подготовлен более, чем кто-либо другой, он предполагает посвятить второй том своего высоко замечательного труда [1]).

То, что сделано М. И. Ростовцевым для южно-русских памятников декоративной живописи, надлежит сделать и для иных произведений художественного ремесла, происходящих с юга России: бронз, терракотт, стеклянных изделий, предметов торевтики, глиптики, а в особенности расписных ваз, образцов которых найдено очень много. Пока по всем этим группам памятников имеются лишь частичные публикации материала, сопровождаемые исследованиями. Трем замечательным бронзам архаического стиля, происходящим из Херсонской губернии, посвящена работа С. А. Жебелева и Вл. К. Мальмберга (МАР. № 32, 1907); несколько античных бронз из собрания Одесского музея издал Э. Р. Штерн (ЗООИД. XXVI. XXXIX) [2]). Терракоттовых фигур найдено было при раскопках большое обилие, и среди них имеются очень оригинальные и интересные типы, которые желательно было бы рассортировать по определенным сериям. Пока это сделано лишь для одной серии, к которой принадлежат служившие украшением саркофагов фигуры и группы, относящиеся к мифу о Ниобе (С. А. Жебелев, Пантикапейские Ниобиды. МАР. № 24, 1901; см. отзыв Б. В. Фармаковского в „Протоколах Общих собраний РАО“). При раскопках в Херсонесе в 1888—9 г.г. были, между прочим, найдены формы для изготовления глиняных оттисков с них; описание их дано Вл. К. Мальмбергом (МАР. № 7, 1892) [3]). В области изучения греческих ваз и вообще керамических изделий, происходящих с юга России, имеется немало работ об'единяющего характера: „Милетские вазы из России“ Б. В. Фармаковского (ТМАО. XXII), „Коринфские арибаллы из Ольвии с растительным орнаментом“ покойного И. П. Малева (ИАК. 54), „Кер-

---

[1]) Отзыв о нем Вл. К. Мальмберга в „Экскурсионном Вестнике“, 1915, № 2.

[2]) См. также мою статью „Эчмиадзинская бронза“ в „Сборнике Э. Р. Штерна“, Н. И. Веселовского „Бронзовый панцырный нагрудник с изображением головы Медузы (ИАК. 65), К. В. Тревер „Бронзовая ножка канделябра из Нахчевана“ (ИАИМК. I).

[3]) См. также статьи Э. Р. Штерна о детских игрушках из терракотты (Сборник Бобринского) и П. Беньковского о терракоттовых повозочках из Керчи (ИАК. 9).

ченская кальпида 1906 г. и поздняя красно-фигурная живопись" С. С. Лукьянова и Ю. Гриневича (МАР. № 35, 1915); эллинистической керамике и глазированной посуде посвящены статьи Э. Р. Штерна и А. Н. Шварца (ЗООИД. XXVIII. ТМАО. XV); наконец, большое количество статей Э. Р. Штерна в ЗООИД. дают издание и об'яснение ваз, хранящихся в Одесском музее [1]). Менее, чем следовало бы ожидать, в виду исключительной важности и чрезвычайного интереса, представляемых южно-русскими памятниками из благородных металлов, сделано для изучения этих памятников. Достаточно сказать, что даже таким двум выдающимся и единственным, в своем роде, памятникам, как вазы Куль-Обская и Чертомлыцкая, до сих пор не повящено специальных работ. Более посчастливилось Чертомлыцкому гориту (обшивка налучья), вопрос о хронологии и стиле которого оживленно обсуждался за последние годы [2]), а также и некоторым другим вещам из Чертомлыцкого кургана [3]), равно как и предметам, найденным в кургане Карагодеуашх в образцовом исследовании Вл. К. Мальмберга (см. выше) [4]). Более общий характер носят работы А. Н. Шварца „К истории древнегреческих рельефов на золотых вещах, найденных в южной России" (ТМАО. XV), Н. И. Веселовского „К вопросу о технике золотых рельефных украшений в греческом искусстве" (ИАК. 47), А. А. Спицына „Фалары южной России" (ИАК. 29) [5]). Для изделий из

[1]) Отмечу еще работу К. В. Тревер „Ольвийская расписная амфора 1901 г." (МАР. № 36, 1918); Б. В. Фармаковского „Терракоттовый сосуд в форме головы Геракла из Пантикапея" (Сборник Уваровой); М. И. Ростовцева „Пиксида росписного склепа кургана Васюриной горы (ЗООИД. XXX); Н. А. Энман, „Навкратийский кубок, найденный на о. Березани" (ИАК. 11); „Ионийская амфора с Таманского полуострова" (ИАК. 45); Э. В. Диля, „Ольвийская чашка с наговором" (ИАК. 58); Н. Э. Радлова „Две панафинейские амфоры, найденные в южной России в 1911 г." (ИАК. 45); А. Н. Шварца „По поводу вазы с рельефными изображениями, найденной в с. Парутине (ТМАО. XV).

[2]) Б. В. Фармаковский, Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в м. Ильинцах, Киевской губ. (Сборник Бобринского); Аканфовая ветвь на серебряном сосуде с Таманского полуострова (Сборник Бузескула). М. И. Ростовцев, Представление о монархической власти в Скифии и на Босфоре (ИАК. 49); Воронежский серебряный сосуд (МАР. № 34); К вопросу о датировке погребений Куль-Обы, Чертомлыка и Солохи (ИАК. 60). Е. М. Придик, Два серебряных ритона из коллекции Эрмитажа (ЗООИД. XXX). Вл. К. Мальмберг, К вопросу о типах на Чертомлыцком налуче (Сборник в честь М. К. Любавского).

[3]) Вл. К. Мальмберг, Воин, защищающий павшего товарища на Чертомлыцких ножнах и других памятниках греческого искусства (Сборник Бузескула); Воин на золотой обшивке ножон из Чертомлыцкого кургана и на вазе из Нолы (Сборник в честь Д. А. Корсакова, Казань 1913). Г. И. Боровка, Женские головные уборы Чертомлыцкого кургана (ИАМК. 1).

[4]) См. статью Б. Ф. Фармаковского „Новейшая датировка Карагодеуашхского кургана" (Изв. Тавр. учен. архивн. комм. 50).

[5]) См. также Э. Р. Штерн, Из коллекции Конельского. Медальон с изображением Афины из Ольвии, Од., 1907. В. Саханев, Серебряные со-

стекла, кости, для гемм имеются лишь небольшое количество отдельных работ)[1]. В общем, работы по изданию происходящего с юга России неизданного материала, переизданию материала уже изданного, об'яснению как того, так и другого, предстоит сделать очень и очень много. Можно с удовольствием отметить, что за последние перед войной годы работа эта очень оживилась благодаря трудам М. И. Ростовцева, Б. В. Фармаковского, Э. Р. Штерна и других археологов, и нужно только пожелать, чтобы она не прекращалась и привлекала к себе все большее и большее число работающих. Кому же, как не русским археологам-классикам, заниматься классическими и „скифскими" древностями южной России?

Что изучение этих древностей может привести к выяснению вопросов не только местного, но и обще-исторического значения, показала работа Б. В. Фармаковского „Архаический период в России" (МАР. 34, 1914), где на основании изучения архаических памятников Ольвии, Скифии и Кавказа (из находок в Калакенте и Майкопе), автор приходит к заключению, что так называемый звериный стиль, получивший самое широкое распространение в степях восточной Европы и северо-западной Азии, вызвавший себе подражания в местном творчестве, доживший, в основных формах, до так наз. Великого переселения народов, живущий и поныне в разных местах России в художественных поделках народа и в убранстве его домов—что этот звериный стиль ведет свои начала из древнего ионийского и из сильно на него воздействовавшего хеттского искусства.

Полвека тому назад немыслимо было не только обсуждение, но и постановка такого рода вопросов принципиального значения [2]. В ту пору, когда работал Стефани над изучением южно-русских классических древностей, они обсуждались, главным образом, с антикварной точки зрения, историко же художественный анализ их стоял лишь на втором плане. Изменившаяся, как мы указывали выше (стр. 77), с 60-х и 70-х г.г. прошлого века ориентировка археологических и историко-художественных исследований неизбежно должна

суды с золоченым орнаментом из Чмырева кургана (ИАК. 46). Н. И. Веселовский, Серебро скифского царя из кургана Солоха (Старые годы, 1919, март). Б. В. Фармаковский, Серебряная украшенная рельефами чашка Новороссийского музея (ИАИМК. I).

[1]) М. И. Ростовцев, Стеклянные расписные вазы поздне-эллинистического времени и история декоративной живописи (ИАК. 54); его же, Древние костяные шашки с юга России (ИАК. 10). T. de Kibaltchitch, Gemmes de la Russie (1910).

[2]) В статье „К вопросу о происхождении „Готского стиля" предметов ювелирного искусства", найденных в Керчи, Э. Р. Штерн (ЗООИД. XX) также ставит на разрешение один из капитальных вопросов археологии вообще.

была отразиться и на изучении греческих и „скифских" древностей юга России. Интерес к работам, проводимым в духе стилистического анализа, повысился. Стали обращать внимание на памятники не только цветущей поры греческого искусства, V и IV в.в., но и на памятники архаические и эллинистические, искать связей греческого искусства с Востоком и со стоявшей в тесном к нему отношении Ионией. Такою точкою зрения проникнуты многие работы Б. В. Фармаковского. С другой стороны, в работах Вл. К. Мальмберга и Э. Р. Штерна рельефно выясняется связь южно-русских классических древностей с Афинами. К сожалению, менее внимания было уделяемо тем произведениям художественной промышленности, которые особенно характерны для юга России и, возможно, созданы в местных художественных мастерских. Равным образом, необходимо было бы подвергнуть внимательному стилистическому анализу и „скифские" древности, с попутным выяснением столь типичных для „скифских" погребений форм костюма, головного убора [1]), вооружения, утвари, конского убора, всей погребальной обстановки [2]) и пр. Выяснение всего этого будет, несомненно, содействовать и разрешению поставленного Э. Р. Штерном на очередь вопроса о воздействии античной культуры на области, расположенные вне районов древних поселений на северном побережье Черного моря (ЗООИД. протокол 323 заседания) [3]).

Прежде чем приступлено было к изучению вещественных памятников, происходящих с юга России, перед русскими учеными встали вопросы, связанные с исторической географией и топографией древних поселений Причерноморья. Необходимо было приурочить к тем или иным местам находок отдельные засвидетельствованные древними писателями географические имена, прежде всего отдельных греческих припонтийских городов, и согласовать эти имена с современной картой. Постепенно задача осложнялась: обильные находки „скифских" погребений поставили на очередь давно уже выяснявшийся в западно-европейской науке вопрос о Геродотовой Скифии и об ее локализации в южно-русских степях. В обоих указанных направлениях трудами русских ученых удалось добиться серьезных

---

[1]) М. И. Ростовцев и П. К. Степанов, Эллино-скифский головной убор (ИАК. 63). П. К. Степанов, История русской одежды, вып. 1 (П. 1914).

[2]) А. А. Спицын, Курганы „скифов-пахарей" (ИАК. 65).

[3]) Э. Р. Штерну же принадлежит и постановка очень важного вопроса о „Значении керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации" (ЗООИД. XXII). См. также его статью „Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Pontus Euxinus" (Hermes, 1, 1915). Полный и определенный ответ на этот вопрос можно будет дать, разумеется, в том случае, когда, при выяснении его, будут приняты в соображение находки не только керамические, но совокупность всех находок вообще.

и прочных результатов уже к 70-м г.г. XIX в. [1]). В последующих работах в эти основные результаты внесены были некоторые дополнения и изменения [2]). Никто теперь не сомневается, что древний Тирас занимает место нынешнего Аккермана [3]), Ольвия лежала около теп. Парутина [4]), Херсонес—на берегу Карантинной бухты у Севастополя [5]) Харакс—на Ай-Тодоре [6]), Феодосия на месте теп. Феодосии, Нимфей—на Эльтегенском мысу [7]), Пантикапей на месте нын. Керчи [8]), Фанагория — теп. станицы Сенной, Горгиппия — нын. Анапы. Необходимо, однако, стремиться к определению местоположения второстепенных пунктов греческих и римских поселений в Причерноморье, что окажется возможным лишь при систематически поставленном и планомерном ведении раскопок.

---

[1]) И. Стемпковский, Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского между Тирасом и Борисфеном, П. 1826. П. Беккер, Берег Понта Евксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям, Од. 1851. Ф. Брун, Черноморье, Од. 1879—80. П. Кеппен, Крымский сборник. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических, П. 1867. П. Аркас, Описание Ираклийского полуострова и древностей (ЗООИД. II) C. Becker, Die Herakleotische Halbinsel in archäologischer Beziehung, Лпц., 1856. И. Бларамберг, Замечания на некоторые места древней географии Тавриды (ЗООИД. II). П. Дюбрюкс, Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского и пр. (ЗООИД. IV). К. Гёрц, Археологическая топография Таманского полуострова (ТМАО. II= Собр. соч. I); Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове (ТМАО. IV=Собр. соч. II). Для вопросов, связанных с Геродотовой Скифией, продолжают сохранять свое значение труды Н. Надеждина „Геродотовая Скифия, об'ясненная через сличение с местностями“ (ЗООИД. I) и Ф. Бруна „Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях“ (МАР. II= Черноморье II).

[2]) Ф. А. Браун, Разыскания в области гото-славянских отношений, СПБ. 1899 (значительная часть книги посвящена исторической географии Скифии и Сарматии). А. Л. Бертье-Делагард, Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма, Од. 1886. А. А. Малинин, Заметки по географии древней Таврики (ЖМНП. 1913). П. Кречетов, Письма о Геродотовой Скифии (ЗООИД. XV); Границы и очертания Геродотовой Скифии (ТМАО. XIII). Ф. Г. Мищенко, Этнография России согласно Геродоту (ЖМНП. 1896, май); Известия Геродота о странах вне Скифии (там же, декабрь).

[3]) П. Беккер, ЗООИД. II. Э. Р. Штерн, ЗООИД. XIX. XXIII. XXX.

[4]) В. В. Латышев, Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии, П. 1887 и статьи М. И. Ростовцева в ИАК. 23. 58.

[5]) См. указ. выше (стр. 100) книгу Иванова; к приведенной там библиографии дополнить статьи М. И. Ростовцева в ИАК. 63 и в „Сборнике Уваровой“; Н. П. Печонкина в ИАК. 42; Э. Р. Штерна в ЗООИД. XXVII.

[6]) М. И. Ростовцев, Римские гарнизоны на Таврическом полуострове в ЖМНП. 1900, март; Святилище фракийских богов и пост бенефициариев на Ай-Тодоре в ИАК. 40.

[7]) В. В. Шкорпил в ЗООИД. XX.

[8]) В. В. Латышев, Краткий очерк истории Воспорского царства = Pontika.

Печальнее обстоит дело с Геродотовой Скифией. Несмотря на то, что на выяснение исторической географии и топографии ее положено было много усилий, ни по одному из основных вопросов соглашения не достигнуто, и ни один из них, в сущности, не решен. Причины этого заключаются, отчасти, в том, что не удалось установить источники Геродота в IV книге его истории, отчасти в том, что недостаточно изучена историческая топография бассейнов наших больших рек [1]). И здесь систематические планомерные раскопки должны помочь делу. Вопросы, связанные с Геродотовой Скифией, стоят, конечно, в непосредственном отношении к общему и сложному „скифскому“ вопросу, т.-е. к вопросу о национальности скифов. Будем надеяться, что яфетическая теория Н. Я. Марра прольет свет и на этот нерешенный до сих пор вопрос [2]).

Много сделано русскими исследователями для практической и теоретической разработки классических и скифских древностей, связанных с югом России, но много еще и предстоит тут работы. В высокой степени полезно было, от времени до времени, пытаться подводить итоги сделанному. И такие попытки имеются, и попытки удачные; они облегчают желающему войти в курс дела, связанного с археологиею нашего юга. Большую услугу русскому просвещению оказали И. И. Толстой и Н. П. Кондаков своим хорошо знакомым, ставшим библиографическою редкостью, богато иллюстрированным изданием „Русские древности в памятниках искусства“, первый выпуск которого посвящен „классическим древностям южной России“, второй—„древностям скифо-сарматским“ (1889), третий—„древностям времен переселения народов“ (1890; все три выпуска появились по-французски, в обработке С. Рейнака, „Antiquités de la Russie méridionale). Своим изданием, как заявляют составители, они имели в виду „представить историческое образование и развитие древне-русского искусства, в точных снимках с художественных памятников русской древности и старины“; пояснительный текст должен был служить лишь „необходимым дополнением снимков“. Эта „основная задача“ издания исполнена была авторами блестяще, и „Русские древности Толстого-Кондакова“, как их кратко именуют, сослужили русской археологии великую службу и содействовали ознакомлению с ее памятниками всех слоев просвещенного общества.

Иного рода задачу поставил себе кэмбриджский профессор Миннз (Ellis H. Minns) в своем большом труде „Scythians and

[1]) Лишь работы В. И. Гошкевича дали плодотворные результаты для выяснения топографии Бугского и Днепровского лиманов.

[2]) См. пока статью Н. Я. Марра „Термин скиф“ в „Яфетическом сборнике“ (I, 1922).

Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus“ (Кэмбридж 1913), снабженном многочисленными планами, таблицами и рисунками. Добросовестно использовав русскую и иностранную ученую литературу, дав подробный ее библиографический перечень, Миннз представил общий свод археологических, этнологических и исторических сведений, относящихся ко всей территории между Карпатами и Кавказом. Труд Миннза—необходимое пособие для всякого, кто интересуется, с той или иной точки зрения, прошлым нашего юга; для археологов же, работающих над классическими и скифо-сарматскими древностями России, книга Миннза—книга настольная [1]).

М. И. Ростовцев также в своем иллюстрированном очерке „Эллинство и иранство на юге России“ (П. 1918) ставит целью выяснить „политические и культурные судьбы эллинства и иранства, главнейших носителей древнейшей культуры, на пространстве России“, причем стремится поставить оба эти элемента в правильную связь, связав историю юга России с историей античного мира вообще [2]).

Более скромную задачу преследуют толково составленные снабженные необходимыми библиографическими указаниями очерки И. Н. Бороздина „Античная культура на юге России“ (М. 1918) и Н. А. Щербакова „Скифы“ (М. 1918), входящие в серию „Культурно-бытовых“ очерков по мировой истории“ (серия А № 2—3, серия Б № 2). Ю. А. Кулаковский в кратком очерке „Прошлое Тавриды“ (Киев 1906, 2-е изд. 1914) дал снабженный немногочисленными, но художественно исполненными иллюстрациями обзор важнейших данных по истории Крыма с начала греческой колонизации вплоть до конца XVIII в., причем в приложении представил и общий обзор „изучения крымских древностей со времени присоединения Крыма к Российской Державе“.

42. В предоставленной в мое распоряжение рукописи М. И. Ростовцева „Классические и скифские древности сев. побережья Черного моря“, энергичный и заслуженный исследователь прошлого нашего юга, воздав должное тем усилиям, какие были до сих пор проявлены по части добывания археологического материала, считает ближайшими задачами дальнейшей деятельности в этом направлении следующее: „а) Расширение систематического расследования развалин

---

[1]) См. о ней рецензии М. И. Ростовцева в ЖМНП. 1913, ноябрь, и мою в „Гермесе“ 1913. № 15.

[2]) См. рецензию на эту книгу Б. В. Фармаковского в „Русском Историческом журнале“, VII (1921). Значительно дополненное и более подробное изложение тех же вопросов представляет книга М. И. Ростовцева на английском языке (M. Rostovtzeff, Iranians and Greeks in South Russia, Оксфорд 1922). См. также его статью „Les origines de la Russie Kiévienne“ в „Revue des études slaves“, II (1922).

древних городов, т.-е. продолжение систематических раскопок в Ольвии, Херсонесе и в Евпатории, производство таковых же в Пантикапее и Фанагории, а также систематические раскопочные кампании на месте других менее крупных городских центров: Нимфея, Гермонассы, Горгиппии, поселений около Херсонеса, поселений внутри Крымского полуострова и на южном берегу, поселений на западном берегу Крыма, на Азовском море и на зап. части сев. побережья Черного моря. б) Углубленное расследование до-греческих поселений в местах, позднее занятых грекам. в) Отыскание и расследование руин древних храмов, находящихся вне городов, преимущественно на Тамани. г) Расследование не греческих городищ по течению великих русских рек: Днестра, Буга, Днепра, Дона, Кубани, Волги, Урала и их притоков. д) Сплошное расследование с определенными научными заданиями еще не расследованных греческих некрополей и некрополей не греческих; прекращение бессистемных раскопок, направленных только на добывание вещей. е) Систематическое доследование больших курганов, частью разграбленных кладоискателями, частью не окончательно расследованных археологами. ж) Ведение всех раскопок не иначе, как при содействии опытных техников с широким применением фотографии и с составлением точных топографических и детальных планов и чертежей, с обращением особого внимания на структуру и характер погребального, или иного расследуемого сооружения. з) Сохранение всего добытого при раскопках археологического материала“ [1]).

Если к этим „дальнейшим задачам“, намечаемым М. И. Ростовцевым для Причерноморья, присоединить таковые же для Кавказа и Закавказья; если принять в соображение, что добыванию материала неизбежно должно сопутствовать и надлежащее его издание и научное исследование со всевозможных точек зрения, то, легко себе представить, сколько нам, русским, предстоит сделать только для одной классической и „скифской“ археологии; какое количество достойным образом подготовленных для всей этой работы лиц потребуется, коль скоро мы захотим не уступать, в рвении и научном интересе, нашим предшественникам. При этом нужно постоянно помнить, что изучение классических и „скифских“ древностей, происходящих с нашего юга, должно стоять на единственно правильной и возможной, в научном отношении, позиции. У нас все еще продолжают отчасти думать, что южно-русские классические памятники представляют собою что-то самодовлеющее и в себе

[1]) Летом 1914 г. М. И. Ростовцев стоял во главе небольшой экспедиции, которая предполагала lege artis произвести раскопку—и начала ее—так наз. Мордвиновского кургана в Днепровском уезде, Таврич. губ. Краткий отчет об этой раскопке см. в „Гермесе“ за 1916 г., № 11—12.

самом замкнутое; что эти памятники входят в область „русских древностей“; что поэтому им может заниматься всякий, без надлежащего образования в области именно классической археологии. Печальное заблуждение! „Классические древности южной России“, „скифо-сарматские древности“—лишь отдел классической археологии. Плодотворно изучать их может только археолог-классик; для научного занятия ими мало еще родиться, учиться и жить в России. Для этого нужно пройти хорошую и основательную школу, созданную дружными усилиями наших западных собратьев.

43. В тех успехах, которыми сопровождался прогресс классической археологии на Западе, начиная с 60-х и 70-х гг. прошлого века, русские археологи-классики также приняли свою долю участия. Разумеется, не имея специальных археологических институтов в классических странах, Греции и Италии, русские ученые не имели возможности принимать непосредственного участия в расследовании, путем раскопок или снаряжения археологических экспедиций, памятников классической культуры [1]). Поэтому, то, что сделано русскими археологами-классиками в смысле обогащения науки новым материалом, носит более или менее случайный характер и сводится к изданию тех памятников классического искусства, какие удалось им открыть и получить разрешение их опубликовать, во время их занятий в западно-европейских (а отчасти и русских) музеях и частных собраниях. Несмотря на неблагоприятно сложившиеся обстоятельства по части опубликования нового материала, русские археологи-классики внесли и тут свою долю работы [2]).

---

[1]) Щедрости русского мецената, С. С. Абамелек-Лазарева, наука обязана экспедициями в Пальмиру и Джераш (Gcrasa) в Сирии. С. С. Абамелек-Лазарев, Пальмира, СПБ. 1884 (см. статью И. В. Помяловского в ЖМНП. 1884, июнь); Джераш, СПБ. 1897. Результаты экспедиции в Пальмиру же, снаряженной, в 1900 г., Русским Археологическим Институтом в Константинополе, опубликованы в VII и XIII тт. Известий Института (Общий отчет Ф. И. Успенского; исследование Б. В. Фармаковского о фресках пещеры Мегарет-Абу-Схейль; издание и об'яснение П. К. Коковцовым пальмирских надгробных рельефов); результаты археологической поездки в Никомидию П. Д. Погодина и О. О. Вульфа сообщены во II т. „Известий“ Института.

[2]) Указываю некоторые работы, посвященные изданию ранее неизвестного материала, распределяя последний по крупным отделам: а) Критско-микенская эпоха—Б. Л. Богаевский, Новое минойское кольцо с изображением культового танца (ЗКОРАО. VII): Б. В. Фармаковский, Стенная живопись Микенской эпохи (ЗРАО. IX, ср. Д. В. Айналов, там же X). б) Архаическая эпоха: G. Kieseritzky, Apollo von Naukratis (Arch. Jahrb VII): О. Ф. Вальдгауер, Часть архаического акролита (Сборник Мальмберга); С. А. Жебелев, Коринфский арибалл из собрания Л. И. Толстой (ЗКОРАО. VI); Софийская статуэтка-подставка (Сборник Мальмберга); И. П. Малев, Две архаические коринфские вазы из колекции В. В. Голубцова (ИАК. 58); М. И. Максимова, Три фаянсовые арибалла (ПММ. IV). в) Классическая эпоха: Б. В. Фармаковский Κεφαλὴ ἐφήβου ('Εφ. 'Αρχ. 1897=ЗРАО. VIII); С. А. Жебелев, Оксфордский бюст (ЗКОРАО. III); А. Н. Щукарев, Неизданный геро-

Лишенные возможности содействовать в той мере, в какой это было бы желательно, обогащению классической археологии новым материалом, русские археологи-классики с тем бо̀льшим рвением отдавали свои знания и силы исследованию уже изданных другими отдельных памятников классического искусства, или групп их. При этом они всегда держались того правила, что плодотворность всякой археологической работы достигается лишь в том случае, когда она произведена или над самими оригиналами, или, в крайнем случае, на основании точных воспроизведений их.

Во главу угла всех русских работ по классической археологии должны быть поставлены монографии покойного Вл. К. Мальмберга, посвященные исследованию памятников греческой декоративной скульптуры и являющиеся первою в археологической литературе попыткою дать общий обзор развития этой скульптуры. В своих исследованиях „Метопы древне-греческих храмов“ (Дерпт 1892) [1]) и „Древне-греческие фронтонные композиции“ (ЗКОРАО. I, и отдельно П. 1904) [2]) Вл. К. Мальмберг рассматривает метопы и фронтоны не только с эстетической стороны, или с точки зрения изображенных на них сюжетов и их трактовки, но, и преимущественно, как один из важнейших элементов скульптурного убранства греческого храма. Обе указанные работы, помимо интереса их содержания и большой важности достигнутых результатов, являются образцовыми, а потому и высокопоучительными, в методологическом отношении. На непосредственном изучении памятников аттической архаической скульптуры построена монография покойного А. А. Павловского „Скульптура в Аттике до Греко-Персидских войн“ (ЗРАО. VIII, и отдельно П. 1896), давшего—впервые для своего времени,—на

ический рельеф (Сборник Помяловского); Ф. И. Шмит, Στεφανοῦσα Праксителя (Сборник Никитина); О. Ф. Вальдгауер, Килик с надписью Ἐπίδρομος καλός в Эрмитаже (ИАИМК. I); Une coupe récemment découverte de Douris (Rev. arch. 1913); Л. А. Моисеев, Фрагменты аттических ваз строгого стиля в Музее Русск. Арх. Общ. (ЗКОРАО. VII); Н. А. Щербаков, Апулийская ваза (Сборник В. Б. Бузескула). г) Эллинистическо-римская эпоха: О. Ф. Вульф, Александр с копьем (ИКИ. III); Вл. К. Мальмберг, Женская головка (ПММ. I—II); Б. В. Фармаковский, Портрет из Фаюма (там же); М. И. Ростовцев, Александрийская эллинистическая ваза (там же); Расписная стела из Александрии (там же); Римское знамя (там же IV); В. Ф. Грюнейзен, Погребальные пелены египто-эллинистической композиции (там же, III); Я. И. Смирнов, Две бронзовые статуэтки всадников (АИЗ. 1895); О фригийском боге Месяце (рельефы с изображениями этого божества. Сборник Соколова); М. И. Максимова, Античная гемма с изображением Ликурга (ЗКОРАО. IX; Н. Е. Гаршина, Два римских портретных бюста из собрания Эрмитажа (там же); М. И. Ростовцев, Две поздне-античных расписных гробницы из Костолаца и Реки Девне (там же).

[1]) См. отзывы Н. П. Кондакова в ЖМНП. 1892, июнь; А. Н. Щукарева в ФО. III; Г. Г. Павлуцкого в КУИ. 1893, № 9.

[2]) См. мою статью в ЖМНП. 1906, октябрь.

основании стилистического анализа памятников и их хронологической классификации, связную картину исторического хода развития архаического искусства в Аттике [1]). Обширный материал, доставляемый аттическою вазовою живописью, послужил исходным пунктом для Б. В. Фармаковского [2]), в его монументальном труде „Аттическая вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после Греко-Персидских войн" (ЗРАО. Х, XII, и отдельно П. 1902) [3]). Здесь автором дан разбор свидетельств древних писателей о живописцах V в., особенно о знаменитейшем из них, Полигноте, установлено время его деятельности и хронология красно-фигурных ваз строгого стиля, на которых возможно искать влияние Полигнота, а также хронология стилей вазовой росписи, пришедших на смену строгому стилю („прекрасный", „роскошный" стили). Б. В. Фармаковский дал художественно-историческую оценку этих стилей и путем анализа стиля вазовой живописи и сравнения ее со стилем современной ей скульптуры, выяснил отношение вазовой живописи к искусству монументальному. Художественная деятельность великого греческого скульптора IV в., Праксителя, внимательно рассмотрена в книге покойного В. Г. Аппельрота „Великие греческие ваятели I в. до Р. Х. I. Пракситель" (М. 1893) [4]). Фидию посвящены научно-популярные очерки Г. Г. Павлуцкого („Фидий", Киев 1890) и Б. В. Фармаковского „Художественный идеал демократических Афин" (П. 1918). Выяснить образ выдающегося скульптура V в., Пифагора Регийского, путем отнесения к его искусству ряда анонимных памятников, хранящихся в наших музеях, пытался О. Ф. Вальдгауер („Пифагор Регийский", П. 1915); попытка его, равно как и самый метод исследования, вызвали, однако, серьезные возражения [5]). Равным образом, работа того же автора „Этюды по истории античного портрета" (Ежегодник Института Истории Искусств, I, П. 1921), несмотря на привлеченный к исследованию интересный и отчасти новый материал, как работа, построенная на слишком раффинированном стилистическом анализе, вряд ли способна встретить общее сочувствие и, во всяком случае, требует критического к себе отношения. Изящно составленный и красиво изложенный, но в значительный степени устаревший, очерк элли-

---

1) В меньшем масштабе задачу проследить основные моменты в истории критско-микенского искусства поставил себе Е. Г. Качаров в ЗООИД. XXIX.

2) Об его ученых заслугах вообще см. мою статью в ТМАО. XXV.

3) См. об этой книге статьи Э. Р. Штерна в ЖМНП. 1903, май, и А. А. Миронова в ФО. XII.

4) См. отзыв И. В. Цветаева в ЖМНП. 1894, январь и май.

5) См. Б. В. Фармаковский в ЖМНП. 1916, июль; Д. В. Айналов в „Гермесе" XIX. XX; Э. Р. Фельсберг („Эрот Соранцо" в Эрмитаже) в „Сборнике Мальмберга".

нистической скульптуры дал Н. М. Благовещенский (Винкельман и поздние эпохи греческой скульптуры, П. 1891, см. рецензии И. В. Цветаева в ЖМНП. 1891, апрель; Г. Г. Вульфиуса в ЗРАО. V, 1891, и М. П. Соловьева в 4-м приложении к 75-му тому Зап. Акад. Наук). Интересную, по заданию, тему взял Г. Г. Павлуцкий— проследить историю жанра в греческом искусстве („Жанровые сюжеты в греческом искусстве до эпохи эллинизма", Киев 1897); тому же автору принадлежит монография „Коринфский архитектурный орден" (Киев, 1891)[1]), где он, выясняя происхождение коринфской капители, пришел к выводу, что ее источник нужно искать в финикийском искусстве. Этому выводу противоречит мнение Б. В. Фармаковского („Колонна Фидия" в „Сборнике в честь Н. И. Кареева", П. 1914), что первообразом коринфской колонны является колонна под правой рукой статуи Афины Девы Фидия. Область греческой архитектуры привлекала, впрочем, к себе сравнительно мало внимания со стороны русских археологов. Кроме носящих учебный характер книг А. А. Парланда „Храмы древней Греции" (П. 1890) и К. И. Рончевского „Образцы древне-греческих ордеров" (М. 1917), можно отметить лишь статью, осведомительного характера, Г. Г. Павлуцкого об афинском храме Зевса Олимпийского (КУИ. 1892, № 11) и небольшой, но полный остроумных и метких наблюдений этюд Вл. К. Мальмберга „Угол Парфенона и портик с Кариатидами" (Экскурсионный Вестник, 1915, № 2)[2]).

Отдельные памятники греческой пластики неоднократно привлекали к себе интерес русских археологов. В своих „Исследованиях по истории греческого искусства" (П. 1871) А. В. Прахов: а) подверг внимательному изучению стиль архаических ксанфских рельефов и б) с большою наблюдательностью и правильностью разобрал композицию эгинских фронтонов[3]). „Памятник Гарпий и Малой Азии и символика греческого искусства" (Од. 1873)—тема магистерской диссертации Н. П. Кондакова, где дан анализ памятника „в его собственной сфере" и выяснены его отношения к аналогичным явлениям греческого искусства вообще"[4]). О знаменитой статуе Зевса Олимпийского Фидия писал С. С. Лукьянов (Гермес, VI), о Гере Поликлета— Б. В. Фармаковский (ЗКОРАО. I), об Аталанте Скопаса — Б. Р. Виппер (ЖМНП. 1913, сентябрь), о Мантинейских рельефах Пра-

---

1) См. отзыв об этой книге А. В. Прахова, А. И. Сонни и Н. М. Бубнова в КУИ. 1893, № 4.

2) См. еще Д. С. Недович, „Эолийская капитель" в ЖМНП. 1914, февраль.

3) См. отзыв К. Я. Люгебиля в ЖМНП. 1871. июнь. „Эгинской школе ваятелей" посвящена статья Н. Н. Трескина (М. 1897).

4) О том же памятнике небольшая статья Б. Р. Виппера в ЖМНП. 1908, июль.

ксителя—Вл. К. Мальмберг (ЖМНП. 1895, март) и В. Г. Аппельрот (ФО. VIII), о статуе девушки из Анцио—Е. Г. Кагаров (Филол. Записки, 1911), о ликосурской группе Дамофонта—С. А. Жебелев (ФО. VII), о группе художника Менелая—А. А. Деревицкий (там же, II), о живописном элементе в рельефной скульптуре—А. А. Павловский (Сборник Помяловского). Вл. К. Мальмбергу удалось, повидимому, найти правильное истолкование Бельведерского торса (ЖМНП. 1906, ноябрь, и „Der Torso von Belvedere", Dorpat 1907), в котором он усматривает остатки фигуры Скирона, караемого Фесеем. О. Ф. Вальдгауер открыл в Эрмитаже прекрасные головы пергамского стиля и посвятил им и аналогичным им памятникам поучительный этюд (Сборник Эрмитажа, I, 1921). О. Ф. Вальдгауеру же принадлежат интересные статьи о портретах Александра Великого (Ueber einige Porträts Alexanders des Grossen, Мюнх. 1903 и в ЗКОРАО. VI), а также о статуарном типе Гипноса (ИАИМК. I). А. М. Миронов написал большую книгу „Изображения Победы в греческой пластике" (Казань, 1911), но и самый метод работы автора и полученные им выводы в ученой критике сочувствия не встретили [1]).

Греческие вазы дали материал для ряда работ на разнообразные связанные с ними темы. Тира Соколовская („Микенская керамика", П. 1904) представила обзор форм и орнаментации сосудов микенского типа. А. Н. Шварц писал о так наз. панафинейских скифосах (М. 1890), О. Ф. Вульф и Б. В. Фармаковский—о вазах с надписями καλός, καλή (ЖМНП. 1897. ФО. XVI), Б. Р. Виппер—о технике вазового производства (ЖМНП. 1914, апрель). Неоднократно возвращался к рассмотрению различного рода „методологических" вопросов, связанных с вазовыми рисунками, Вл. К. Мальмберг. В своей статье „О некоторых приемах гончаров-живописцев" (ЗРАО. IV) он доказал, что живописцы-ремесленники, пользуясь известными образцами, посредством небольших изменений, переделывали один сюжет в другой; в своих „Этюдах по древне-греческой вазовой живописи" (ЖМНП, 1906, май, июнь, июль; 1907, январь, апрель, май, сентябрь) Вл. К. Мальмберг разбирал вопросы о терминах ἐποίησεν и ἔγραψεν на вазах, о сосудах Брига и его мастерской, о применении и изменении изображаемых на вазах типов; статьи Вл. К. Мальмберга „Заметки о двух новых вазовых рисунках" (ЖМНП. 1903, февраль), „Мнимые музы на кратире в Мюнхене" (ЗКОРАО. VI) и „Непризнанная Пенфесилия" (там же, I), посвящены толкованию сюжетов на некоторых вазах. Большая и прекрасная работа М. И. Максимовой „Античные фигурные вазы"

---

[1]) См. рецензию М. М. Хвостова в ЖМНП. 1914, май.

(М. 1916) содержит исследование о древнейших вазах этого типа, причем автор собрал обильный, в значительной степени неизданный, материал, умело классифицировал его и установил отдельные фабрики архаических фигурных ваз. Изображения на вазах послужили предметом книги А. М. Миронова „Картины загробной жизни в греческой живописи на вазах“ (М. 1895) [1]).

По сравнению с вазами греческим терракоттам посчастливилось менее. Все же и здесь можно указать на исчерпывающий, для своего времени, обзор материала (с привлечением и южно-русского) в сочинении Н. П. Кондакова „Греческие терракоттовые статуэтки в их отношении к искусству, религии и быту“ (ЗООИД. XI. 1871) [2]).

В области эллинистическо-римской живописи руководящее значение имеют работы М. И. Ростовцева о Помпеях [3]), в особенности его исследование „Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж“ (ЗКОРАО. VI, 1908, и отдельно; то же в немецкой обработке в Röm. Mitt. 1911), где автор приходит к таким выводам: а) пределы фантазирования в помпеянском пейзаже держатся в рамках иллюзионистической передачи отчасти мотивов окружающей природы, отчасти пришедших извне пейзажных и архитектурных оригиналов; б) в помпеянском пейзаже передаются типы реальной эллинистической архитектуры; в) помпеянские ландшафты вилл представляют аналогии к известным италийским и провинциальным виллам, а также постройкам сакрально-гробничного характера.

Памятниками римской архитектуры, в том числе и помпеянскими, много, в свое время, занимались русские пенсионеры-архитекторы во время их пребывания в Италии. Работы эти, за исключением трудов С. А. Иванова, брата знаменитого живописца, оста-

---

1) См. его же „Греческие расписные вазы“ (Вестник Изящных Искусств, 1890, № 4). Г. Г. Павлуцкий, „Древне-греческие расписные вазы“ (КУИ. 1889, № 3). А. Н. Шварц, „О некоторых греческих расписных вазах, принадлежащих университетскому минц-кабинету“ (ТМАО. XIV). Д. В. Айналов, „К вопросу о технике восковой живописи“. ЖМНП. 1908. Статья Вл. К. Мальмберга „Вазы и вазовая живопись“ в IX т. НЭС.

2) См. также И. В. Цветаев, Древнегреческие терракотты из собрания вел. кн. Сергия Александровича (Русск. Обозрение, 1894, № 5). А. Н. Деревицкий, Несколько греческих статуэток из собрания Одесского Общества и А. И. Нелидова (ЗООИД. XVIII). Б. В. Варнеке, Античные терракотты из коллекции Н. Ф. Высоцкого. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этногр. при Каз. унив. XXII, 1906.

3) О новейших раскопках в Помпеях (ЖМНП. 1894), Помпеи за 1893—5 гг. (ЗРАО. VIII), Мифологический пейзаж 3-го Помпеянского стиля (Сборник Мальмберга). См. о Помпеях статьи В. А. Шеффера „Casa dei Vettii“ (Сборник в честь Ф. Е. Корша, М. 1896) и Н. А. Некрасова, „Несколько слов о последнем периоде помпеянской декоративной живописи“ (Сборник Уваровой).

лись неопубликованными [1]); издавать их теперь не имело бы научного значения, но чисто художественный интерес за некоторыми из этих работ (они хранятся в Академии Художеств) остается и поныне.

Невзрачная по качеству, но обильная по количеству серия мелких предметов римского ремесла, так называемые свинцовые тессеры, включены впервые в научный обиход и надлежащим образом использованы в трудах М. И. Ростовцева „Римские свинцовые тессеры“ (П. 1903; нем. обработка „Römische Bleitesserae“, Лпц. 1905), „Tesserarum urbis Romae et suburbi plumbearum sylloge“ и „Tesserae plumbeae urbis Romae et suburbi“ (П. 1903) [2]). М. И. Ростовцев собрал огромный вещественный материал, успешно классифицировал и сгруппировал его по типам (3599), распределил типы на три больших серии (tesserae publicae, tesserae privatae, tesserae incertae), причем каждая из них распадается на пять мелких серий, а эти мелкие серии в некоторых случаях распределяются еще по сериям более мелким. На основе этой классификации построено и исследование М. И. Ростовцева, одинаково важное как для археолога, так и для историка.

К сожалению, только собрание богатейшего и первостепенную важность имеющего материала дано в капитальном, изданном Археологическою Комиссиею ко дню ее пятидесятилетнего юбилея, труде покойного Я. И. Смирнова „Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской Империи“ (П. 1909). Здесь, на 130 прекрасно исполненных таблицах, воспроизведено свыше 300 предметов, хранящихся, главным образом, в России, отчасти заграницей, причем хронологические рамки, в которые укладываются эти предметы, охватывают собою почти два тысячетилетия, вплоть до XVIII в. В небольшой пояснительной записке, предваряющей издание и описание воспроизводимых памятников (дополнением к ней служит краткое сообщение в ЗВОРАО. XIX), Я. И. Смирнов выделяет шесть групп их: а) древнейшая, VIII—VI в., где сказывается влияние Месопотамии, б) группа Ахеменидской Персии, в) группа эллинистическая, г) группа греко-бак-

---

[1]) „Архитектурные исследования“ С. А. Иванова, изданные Германским Археологическим Институтом, посвящены памятникам Греции (см. мою заметку в ЗРАО. VIII), Помпеям и термам Каракаллы (см. заметку М. И. Ростовцева в ФО. X—XI). О римском Пантеоне см. статью М. И. Ростовцева в ЖМНП. 1895; о древне-римских плафонах—К. И. Рончевского (ИАИМК. I), которому принадлежит и сочинение „Римские триумфальные арки“ (М. 1916).

[2]) Об этих трудах см. статью Ф. Ф. Зелинского „Новый памятник древне-римского быта“ в I т. сборника „Из жизни идей“ (П. 1908, 2 изд.).

трийская, д) группа индо-скифская, III—VII вв. по Р. Х., е) группа сасанидская, особенно сложная, но вместе с тем, и особенно интересна. В атласе представлен в большом изобилии новый и ценный материал. Злой рок не дал возможности Я. И. Смирнову завершить то исследование его, которое было, можно сказать, его „жизненною задачею"; остались сырые материалы для этого исследования, и в них следует возможно скорее разобраться, выделить из них то, что̀ можно напечатать, хотя бы это было в полуготовом виде.

Единственную, пока, попытку дать общую историческую картину развития всего античного искусства представляет собою „Курс истории древнего искусства" А. А. Павловского (Од. 1905), не претендующий, по заявлению автора, во многих местах на самостоятельность, а в некоторых представляющий прямо пересказ отдельных глав других сочинений. Дополнением к курсу служит отдельно изданный „Атлас" (Од. 1907; рецензия на него Б. В. Фармаковского в „Гермесе" IV) [1].

Почти совершенно не нашли себе отзвука в русской ученой археологической литературе вопросы, связанные с историей античного быта и античной культуры [2]. По исторической топографии мы имеем, помимо отдельных статей [3], монографию С. А. Селива-

---

[1]) И. В. Цветаев издал, в свое время, в очень ограниченном числе экземпляров, „Учебный атлас античного ваяния", I-й том которого посвящен архаическому периоду (М. 1890), II-й—веку Фидия (М. 1891), III-й—Скопасу, Праксителю, Лисиппу и эллинистической эпохе (М. 1894).

[2]) Здесь можно отметить только статьи Вл. К. Мальмберга о греческих „щитах с ковриками" (Зап. Каз. Унив. 1890) и Ф. Г. Стрика „Дом древних этрусков" (ЗКОРАО. VII). Переведенная с чешского книга Ф. Ф. Велишского „Быт греков и римлян" (Прага 1878) устарела, равно как и переведенные с немецкого книги Вейса „Внешний быт народов с древнейших времен до наших дней" (3 тт., М. 1873—77) и Ф. Готтенрота „История внешней культуры". (СПБ. 1885). Свежее соответствующие отделы в хрестоматии П. Гиро („Частная и общественная жизнь греков", перев. с франц. П. 1915, и „Частная и общественная жизнь римлян", М. 1912) и в переведенных с немецкого и богато иллюстрированных книгах Баумгартена, Поланда и Вагнера „Эллинская культура" и „Эллинистическо-римская культура". Наконец, нужно отметить составленный специалистами своего дела об'яснительный текст к пособию, изданному покойным С. О. Цыбульским для средней школы „Иллюстрации быта древних греков и римлян": В. Амелунг, Одежда древних греков и римлян; Боденштейнер, Греческий театр (см. также Г. Эмихен, Греческий и римский театр, пер. с нем. М. 1894).

[3]) А. А. Малинин, Спорные вопросы топографии Афин (ЖМНП. 1900, март, положение афинской агоры; вопрос об Эннеакрусе); Где находился храм Евклеи в Афинах (Сборник Никитина); Исследования по топографии афинской агоры (ЗКОРАО. III и отдельно, СПБ. 1903). В. Э. Регель, О городе Плотинополе (Сборник Помяловского); О городе Даскилии и о Даскилийском озере (ЖМНП. 1887, май). В. И. Ернштедт, Саламинская битва (ЖМНП. 1882, март=Opuscula, П. 1907). С. А. Селиванов, О Колофоне, Нотии, Кларе и о новых надписях Колофонской области (ЖМНП. 1892, октябрь, ноябрь). И. В. Помяловский, Исследования в области римско-германской границы (ЗРАО. II).

нова „Очерки древней топографии острова Родоса“ (Казань 1892) и очень важное по своим результатам, большею частью прочно утвердившимся в научном обиходе, исследование Р. Х. Лёпера „К вопросу о димах Аттики“ (ЖМНП. 1891, ноябрь, декабрь; 1893, февраль, март, сентябрь; то же в нем. обработке „Die Trittyen und Demen Attikas“ в Ath. Mitt. XVII, 1892) [1]).

44. Если в области изучения памятников классического искусства и старины русские археологи достигли, по мере сил и умения, тех или иных успехов, то в этом отношении они обязаны были, в значительной степени, тому высокому состоянию классической археологии, в каком разработка ее находилась на Западе в течение всего прошлого века. Им не приходилось тут всегда искать новых путей, а нужно было иногда следовать по намеченной уже дороге, по крайней мере, в ее главных направлениях. Из этого не следует, конечно, заключать, будто русские археологи-классики—по крайней мере, наиболее талантливые из них—шли только „на поводу“ у своих западных собратьев; нет, они сумели в свои исследования привнести нечто свое, оригинальное, но все же общего тона всему научному движению они не давали. Зато в области изучения археологии христианской (в частности восточно-христианской, со всеми ее под‘-разделениями) русской археологии, до известной степени, выпало на долю дать тон и археологии западно-европейской. Этим наука обязана, в значительной мере, неутомимой, разносторонней и всегда плодотворной деятельности Н. П. Кондакова. Он называет своим „незабвенным учителем“ Ф. И. Буслаева, который, по его словам, заложил фундамент русской археологической науки. Но сам Н. П. Кондаков возвел на этом фундаменте прочное, величественное здание. По своему содержанию, труды Н. П. Кондакова охватывают, можно сказать, христианское искусство во всей его совокупности. О них удобнее будет говорить в дальнейшем общем обзоре трудов по христианской археологии за последние полвека.

Из трудов, ей посвященных, мы выделим, прежде всего, сочинения общего, систематизирующего характера, затрагивающие более или менее обширные темы.

В области археологии древне-христианской нужно, honoris causa, на первом месте назвать труд А. С. Уварова „Христианская символика. I. Символика древне-христианского периода“ (посмертное издание, М. 1908). Труд этот задуман был автором еще

---

[1]) В упомянутом издании С. О. Цыбульского Р. Х. Лёперу принадлежит об‘яснительный текст к таблице „Древний город Афины“ (2 изд.), текст к таблице „Древний город Рим“ обработан М. И. Ростовцевым. См. также Д. И. Нагуевский, История римского форума и его памятники; Казань 1907.

в 50-х гг. прошлого века и в настоящее время должен быть признан устаревшим, тем более, что основным принципом, руководившим автором при его занятиях христианским искуством, был принцип, господствовавший в европейской науке 60-х гг.—все возводить, при об'яснении фактов древне-христианской археологии, к «disciplina arcani». Устаревшим должен быть признан почтенный для своего времени труд Н. В. Покровского „Происхождение древне-христианской базилики" (П. 1880). Книга А. фон Фрикена „Римские катакомбы и памятники первоначального христианского искусства" (4 части, М. 1872—85) расчитана на широкий круг читателей и научного интереса не представляет. Иного характера исследование в области иконографии и стиля древне-христианского искусства Д. В. Айналова „Мозаики IV и V вв." (СПБ. 1895), имеющее своим предметом всесторонний обзор мозаических росписей итальянских церквей в IV и V вв. Исследуемые мозаики были тщательно изучены автором во время его пребывания в Италии. Это дало ему возможность точно и неукоснительно отметить все промахи и недосмотры в существующих изданиях мозаик (в том числе и в «Musaici cristiani» Росси), а в большинстве случаев представить новые, самим автором исполненные, рисунки их. Стремясь избегать символического метода при об'яснении сюжетов и композиции мозаик, Д, Н. Айналов постоянно выдвигает на первый план художественный и исторический их анализ. По тому же плану и методу построено исследование Е. К. Редина „Мозаики Равеннских церквей" (ЗРАО. IX, и отдельно, П. 1896) [1])". Тот же ученый, а равно Д. В. Айналов, Ф. И. Успенский, Ф. И. Шмит неоднокрадно обращались в своих работах к разнообразным памятникам Равенны, и многие из них впервые были опубликованы ими [2]). Истории ранне-византийского искусства посвящено исследование Д. В. Айналова „Эллинистические основы византийского искусства" (ЗРАО. XII, и отдельно, П. 1900), где автор

---

1) Рецензия Д. В. Айналова (ЖМНП. 1897). См. также статью Д. В. Айналова о мозаиках в Альбенге. ВВ. 1901.

2) Е. К. Редин, Пластинка от кресла еп. Максимиана из собрания гр. Г. С. Строганова в Риме (Хар. 1893); Триклиний базилики Урса в Равенне (ВВ. 1895); Заметки о памятниках Равенны. Церковь св. Аполлинария Нового и Усыпальница Феодориха (ВВ. 1899); Половая мозаика церкви св. евангелиста Иоанна в Равенне (ВВ. 1895). Д. В. Айналов, Пластинка диптиха из слоновой кости из собрания гр. Г. С. Строганова в Риме (АИЗ. 1893); Часть равеннского диптиха в собрании гр. Г. С. Строганова (ВВ. 1897); Равеннская пластинка слоновой кости из собрания гр. Г. С. Строганова в Риме (АИЗ. 1897); Часть равеннского диптиха в собрании гр. Крауфорда (ВВ. 1898). Ф. И. Успенский, Фрагменты мозаичной росписи в церкви евангелиста Иоанна в Равенне (ИКИ. VIII). Ф. И. Шмит, Алтарные мозаики церкви Михаила Архангела в Равенне (Светильник 1915); Равеннские мозаики 1112 г. (там же, 1914).

старался проследить и установить эти основы в области ранней византийской миниатюры, в скульптурных памятниках „живописного“ рельефа, в ранне-византийских росписях. На этих данных Д. В. Айналов устанавливает преемственность эллинистического искусства на почве Византии и прослеживает изменения, в нем происшедшие, начиная с IV—V вв. История Византийской миниатюры, еще более 40 лет тому назад, нашла своего исследователя в лице Н. П. Кондакова. Его сочинение „История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей“ (Од. 1876; франц. обработка Histoire de l'art byzantin considerée principalement dans les miniatures, 2 тт., Пар. 1886. 97), основанное на тщательном изучении огромного числа иллюстрированных рукописей, осветило новым светом историю византийской живописи с древнейшей ее эпохи (V—VI вв.) вплоть до XIV в. Эпоху составило появление—одновременно на русском, французском и немецком языках—с небывалою роскошью изданного монументального труда Н. П. Кондакова „Византийские эмали. Собрание А. В. Звенигородского. История и памятники византийской эмали“ (П, 1892) [1]). В этом труде Н. П. Кондаков рассматривает технику эмали не только византийской, но и других стран и народов, начиная с Египта и кончая средневековой Европой, Персией и Средней Азией, описывает и анализирует множество памятников эмалевого производства, издает и исследует памятники византийской эмали собрания Звенигородского и выясняет их значение для истории иконописных типов и византийской орнаментации, наконец, разбирает русско-византийские эмали того же собрания. Сочинение Н. П. Кондакова „Византийские церкви и памятники Константинополя“ (TVIAC. III, 1897) [2]), заключая в себе историю, топографию и детальное описание Константинопольских церквей и памятников искусства, в нем находящихся, дает богатый материал для истории византийской архитектуры и иконографии (большой научно-популярный очерк Н. П. Кондакова о древностях Константинополя напечатан в „Светильнике“, 1915, № 5—8). Не обошел своим вниманием Н. П. Кондаков и позднего памятника византийского искусства, мозаик мечети Кахриэ-Джами (Зап. Новоросс. унив. XXXI, 1880), отнеся их к периоду вторичного процветания византийского искусства XI—XIII вв. и признав в них произведения собственного византийского искусства, без участия, в создании их, западных мастеров. Значительно позже, в сочинении „Кахриэ-

[1]) См. об этом труде статьи В. Г. Бока и В. В. Стасова в ЗРАО. VIII и IX. Об истории издания самой книги см. В. В. Стасова „Книга о книге“.

[2]) См. об этом сочинении Н. В. Покровский в ЗРАО. III.

Джами“ (ИКИ. XI, и отдельно, София 1906), сопровождаемом великолепно изданным альбомом, Ф. И. Шмит дал исследование об истории превращенного в мечеть Кахриэ-Джами монастыря Хора, разобрал ее архитектуру и исследовал мозаики нарфиков, возникшие, по мнению автора, в начале XIII в., когда Феодор Метохит приказал скопировать сирийские фрески церкви Михаила Синкелла и воспроизвести старинные композиции мозаикою в сводах и люнетах внутреннего нарфика, своды же, люнеты и стены наружнего нарфика покрыть мозаиками, изображающими события земной жизни Спасителя до его Вознесения [1]). Те же мозаики Кахриэ-Джами послужили для Д. В. Айналова исходным пунктом в его интересном, на широкую почву поставленном исследовании „Византийская живопись XIV столетия“ (ЗКОРАО. IX, 1917), где автор трактует о константинопольской и венецианской школах и манерах живописи, о некоторых памятниках константинопольской школы конца XIII и XIV вв., о чертах новой византийской манеры в русских церковных росписях XIV в., об особенностях этой манеры и ее источниках и пр. Отдельные памятники Константинополя неоднократно привлекали к себе внимание русских исследователей [2]).

Для истории позднего византийского искусства большое значение имеют памятники Афона. Капитальным трудом и тут является сочинение Н. П. Кондакова „Памятники христианского искусства на Афоне“ (П. 1902), возникшее в результате предпринятой им на Афон экспедиции; помимо издания целого ряда памятников в сочинении этом изложен ход развития христианского искусства на греческом и юго-славянском Востоке после падения Константинополя [3]). В 1900 г. Н. П. Кондаковым предпринято было археологическое путешествие по Македонии, результаты которого изложены им в сочинении „Македония“ (СПБ. 1909), где подвергнуты детальному рассмотрению памятники Салоник, Серр, Скопье и его

---

[1]) О сочинении Ф. И. Шмита см. статью Я. И. Смирнова в „Протоколах Общ. Собр. РАО за 1899—1908 гг.“.

[2]) Д. Ф. Беляев, Храм св. Ирины (ВВ. 1895). О. Ф. Вульф, Храм св. Апостолов (ИКИ. I, 1896). Н. Л. Окунев, Храм св. Софии (Старые годы, 1916, ноябрь). Б. А. Панченко, Рельефы базилики Студия (ИКИ. XIV). Ф. И. Успенский, Серальский кодекс Восьмикнижия XII в. (там же, XII, 1907, с приложением великолепного альбома). Б. В. Фармаковский, Византийский пергаменный свиток с миниатюрами XI—XII вв. (там же, VI, 1900).

[3]) См. рецензию Е. К. Редина в ЖМНП. 1902, июль. О византийских памятниках Афона писали также Д. В. Айналов (ВВ. 1899. СПО, 1906), Ф. И. Успенский („Артосная панагия“. ИКИ. VIII). В. Т. Георгиевский дал альбом с воспроизведениями фресок Панселина в Протате на Афоне (Издание РАО). А. А. Дмитриевский описал фрески георгиевского параклиса 1423 г. в Святопавловском монастыре на Афоне (СПО. 1908).

округа, Битоли, Охриды [1]). Еще в 1881 г. Н. П. Кондаковым было предпринято путешествие на Синай. В своей книге „Из путевых впечатлений. Древности Синайского монастыря“ (Од. 1882) [2]) Н. П. Кондаков дал интересные заключения об архитектуре монастыря и об его Юстиниановой базилике, о находящейся в этой базилике мозаике с изображением Преображения Господня [3]), наконец, о хранящихся в монастырской библиотеке греческих рукописях с миниатюрами [4]). Происходящие из коллекции преосв. Порфирия Успенского замечательные синайские иконы восковой живописи вызвали работы Н. П. Кондакова (П. 1902) и Д. В. Айналова (ВВ. IX, 1902).

Древности и памятники Палестины, имеющие столь важное значение в христианской археологии, разрабатывались русскими учеными с особым тщанием и с разнообразных точек зрения [5]). Предпринятые по почину Палестинского общества, под руководством арх. Антонина, раскопки на „русском месте“ близъ храма Воскресения в Иерусалиме, имевшие целью определить направление так наз. второй иерусалимской стены и отыскать следы Константиновой базилики [6]), вызвали работу Б. Мансурова („Базилика имп. Константина в Иерусалиме“, М. 1885) и статьи архим. Леонида, А. А. Олесницкого и Н. В. Покровского (ЗРАО. II, 1887). Д. В. Айналов разбирал детали палестинской архитектуры и топографии на памятниках христианского искусства (СПО. 1894. 1895. 1902) и исследовал расположение главных зданий Константиновых построек

[1]) См. мою статью в ЖМНП. 1909, август. О христианских древностях зап. Македонии писал П. Н. Милюков (ИКИ. IV), о древностях г. Тырнова Ф. И. Успенский (там же. VII). Мозаики солунских церквей св. Софии и св. Димитрия послужили предметом работ Я. И. Смирнова (ВВ. 1898), Е. К. Редина (там же, 1899), Ф. И. Успенского и Н. К. Клуге (ИКИ. XIV). „Православная церковная архитектура XII—XVIII столетий в нын. Сербском королевстве“ исследована П. П. Покрышкиным (П. 1906). О памятниках византийского искусства в Греции см. статью Ф. И. Шмита в ЖМНП. 1912, июль, которому принадлежат и специальные статьи о мозаиках монастыря преп. Луки в Фокиде (Сборник Бузескула), о памятниках Мистры (ЖМНП. 1911, июнь), о поздне-византийских храмовых росписях (ВВ. 1916). Архитектуру и мозаики храма Успения Богородицы в Никее исследовал О. Ф. Вульф (ВВ. VII).

[2]) См. В. В. Стасов. ЖМНП. 1883, апрель = Собрание сочинений, II.

[3]) Об этой же мозаике см. статью С. А. Усова во II т. его сочинений (М. 1892), где помещены также обстоятельные статьи того же автора о миниатюрах Россанского евангелия и Сирийского евангелия в Лаврентианской библиотеке.

[4]) Позднее „Зооморфические инициалы греческих и глаголических рукописей X—XI вв.“ синайского монастыря были изданы Н. П. Кондаковым в 121-м вып. „Памятников древней письменности и искусства“ (П. 1903). Результаты неоднократных экспедиций на Синай В. Н. Бенешевича пока опубликованы лишь отчасти.

[5]) О русской археологии в Палестине см. М. И. Ростовцев в ХВ. I, 1912.

[6]) Отчет о раскопках в 7-м вып. ППС., II. 1884.

по данным письменных источников (там же, 1903) [1]). Н. П. Кондаков в обширной статье „Иерусалим Христианский“ (Правосл. Богословская Энциклопедия, VI, 1908) дал исчерпывающее общее изложение историко-археологических вопросов, связанных со св. Градом и его постройками. Результаты предпринятого Н. П. Кондаковым, по инициативе Палестинского общества, в 1891—2 г.г., „Археологического путешествия по Сирии и Палестине“ (П. 1904), были чрезвычайно плодотворны. Помимо обогащения науки многими или новыми, или ранее детально не обследованными, или неправильно освещенными памятниками Сирии, Заиорданья и Палестины, путешествие это дало возможность Н. П. Кондакову поставить и отчасти решить ряд принципиальных вопросов, касающихся вообще палестинской и сирийской археологии в ее отношениях к христианскому искусству. В обширном введении Н. П. Кондаков указывает на оригинальные стороны древностей Сирии в архитектуре и орнаментике, разбирает существующие в науке воззрения на источники христианского искусства и отмечает первенствующее значение Палестины в таких вопросах, как происхождение базилики, переход сирийской базиличной башни с Востока на Запад, происхождение аканфа в архитектуре IV—VIII вв., связь византийской иконографии с Палестиною в период сложения иконографических сюжетов и пр. В особой главе Н. П. Кондаков исследует вопрос об истории Гроба Господня и сопоставляет литературные о нем свидетельства с памятниками вещественными [2]).

Д. А. Хвольсон, Н. В. Покровский и Я. И. Смирнов издали замечательный памятник сирийского происхождения „Сирийское блюдо, найденное в Пермском крае“ (МАР. № 22, 1899; см. об этом памятнике большую статью В. В. Стасова в ЖМНП. 1904, и отдельно) [3]).

---

[1]) См. его же статьи: Некоторые данные русских летописей о Палестине (СПО. 1906), Примечания к тексту книги „Паломник“ Антония Новгородского (ЖМНП. 1906. 1908). Палестинским памятникам посвящены статьи в СПО. за 1909 (П. Н. Безобразов, Постройки императора Константина в Иерусалиме; В. К. Маккавейский, Голгофа), 1910 (Е. Я. Полянский, Евангельская купель Вифезда), 1913 (П. В. Безобразов, Голгофа), 1916 (П. В. Безобразов, Вифлеемский храм Рождества Христова).

[2]) Об экспедиции в Сирию Константинопольского Института и о деятельности на пользу археологии Палестинского общества см. стр. 127. 131. По почину Константинопольского Института художник Н. К. Клуге занялся в 1897 г. с'емкою планов, зарисовкою акварелью и фотографированием открытых в то время памятников древности в заиорданском селении Мадебе. Материалы, добытые Клуге, обработаны А. А. Павловским в ст. „Мадеба“ (ИКИ. VIII, 1902).

[3]) О сирийских рукописях с миниатюрами (VI в.) в Парижской Национальной библиотеке и Британском Музее и о Сирийской рукописи евангелия с миниатюрами (XIII в.) библиотеки Британского Музея писал Е. К. Редин (АИЗ. 1895. ЗООИД, XXI, 1898).

Я. И. Смирнов, во время своего путешествия по Востоку в 1895 г., сделал замечательную находку на Кипре, где открыл неизвестные до тех пор мозаики в двух церквах: Panaghia Angeloktistos и Panagia Kanakaria (ВВ. 1897); позже первую из упомянутых церквей подверг детальному рассмотрению Ф. И. Шмит (ИКИ. XV, 1911). Тот же Я. И. Смирнов собрал богатый археологический материал, важный для христианской археологии, в Малой Азии, великодушно уступленный им впоследствии для издания Стржиговскому

Одним из любопытных ответвлений христианского искусства, в его восточной ориентации, является искусство христианского Египта, так наз. коптское, и эфиопское (абиссинское). И для этих отделов нашлись у нас свои специалисты. Покойный В. Г. Бок, в 1888—9 гг., вывез из Египта много новых памятников коптского искусства (они хранятся в Эрмитаже), среди которых первое место занимают коптские узорчатые ткани, исследованные В. Г. Боком в особом труде (Труды VIII Археологического С‘езда, 1887). Еще обильнее, по своим результатам, была экспедиция В. Г. Бока в Египет в 1897—8 гг., когда он предпринял раскопки некоторых древне-христианских монастырей и некрополей. Результаты этой экспедиции были изданы, уже после смерти В. Г. Бока, под редакцией Я. И. Смирнова и В. С. Голенищева („Материалы по археологии христианского Египта“, П. 1901; рецензия Д. В. Айналова в ВВ. 1902 [1]).

В 1884—5 гг. два русских архитектора, покойные А. Н. Померанцев и Ф. И. Чагин, с большою тщательностью исполнили, изданные значительно позднее, в двух выпусках (П. 1908—10), рисунки Палатинской капеллы в Палермо. Руководствуясь этими рисунками, покойный А. А. Павловский исследовал роспись этой капеллы в сочинении „Живопись Палатинской капеллы в Палермо“ (П. 1890) и сопоставил живопись эту с изображениями однородного содержания в памятниках византийского искусства, современных капелле, или им предшествовавших. Византийские мозаики сицилийских церквей XII в., собора в Чефалу́ и так наз. Марторана в Палермо, были описаны покойным А. Н. Щукаревым (ЗРАО. IV, 1890).

---

[1]) См. также статьи: Бока „Бронзовый коптский сосуд“ (ЗРАО. VII), В. Ф. Грюнейзена „Египто-эллинистический ритуальный портрет и средневековые портреты Рима с tabula circa verticem“ (ХВ. I, 1912), В. В. Стасова, „Коптская и эфиопская архитектура“ (Собр соч. II). Для абиссинской археологии статьи Б. А. Тураева и Д. В. Айналова „Произведения абиссинской живописи, собранные Кохановским“ (ХВ. II, 1914), Тураева „Абиссинские магические свитки“ (Сборник Уваровой).

Кавказ и Закавказье всегда давали обильную и разнообразную жатву памятников христианского искусства и быта. Раскопки Н. Я. Марра в Ани, экспедиции П. С. Уваровой на Кавказ (выше, 121.128) обогатили археологию большим запасом материала, свежего и до сих пор отчасти лишь использованного в научном отношении. Исследовательская работа над памятниками, происходящими с Кавказа, была бы, в значительной степени, облегчена, если бы памятники эти были, хотя бы, зарегистрированны и сгруппированы в одном издании, в роде той „Описи памятников древности в некоторых храмах и монастырях Грузии", которая выполнена была, в свое время, Н. П. Кондаковым (П. 1890). Пока такой регистрационной и классификаторской работы произведено не будет, изучение памятников Кавказа, неизбежно, будет вращаться в сфере специальных исследований над отдельными памятниками, или группами их, по образцу уже существующих. [1])

Имеющиеся общие обзоры христианских древностей Кавказа Д. Бакрадзе (Кавказ в древних памятниках христианства. Зап. Общ. Любителей Кавказской археологии 1, 1875) и И. И. Тол-

---

[1]) Д. И. Гримм, Памятники христианской архитектуры Грузии и Армении, П. 1866. Н. П. Кондаков, Древняя архитектура Грузии (ТМАО. VI., 1876). Д. Бакрадзе, Археологическое путешествие по Гурии и Адчаре, П. 1878. Арх. М. Тер-Мовсесян, Раскопки развалин церкви св. Григория близь Эчмиадзина (ИАК. 7); Эчмиадзин и древнейшее армянское искусство (П. 1905). Н. Я. Марр, Армянская церковь в Аруче (Талыне) (ИАК. 12). Т. Тороманян и Н. Я. Марр, О древних формах Эчмиадзинского храма (ЗВОРАО. XIX). Н. Я. Марр, Новые археологические данные о постройках типа Ереруйской базилики (там же); Ереруйская базилика (Изв. Акад. Наук, 1909. 16). В В. Стасов, Армянские рукописи и их орнаментика (Сочинения, т. II). Н. В. Покровский, Миниатюры евангелия Гелатского монастыря (ЗРОРАО. IV. и отдельно 1887). Е. К. Редин, Диптих Эчмиадзинской библиотеки (ЗРАО. V). Д. В. Айналов, Обломок в Историческом Музее в Москве (АИЗ. II). Ф И Шмит, Заметки о поздне-византийских храмовых росписях (ВВ. XXII), где автор старается подчеркнуть особое „интернациональное" значение христианского искусства Кавказа. Н. Л. Окунев", О грузино-греческой рукописи с миниатюрами (ХВ. I). И. А. Джавахов, К вопросу о времени построения грузинского храма в Атене (там же); Термины искусств и главнейшие сведения о памятниках искусства и материальной культуры в древне-грузинской литературе (ХВ. III) Г. Н. Чубинов, Саорбисская церковь (ХВ. IV). Гарегин, Образчик армянских церковных вышивок (ХВ. V). И А Орбели, Два серебряные ковша XVI в. с армянскими и греческими надписями (там же). Е. Такайшвили, Суджунская церковь и ее древности (там же). И. А. Орбели, Балаванский храм и его надписи (там же). Д. П. Гордеев. Описание пяти эмалевых медальонов с грузинскими надписями (там же). Г. Н. Чубинов, Церковь близь селения Болнис-Капанакчи (там же). См., сверх того, указанную выше литературу по Анийским древностям и „Материалы по археологии Кавказа", а также ориентирующие статьи И. А. Орбели „Армянское искусство" и „Грузинское искусство" в III и XV тт. НЭС.

стого и Н. П. Кондакова (Русские древности, IV, П. 1891), в значительной части, устарели [1]).

В Крыму, главным образом, Керчь и Херсонес дали обильные материалы для христианской археологии. Керчь сохранила любопытную христианскую катакомбу, датированную 491 г., с надписями и крестами разнообразной формы. Катакомба была исследована покойным Ю. А. Кулаковским в МАР. № 6 (1891, см. его же „Eine altchristliche Grabkammer in Kertsch aus dem Jahre 491“. Röm. Quartalschrift, VIII, 1894 [2]). В другой керченской катакомбе найдено было серебряное блюдо с изображением всадника, в диадеме и с копьем в руке, телохранителя, стоящего позади всадника, и фигуры Победы с венком, впереди всадника. Иос. Стржиговский и Н. В. Покровский, издавшие этот памятники в МАР. № 8 (1892), признали в блюде подносный, или коммеморативный щит, а в едущем на коне победителе—Юстиниана Великого [3]). Остатки византийской глазированной посуды, найденные в Феодосии, опубликованы в упомянутом (стр. 117) издании Э. Р. Штерна.

Архитектурные остатки открытых в Херсонесе византийских церквей и часовен подробно рассмотрены А. Л. Бертье-Делагардом в его сочинении „Раскопки Херсонеса“ (МАР. № 12, 1893; см. об этом сочинении рецензии Н. П. Кондакова в ЖМНП. 1893, декабрь, и В. В. Латышева в ЗРАО. VIII); начало установившегося в Херсонесе типа церковных построек автор относит к VI—VII вв., а самое сооружение, сохранившихся в развалинах, церквей помещает между VII и X вв. В другой работе „О Херсонесе“ (ИАК. 21, 1907) А. Л. Бертье-Делагард представил подробное исследование херсонесского крестообразного храма, крещальни и крепостной ограде. В 1-м выпуске „Памятников христианского Херсонеса“ (М. 1915) Д. В. Айналовым тщательно описаны развалины храмов и усыпальниц, открытых, в разное время, в Херсонесе, а в статье „Мемории св. Климента и св. Мартина в Херсонесе“ (ТМАО. XXV, 1915) дано об‘яснение этого рода памят-

---

1) Будем надеяться, что основанный в Тифлисе, по инициативе Н. Я. Марра и находящийся в ведении Академии Наук, „Кавказский историко-археологический Институт“ сумеет наладить археологическую работу на Кавказе вообще. См. записку об Институте, напечатанную (на правах рукописи) как приложение к протоколу X заседания Отделения Исторических наук и Филологии Академи Наук в сентябре 1917 г.

2) Ю. А. Кулаковскому принадлежит статья „Керчь и ее христианские памятники“ в IX т. (1908) „Правосл. Богословской Энциклопедии“.

3) Об облачении императора на этом щите см. трактат Д. Ф. Беляева в ЖМНП. 1893. Происходящие из Керчи три древне-христианских сосуда (один из слоновой кости, два стеклянные, V—VI вв.) изданы Д. В. Айналовым в ЗРАО. V (1892).

ников [1]). Общий обзор христианских древностей Крыма дан И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым в IV вып. „Русских древностей".

45. Из Херсонеса, летописной Корсуни, прямой путь в Киев. Прежде, чем говорить о работах, посвященных его памятникам, упомянем о трудах, касающихся специально византийской и русско-византийской иконографии, имеющей столь важное значение для христианской археологии вообще. Трудов этих много, и некоторые из них отличаются большою обстоятельностью. Это относится, в особенности, к большим изданиям Н. В. Покровского „Страшный суд в памятниках византийского и русского искусства", Од. 1887 (TVIАС. III), „Стенные росписи в древних храмах греческих и русских", М. 1890 (TVIIАС., см. отзыв Н. П. Кондакова в ЗРАО. VI), „Евангелие в памятниках иконографии византийских и русских" (П. 1892; отзывы об этом сочинении: И. В. Помяловского в ЖМНП. 1892, январь; И. В. Цветаева, там же, март; А. И. Кирпичникова в ЗРАО. VII); А. И. Кирпичникова „Иконография Вознесения Христова" (TVIАС. III), „Успение Богородицы в легенде и искусстве (там же, II), „Этюды по иконографии Рождества Христова" (ЗРАО. VII, 1894), „К иконографии Сошествия св. Духа" (М. 1893); И. Н. Богословского „Бог-Отец в памятниках древне-христианского искусства" (М. 1893); И. А. Шляпкина „Иконография вел. кн. Александра Невского" (П. 1915); Н. П. Лихачева „Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображения Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон (П. 1911); Е. Редина „Миниатюры апокрифического евангелия детства Христа Лаврециaнской библиотеки" (ЗРАО. VII, 1894); „Материалы для византийской и древне-русской иконографии" (АИЗ. 1895) и, в особенности, посмертный его труд „Христианская топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам" (М. 1916), появлению которого предшествовали многочисленные статьи Е. К. Редина, имеющие отношение к лицевыми рукописями Козьмы Индикоплова [2]).

Однако, и в области иконографии, как и во всех других областях византийского и византийско-русского искусства, исследователем, открывающим новые пути, является все тот же Н. П. Кондаков. В предпринятом бывшим Комитетом попечительства о рус-

[1]) Остатки Партенитской (ок. Гурзуфа) базилики исследованы Н. И. Репниковым в ИАК. 32.

[2]) См. также А. А. Павловский, К вопросу об изображениях евангелистов, П. 1894. Д. В Айналов, Сцены из жизни Богородицы на саркофаге Adelfia (АИЗ. 1895). Ф. И. Шмит, Один из иконографических вариантов Крещения Спасителя; Благовещение (ИКИ. XV). Н. Д. Протасов, Материалы для иконографии воскресшего Спасителя (Богосл. Вестник 1913).

ской иконописи издании лицевого иконописного подлинника Н. П. Кондакову принадлежит исследование (сопровождаемое большим атласом снимков), посвященное иконографии Христа (П. 1905). Трактат Н. П. Кондакова „Иконография Богоматери; связи греческой и русской иконописи с итальянскою живописью раннего Возрождения“ (П. 1911) послужил как бы преддверием к его замечательному, богато иллюстрированному, исследованию „Иконография Богоматери“ (П. 1914—1915). Основная задача этого труда „дать историческую иконографию Богоматери“ и на „живом примере подобранных памятников показать, что и в истории восточной Европы искусство не умирало, развивая по своему и мысль и ее выражение“ (Труд не окончен; в вышедших двух томах изложение доведено до XIV в.; третий том посвященный Мадоннам Италии, давно готов в рукописи).

Большое предприятие по каталогизации и систематизации византийских монет, дающих такой обильный и интересный материал и для византийской иконографии, материал, кстати сказать, недостаточно использованный, было предпринято И. И. Толстым. К сожалению, смерть помешала автору довести до конца предпринятое им роскошное издание „Византийские монеты“ (П. 1912—1944), остановившееся на 9-м выпуске (монеты Михаила III, 842—867). Каталог моливдовулов (свинцовых печатей), принадлежащих собранию Русского Археологического Института в Константинополе, составлен был покойным Б. А. Панченко (ИКИ. VIII, 1903. XIII, 1908 [1]). Выборку некоторых материалов по византийской археологии дают „Византийский альбом“ А. С. Уварова (М. 1890) и „Собрание византийских, грузинских и древне-русских орнаментов и памятников архитектуры“ Г. Г. Гагарина (П. 1897).

Под общим заглавие „Byzantina“ покойный Д. Ф. Беляев дал ряд образцово-поучительных очерков и заметок по византийским бытовым древностям и Константинопольской топографии. В основу своих разысканий Д. Ф. Беляев положил внимательное изучение придворного устава Константина Багрянородного („О церемониях византийского двора“) и привлек для об‘яснения устава соответствующие археологические памятники. Первый том „Byzantina“ (ЗРАО. V, и отдельно, П. 1891) посвящен обзору главных частей большого дворца византийских царей; второй—ежедневным приемам византийских царей и праздничным выходам их в храм св. Софии в IX—X вв. (ЗРАО. VI, и отдельно, П. 1893); третий—богомольным выходам византийских царей в городские и пригородные храмы Константинополя (ЗКОРАО. VI, и отдельно 1901). Сочине-

[1]) См. также Н. П. Лихачев, Некоторые старейшие типы печатей Византийской империи, М. 1911.

ние Д. Ф. Беляева дает, своего рода, археологический комментарий к уставу Константина Багрянородного, в котором этот замечательный, но недостаточно использованный для нужд археологии памятник так остро нуждается. Д. Ф. Беляев, прошедший основательную школу, как филолог-классик, показал своими „Byzantina“, в каком направлении и ка̀к устав Константина должен изучаться, и было бы очень желательно, чтобы поданный им пример нашел продолжателей [1]).

Такого блестящего расцвета достигли у нас археологические занятия, посвященные византийскому, точнее сказать, восточно-христианскому искусству, благодаря работам и старшего и младшего поколений наших византинистов. Результаты этих работ вошли в обще-научный обиход, и по отношению к сочинениям, посвященным Византии, хотя бы они были написаны по-русски, давно уже забыто на Западе „Rossica non leguntur“. Их, эти сочинения, наши европейские собратья читают, внимательно изучают, постоянно на них ссылаются не только в своих специальных работах, но и в трудах общего характера, представляющих собою общие обзоры византийского искусства и археологии. Наши корифеи византиноведения пока не дали еще такого общего обзора, если не считать неоднократно издававшегося курса лекций, читанных Н. В. Покровским в Петроградской Духовной Академии. Последнее издание этого курса, вышедшее в 1915 г., носит заглавие „Церковная археология в связи с историей христианского искусства“. Это полезная книга, особенно в тех ее отделах, которые посвящены иконографии; но она мало пригодна для того, чтобы дать читателю правильное представление о той основе, на которой стоит теперь археологическая наука—стилистический анализ памятников, проводимый на широкой исторической основе [2]).

46. По сравнению с блестящим развитием археологических занятий, посвященных Византии и христианскому Востоку, работы русских ученых, касающиеся археологии западного Средневековья

---

[1]) Книга иеромонаха Иоанна „Обрядник византийского двора, как церковно-археологический источник“ (М. 1905), не принадлежит к числу удачных. См. рецензию Д. Ф. Беляева в ВВ III.

[2]) Толково составлены Н. Л. Окуневым статьи „Византийское искусство“ и „Древне-христианское искусство“ в X и XVI тт. НЭС.; прекрасная статья о коптском искусстве Б. А. Тураева в XXII т. того же словаря. См. также указанные выше статьи И. А. Орбели об армянском и грузинском искусстве, а также курсы по истории средневекового искусства А. А. Павловского (Од. 1913) и Г. Г. Павлуцкого (Киев, 1908), по истории христианского искусства А. М. Миронова (Казань, 1909), статью Г. Г. Павлуцкого о происхождении и развитии византийского искусства (КУИ. XIV, 1917), великолепно иллюстрированную „Историю Византийской Империи“ Ф. И. Успенского (Т. I, П. 1913).

и эпохи Возрождения, представляются более, чем скромными. Причину этого, отчасти, приходится об'яснять тем, что университетское преподавание истории средневекового и нового искусства лишь, сравнительно, очень недавно получило права гражданства и то далеко не во всех университетах. Можно указать на некоторое количество статей и заметок (за последние годы, в особенности, в журналах „Художественные Сокровища России“ и „Старые годы“), где изданы памятники средневекового искусства и эпохи Возрождения, но все эти работы носят, более или менее, случайный характер [1]). Из сочинений более или менее общего характера можно отметить устаревшую книгу К. К. Гёрца „О состоянии живописи в северной Европе в IX и X в.в.“ (Спб., 1859); монографию Н. Бенуа, А. Резанова и А. Кракау об Орвиетском соборе (Monographie de la Cathedrale d'Orviéto, Париж 1877); Вл. Гиацинтова о Николае Пизанском (Возрождение итальянской скульптуры в произведениях Николо Пизано, М. 1901); М. Горбова о Донателло (М. 1913); Д. А. Шмита о римской пластике Кваттроченто (Die Altäre des Guillaume Perriers und verwandte Werke, П. 1899); Д. В. Антоновича о ломбардской скульптуре XIV в. (Первые мастера из Кампионе в Модене. КУИ. 1910, № 3); А. А. Константиновой „Мадонны Леонардо да Винчи“ (П., s. a.); Д. В. Айналова „К вопросу о росписи потолка Stanza Eliodoro в Ватикане“ („Искусство“, Киев 1912), его же „Этюды по истории искусства Возрождения“ (К истории мозаик церкви S. Maria Maggiore в Риме. Живопись Джотто в нижней церкви св. Франциска в Ассизи. ЗКОРАО. У, и отдельно 1908); Н. П. Кондакова „Новая Ватиканская пинакотека“ (Старые Годы, 1911, март); А. И. Анисимова „Дар Филарета Никитича храму Гроба Господня“ (Сборник Уваровой [2]). В последние

[1]) См., например, И. В. Помяловский, Археологическая находка в Пуатье, ипогей Меллебауда VI—VII в.в. (ЗРАО. II, 1887). Я. И. Смирнов, О бронзовом водолее западно-европейской работы XII в., найденном в Харьковской губ., и о других подобных находках в пределах России (Зап. Харьк. Унив., 1902, и отдельно). А. Н. Кубе, Испано-мавританские фаянсы Эрмитажа (Старые Годы, 1914, май); Фаянсы из Сен-Поршера (там же, 1915, декабрь).

[2]) Увлекательно написаны научно-популярные, правда, устаревшие книги А. Вышеславцева: Джиотто и Джиоттисты (П. 1881), Искусство Италии XV в. Флоренция (П. 1883), Умбрия и живописные школы сев. Италии (П. 1885), Рафаэль (П. 1894). Такого же характера, но гораздо суше, „Итальянское искусство в эпоху Возрождения“ А. Фрикена (2 тт., М. 1891—5). Толково составлены ориентирующие статьи в НЭС. А. Н. Кубе об искусстве: Готическом (т. XIV), Итальянском (т. XIX), Нидерландском (т. XXVIII); А. Н. Бенуа о Голландском и Английском искусстве, Барокко (П. V. XIII). В том же словаре см. статьи А. Н. Кубе: Венецианское стекло (т. X).; Воск в искусстве (т. XI); Глиптика (т. XIII); Керамика (т. XXI); Мебель, Миниатюра (т. XXVI); статьи В. Н. Ракинта: Мозаика (т. XXVI) и Немецкое искусство (т. XXIX).

десятилетия заметен был интерес к Дюреру [1]). Интересно задуманный и богато иллюстрированный труд А. Н. Бенуа „История живописи всех времен и народов“ остался, к сожалению, неоконченным [2]).

47. Сказанное о характере научной разработки в русской литературе археологии средневекового Запада и археологии эпохи Возрождения может относиться, до известной степени, и к разработке археологии восточной, понимая под нею археологию и искусство средней и дальне-восточной Азии. Литература в этой области не очень обширна, хотя она и достаточно разнообразно представлена хорошими исследованиями. Надо заметить, что на бывшем факультете восточных языков Петроградского университета блестяще было поставлено преподавание, главным образом, историко-филологических дисциплин и, до самых последних лет, очень мало уделено было места преподаванию того, что можно было бы назвать восточною археологией. Поэтому и специалистам-археологам вырабатываться у нас, в сущности, было негде. Лишь С. Ф. Ольденбург, с давних уже пор, от времени до времени, обращался к памятникам буддийской археологии в своих статьях (Заметки о буддийском искусстве. Вост. Заметки, П. 1895; Буддийское искусство в Индии. Изв. Акад. Наук, 1901, февраль; Буддийское искусство в Индии, Тибете и Монголии. ЖМНП. 1902, июль; Сборник изображений 300 бурханов, П. 1903; Исследование памятников старинных культур китайского Туркестана. ЖМНП. 1904, январь; Краткие заметки о некоторых непальских миниатюрах. ЗВОРАО. XVI, 1905; Кульджинские буддийские терракоттовые пластинки собр. Н. Н. Кроткова. Изв. Акад. Наук, 1909, № 8; Организация археологического изучения Индии. ИАИМК. I) [3]). В области китайской археологии можно указать на работы Н. И. Веселовского („Китайские символы в предметах украшения“. Сборник Бобринского); В. М. Алексеева („Китайские монетовидные амулеты и благожелательные медали из коллекции Эрмитажа“. ЗВОРАО. XXI); А. И. Иванова („Символический орнамент в Китае“. Материалы по этнографии, изд. Русского Музея, III, 1912); „Металлическое китайское зеркало“.

---

[1]) А. М. Миронов, Альбрехт Дюрер, его жизнь и художественная деятельность (М. 1901); Фальсификации, подражания и копии произведений А. Дюрера в русских художественных собраниях (Казань, 1908). Вл. К. Мальмберг, Портреты Дюрера (Труды Всеросс. с'езда художников в Спб. I). А. А. Сидоров, „Четыре Апостола“ А. Дюрера и связанные с ними спорные вопросы (ЗКОРАО. IX, 1917); Манни и Дюрер (Сборник Мальмберга).

[2]) Имеющееся в переводе „Руководство к истории живописи со времен Константина Великого“ Фр. Куглера (М. 1872) совершенно устарело.

[3]) С. Ф. Ольденбургу принадлежит и ориентирующая статья „Буддийское искусство“ в VIII т. НЭС, где приведены и указания на литературу предмета.

Изв. Акад. Наук, 1910, № 12)[1]). Обширнее представлена литература по мусульманской археологии, причем все труды, сюда относящиеся и появившиеся до XX века (и на русском и на иностранных языках), подробно систематизированы в указанных выше (стр. 58) материалах, собранных В. Г. Тизенгаузеном и изданных после его смерти К. А. Иностранцевым и Я. И. Смирновым. В течение нового века должно отметить обзоры, общего характера, В. В. Бартольда: „Историко-археологический обзор Ирана" (П. 1903); „История изучения Востока в Европе и в России" (П. 1911); „Культура мусульманства" (П. 1918); „Ислам" (П. 1918); „Мусульманский мир" (Введение в науку. История, вып. 22, П. 1922)[2]). На ряду с этими трудами, должны быть отмечены работы, посвященные изданию отдельных памятников: „Мечети Самарканда. Вып. I. Гур-Емир" (П. 1905, изд. Археол. Ком.); Н. И. Веселовского „Гератский бронзовый котелок 559 г. гиджры (1163 г.) из собрания А. А. Бобринского (МАР. № 33, 1910, ср. К. А. Иностранцев в ИАК. 60); П. И. Щукина „Персидские вещи Щукинского собрания" (М. 1907); Д. В. Айналова „Восточные металлические зеркала" (Изв. Общ. Арх., Ист. и Этногр. XVI; Зап. Харьк. Унив. 1903), а также работы К. А. Иностранцева по бытовым древностям (Торжественный выезд фатымидских халифов, П. 1905; О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. ЖМНП. 1909, март; Венец индо-скифского царя, тюрбан индийцев в восточном искусстве и женский головной убор Кафиристана. Изв. Акад. Наук, 1909, № 2) и по древностям Средней Азии (Симаков, Искусство Средней Азии, П. 1882; А. Е. Фелькерзам, Старинные ковры Средней Азии, П. 1915; Н. И. Веселовский, Памятник Ходжен-Ахрара в Самарканде. Вост. заметки, П. 1895; Н. Н. Пантусов, Древности Средней Азии, П. 1902; С. М. Дудин, Орнаментика и современное состояние Самаркандских мечетей. ИАК. 7; А. Д. Калмыков, Основные вопросы средне-азиатской археологии. Сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии, XIV).

48. Русскими древностями, в строгом смысле этого слова, т.-е. памятниками искусства, старины и быта, созданными в пределах России в различные эпохи ее государственного существования, русские ученые, просвещенные любители и просто любители заин-

---

[1]) А. И. Иванову принадлежит статья „Китайское искусство" в XXI т. НЭС.

[2]) В. В. Бартольду принадлежат статьи: Орнаментировка первых мусульманских мечетей. Ежегодник Инст. Ист. Иск. I; Отчет о командировке в Туркестан, Монеты Улугбека, Восточно-иранский вопрос в ИАИМК. II (1922). Там же статья Ф. А. Розенберга, Персидская миниатюра конца XVI в. Ориентирующая статья И. А. Орбели „Мусульманское искусство" в XXVII т. НЭС.

тересовались давно. Однако, русская археология, как самодовлеющая научная дисциплина, ведет свое происхождение с очень недавних пор и находится, строго говоря, в начальном периоде своего развития. В течение долгого времени русская археология, подобно своим старшим сестрам, археологии классической и византийской, разрабатывалась исключительно антикварно и стояла в ближайшем отношении к русской истории, пока, наконец, с конца прошлого века, и по отношению к вещественным памятникам русской старины не приложены были те методы стилистического анализа, которые роднят археологию с историей искусства.

Первым из русских историков, уделивших большое внимание археологическим памятникам, был М. П. Погодин (1800—75) [1]. „К его знанию русской археологической библиографии, к его сочувствию и живому слову обратился граф Уваров для открытия общих собраний Первого Археологического С'езда общею речью о „Судьбах археологии в России". В этом широком обозрении всего хода археологических занятий в России, Погодин совместил и самый внимательный перечень всего сделанного, очерк всего прошлого русской археологии, от сотрудников графа Румянцева до своих современников, на всем пространстве России и во всех исторических поприщах. Для расширения ее успехов в будущем, он требовал умножения общедоступных обзоров по археологии, открытия публичных лекций по предмету, заявлял о необходимости провинциальных музеев, о важности составления всякого рода археологических карт, о желательности применения государственных мер к делу сохранения и восстановления древних памятников". К своему труду по древней русской истории Погодин приложил обширный археологический атлас, где воспроизведено и об'яснено много памятников до-татарской Руси. „Погодин был в свое время наиболее известным и счастливым собирателем русских древностей... Вся русская общественная археология была ему любопытна и все памятники древности, искусства, старинного быта России ему казались важными по отношению к общей святыне—русской старине" (Н. П. Кондаков).

Младшими современниками Погодина были И. Е. Забелин и Ф. И. Буслаев. Забелин (1820—1908), в 60-х и 70-х г.г. бывший членом Археологической Комиссии и произведший много раскопок „скифских" курганов в Екатеринославской губернии и на Таманском полуострове (находки, им сделанные, описаны в „Древностях Геродотовой Скифии" и в „Отчетах" Комиссии), прославился хорошо всем знакомыми трудами по истории внешнего быта („Домаш-

---

[1]) Н. П. Кондаков, Погодин как археолог. Сборник Отд. русского языка и слов. Академии Наук. LXXI, 1901.

ний быт русских царей в XVI—XVII в.в.“, М. 1862; „Домашний быт русских цариц в XVI—XVII в.в.“, М. 1869—были и последующие издания; „Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве“. Вестник Европы, 1871, №№ 1 и 2; „История русской жизни с древнейших времен“, 2 тт., I-е изд. 1876—79, 2-е исправленное, под редакцией А. В. Орешникова, М. 1908. 12; „Опыт изучения русских древностей“, 2 тт., 1872. 73, „Черты самобытности в древне-русском зодчестве“. Древняя и Новая Россия, 1878, №№ 3 и 4 и отдельно, М. 1900; „История г. Москвы“, I т., 1902; 2-е издание, М. 1905). Все эти, живо и увлекательно написанные, сочинения И. Е. Забелина долго будут читаться просвещенными людьми и многому будут поучать их. Нужно, однако, помнить, что мастистый автор их был типичным археологом-антикваром, в лучшем смысле этого слова. Не пройдя основательной археологической школы, изучив археологию более практически, чем теоретически, Забелин подходил к оценке вещественных памятников скорее „нутром“, чем при помощи детального их анализа [1]).

Ф. И. Буслаев (1818—1897) перешел к занятиям русскою археологиею от занятий русской народной словесностью, определяя одинаково древнюю словесность и искусство со стороны их основной народной стихии. С самого же начала, с первых своих этюдов „О народности в древне-русской литературе и искусстве“ и до последних своих работ, он ограничил область русской археологии иконописью, лицевыми рукописями, подлинником („Общие понятия о русской иконописи“, „Изображение страшного суда по русским подлинникам“, „Византийская и древне-русская символика по рукописям от XV до конца XVIII в.“, „Для истории русской живописи XVI в.“, „Литература русских иконописных подлинников“, „Русский лицевой апокалипсис“ [2]). В противоположность Погодину и Забелину, Буслаев получил основательную, по тому времени, подготовку по археологии вообще: в молодости он занимался в Германии, Франции и Италии изучением памятников классического искусства; позже, в начале 60-х гг., отправился вторично за-границу с специальною целью заняться историею искусства, а в 70-х гг. был там дважды

---

[1]) П. Н. Ардашев, Забелин, как теоретик археологии. ТМАО. XXII, 1909. Д. Н. Анучин, Забелин как археолог (там же). Полный список трудов Забелина дан в приложении к „Юбилейному отчету Исторического Музея“ (М. 1912).

[2]) Обстоятельная рецензия Н. П. Кондакова на это сочинение, полная важных замечаний и обобщений, помещена в ЖМНП. 1885, июнь. Работы Ф. И. Буслаева по археологии и истории искусства сопоставлены в I и II тт. предпринятого Академией Наук собрания его сочинений, П. 1908. 10. См. также сборник статей Буслаева „Мои досуги“ (М. 1886), в первом томе которого помещены его статьи по истории искусства классического, средневекового и современного.

с целью изучения миниатюр рукописей. Знакомство Буслаева с памятниками искусства и старины других народов предохранило его от узко-национального взгляда на таковые же памятники русские, направило его занятия по пути сравнительного метода. И если Буслаев в своих занятиях археологией интересовался, преимущественно, содержанием памятника, а не его стилем и формою, то это находит свое об'яснение, с одной стороны, в господствовавшем в его время методе исследования, с другой—тем, что его занятия памятниками вещественными всегда шли, как сказано, параллельно с занятиями памятниками письменными. Его главным образом интересовало отношение памятников русского искусства и старины к религии, народным верованиям. Поэтому иконографическая часть археологии была у Буслаева всегда на первом плане. „Приемы изучения русской иконографии", говорит Н. П. Кондаков о своем учителе: „сводившие все содержание к неизменному будто бы преданию, в ней исключительно действовавшему, обезличивали древне-русское искусство, разлагая его на древние образцы, позднейшие формы и их искажения", и, тем не менее, „подчиняясь, в противность высказанным взглядам и придуманным теориям, общему движению к изучению народности и родной старины", Буслаев „полагал основы ее научного исследования" [1]).

На положенных Буслаевым основах русской археологии начал возводить ее здание тот же Н. П. Кондаков. К изучению русских вещественных памятников он шел постепенно, отправляясь от хорошо им изученных уже памятников византийских. Знаменательно было появление в 1887 г. статьи Н. П. Кондакова „О фресках лестницы Киево-Софийского собора" (ЗРАО. III), где он впервые доказал, что сюжеты этих фресок (равно как и их стиль) взяты исключительно из древности византийской и никакого прямого отношения к древне-русскому быту не имеют. В 1896 г. вышло в свет изданное Археологической Комиссией замечательное сочинение Н. П. Кондакова „Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода". В этом богато иллюстрированном труде дано не только описание кладов, начиная с Рязанского, открытого в 1822 г., и кончая Черкасским, найденным в 1893 г., но и представлены руководящие указания методологического характера касательно исследования русских древностей до-монгольского периода вообще. Н. П. Кондаков указывает здесь на необходимость исследовать эти древности на основании господствовавших в пределах России стилей: „арабского",

---

[1]) О Буслаеве см. Д. В. Айналов, Значение Ф. И. Буслаева в науке истории искусства, Казань 1898. Е. К. Редин, Обзор трудов Ф. И. Буслаева по истории и археологии искусства, Харьков 1898.

„Зверного“, „Корсунского“ (или греко-восточного). В третьей главе сочинения дан художественно-исторический разбор отдельных бытовых и церемониальных предметов, форм украшения и уборов мужских и женских в русских древностях домонгольского периода. С основными результатами исследования Н. П. Кондакова можно ознакомиться по пятому выпуску „Русских древностей в памятниках искусства“ (П. 1897), содержащему обзор „курганных древностей и кладов домонгольского периода“.

Тремя годами позднее Н. П. Кондаков прочел в „Обществе любителей древней письменности и искусства“ доклад, напечатанный в № 132 „Памятников“, издаваемых Обществом, „О научных задачах истории древне-русского искусства“ (П. 1899). Доклад этот имеет для русской археологии принципиальное значение по основным мыслям и положениям. Впервые с полною определенностью здесь высказан взгляд на русское искусство, как на „оригинальный, художественный тип, крупное историческое явление, сложившееся работою великорусского племени при содействии целого ряда иноплеменных и восточных народностей, вызванных этим племенем к жизни и художественной деятельности“. Указывая на то, как в самом нарождении русской археологии „сложилось невысокое понятие о ее предмете, о русских древностях и памятниках русской старины“, как „появился и незаметно утвердился отрицательный взгляд на ее значение“, Н. П. Кондаков об'ясняет этот нелестный для предмета русской археологии взгляд „результатом наскоро сделанных обобщений, когда наличность русских древностей ограничивалась немногими собраниями московских любителей и состояла почти исключительно из ремесленных поделок и предметов пошебного народного обихода“, хотя, замечает он, „уже в то время существовала наша Оружейная Палата“. С тех пор запас русских древностей сильно возрос и количественно и качественно, и главный интерес исследователя русских древностей, по замечанию Н. П. Кондакова, должен направиться в сторону „богатства, народной значительности и устойчивости типов“ их, а научные взгляды—„в сторону исторического исследования происхождения этих типов“. Эти типы, художественные и бытовые, богато представлены уже скифо-сарматскими древностями, древностями Сибири и южной России в эпоху переселения народов, древностями Кавказа, „этого колоссального некрополя древних народностей и разнообразных культур, склада изделий мастерских Малой Азии и Сирии и начала искусства и художественной промышленности средневековой Европы“. Жизненные пересадки византийского искусства дали древности Киевской Руси и Грузии. „Суздальская земля была некогда образцом живого роста народного искусства на почве усвоения самых

разносторонних влияний“ (для доказательства самобытности и оригинальности русского искусства, Н. П. Кондаков описывает и объясняет в своем докладе скульптурные украшения Дмитровского собора во Владимире и собора в Юрьеве-Польском). Наконец, следуют памятники московской старины „в ее характерных, поразительных, но пока непонятных формах“.

Доклад Н. П. Кондакова послужил своего рода „боевым кличем“, и русская археология, с начала XX в., вступила в новую полосу своего развития, стала привлекать к себе все большее и большее внимание со стороны ученых исследователей. Сам Н. П. Кондаков принимал в этом движении видное участие и обогатил науку трактатами „О миниатюрах Кенигсбергского списка Начальной летописи“ (П. 1902), „Изображения русской княжеской семьи в (византийских) миниатюрах XI в.“ (П. 1906) [1], где, между прочим, высказывается много ценных соображений о бытовых археологических материалах, представляемых миниатюрами. Ученик Н. П. Кондакова, Д. В. Айналов, начавший свои занятия с изучения памятников древне-христианского и византийского искусства, неизбежно так же, как его учитель, пришел и к памятникам русской археологии. Первая работа Д. В. Айналова, написанная им в сотрудничестве с Е. К. Рединым, посвящена была исследованию мозаик и фресок главного памятника Киевской Руси, Софийского собора („Киево-Софийский собор“. ЗРАО. IV, и отдельно, П. 1889) [2]. В последующих работах Д. В. Айналов занимался исследованием миниатюр Радзивилловской летописи и миниатюр „Сказания о св. Борисе и Глебе“ Сильвестровского сборника (Изв. Отд. Русск. яз. и слов.

---

[1]) Миниатюры сохранились в рукописи Латинской псалтири, писанной по заказу Трирского епископа Эгберта и находящейся в архиве г. Чивидале в Ломбардии. См. А. А. Бобринской, Киевские миниатюры XI в. и портрет кн. Ярослава Изяславовича в псалтири Эгберта, архиепископа Трирского (П. 1903).

[2]) Позднее те же ученые дали научно-популярный очерк о „Древних памятниках искусства Киева“ (Харьков 1899), где описаны Софийский собор, Златоверхий Михайловский и Кирилловский монастыри. Киево-Софийскому собору посвящена работа Ф. И. Шмита (1914), а также специальные статьи: Д. В. Айналова „Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятинной церкви“ (ТХIIАС. III), Вл. К. Мясоедова „Фрески сев. притвора Софийского собора в Киеве“ (ЗРОРАО. X), Н. Л. Окунева „Крещальня Софийского собора в Киеве“ (там же), Д. В. Милеева „О древних полах в Киевской Софии“ (Сборник Бобринского). Я. И. Смирнов в ТХIIIАС. поместил обширное и обстоятельное исследование об открытых им впервые в библиотеке Академии Художеств „Рисунках Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в.“ (М. 1908). О древней топографии Киева см. работы С. Т. Голубева в „Трудах Киевской Дух. Акад.“ 1910, Н. П. Петрова „Историко-топографические очерки древнего Киева“ (Киев 1910). В. Г. Ляскоронского „Киевский Вышгород в удельно-вечевое время“ (Киев 1913). Памятники Киева“ рассмотрены в IV вып. „Русских древностей“ Толстого-Кондакова.

Акад. Наук XIII, 1909. XV, 1911), архитектуры черниговских храмов (Труды Черниг. предвар. Ком. по устройству XIV Арх. С‘езда, 1908), фресковой росписи храма Успения Богородицы в Свияжском монастыре (ТМАО. XXI), а также разбором литературных данных о древнейшем периоде русского искусства [1]. Е. К. Редин, помимо упомянутых выше занятий лицевыми рукописями топографии Козьмы Индоклопова, много потрудился в области регистрации и исследования древностей Харьковского края (О лицевых синодиках, поступивших в распоряжение Харьковского предв. Комитета по устройству XII Археол. С‘езда. Зап. Хар. Унив. 1902; Памятники церковной древности Харьковской губ., Хар. 1900; Церкви г. Харькова. Сборн. Хар. Ист. Филол. Общ. XVI, 1905) [2].

Ученики Д. В. Айналова по Петроградскому Университету сосредоточили свои занятия, главным образом, на изучении древностей новгородских и псковских [3]. Покойный Вл. К. Мясоедов исследовал „Кратиры Софийского собора в Новгороде“ (ЗРОРАО. X, 1915), „Фрагменты фресковой росписи Софии Новгородской (там же), „Два погибших памятника Новгородской старины“ (там же) [4]. Н. П. Сычев писал об „Одном из рельефов Корсунских врат“ (Тверь 1913), об „Иконе Симона Ушакова в Новгородском епархиальном древлехранилище“ (ЗРОРАО. X); Л. А.

¹) Летопись о начальной поре русского искусства (Отчет СПБ. университета за 1903 г.); Два примечания к летописному исповеданию веры (Сборник в честь В. И. Ламанского, П. 1908); Примечания к тексту книги „Паломник“ Антония Новгородского (ЖМНП. 1908 и Сборник в честь Г. А. Корсакова); Дар св. княгини Ольги в ризницу св. Софии в Цареграде; Княгиня св. Ольга в Цареграде (ТХПАС. III); Два примечания к слову Даниила Заточника, О дарах русским князьям и послам в Византии (Изв. отд. Русск. яз. и слов. Акад. Наук, XIII, 1909).

²) См. также П. Фомин, Церковные древности Харьковского края, Хар. 1916.

³) Старая и отчасти устаревшая литература по новгородским и псковским древностям представлена, главным, образом, сочинениями архим. Макария, Археологическое описание церковных древностей Новгорода и его окрестностей, 2 тт., М. 1860 (рецензию на это сочинение см. во II т. „Сочинений“ В. В. Стасова); И. Д. Мансветова, Церковно-строительная деятельность в Новгороде (ТМАО. VI); В. В. Суслова, Материалы по истории древней новгородской и псковской архитектуры (ЗРАО. III, и отдельно, П. 1888); А. Князева, Указатель достопримечательностей Пскова, 1878; К. Г. Евлентьева, Указатель памятников древности и старины Пскова, 1878; И. И. Василева, Археологический указатель Пскова и его окрестностей, П. 1898. См. также М. В. Толстой, Святыни и древности Пскова 1861; Святыни и древности Великого Новгорода, 1862. Обзор новгородских и псковских памятников дан в VI-м выпуске „Русских древностей“ Толстого-Кондакова, П. 1899.

⁴) Мясоедовым же помещены в „Сборнике Новгородского Общества Любителей Древности“ за 1910 г. статьи: „Краткая запись о Васильевских вратах“; „Никола Липный“; „К истории Нередицкой церкви“.

Мацулевич—о „Знаменском соборе в Новгороде“ (Сборн. Новг. Общ. Люб. Древн. 1911), о „Храмах Детинца на неизданном плане Новгорода XVI в.“ (там же, 1910), о „Фрагментах стенописи в соборе Снетогорского монастыря (ЗРОРАО. X, 1915). Н. В. Покровский дал подробное описание „Древней Софийской ризницы в Новгороде (2 тт., П. 1913. 14). А. И. Успенский исследовал фрески церкви Спаса Нередицы (Зап. Моск. Арх. Инст. III), П. Гусев—иконографию св. Флора и Лавра в Новгородском искусстве (Вестник арх. и ист. XXI), Д. П. Гордеев—Новгородские Феодоровские фрески (ВВ. XXII), И. А. Шляпкин — кресты Новгорода до XV в. („Древне-русские кресты“, П. 1906), В. В. Суслов — церковь Успения Богородицы в селе Волотове близь Новгорода (Труды Моск. Предвар. Комитета XV Археол. С'езда) [1], К. К. Романов—звонницу Тихвинского Богородице-Успенского монастыря Новг. губ. (ИАК. 36) [2]). Имеются работы и обобщающего характера: Г. Г. Павлуцкого по истории Новгородской (и Московской) архитектуры (Киев, 1912) и А. И. Анисимова по новгородской иконописи (София, 1914) [3]). Вообще, за последнее время Новгороду „повезло“: и отдельные учреждения и отдельные лица с жаром обратились к изучению древностей, к спасению и реставрации погибающих памятников новгородской старины. Остается пожелать, чтобы эти благородные усилия привели к желательным результатам.

Равным образом привлекали и привлекают к себе внимание памятники Владимиро-Суздальской области [4]). „О храмах Владимиро-Суздальского княжества XII—XIII вв.“ (Труды Владим. Учен. Арх. Комм. 5, и отдельно, 1902) дал исследование Д. Н. Бережков. По принципиальному вопросу о генезисе владимиро-суздальского зодчества он пришел к заключению, что мастерами, строившими храмы во Владимире и Суздале, были иноземцы, вызванные откуда-то князьями и строившие церкви по своему вкусу, не подчиняясь местному влиянию. Романское влияние, сказывающееся в украшениях церквей, проникло, по мнению Д. Н. Бережкова,

---

[1]) Описание фресок этой церкви дано Л. А. Мацулевичем в „Памятниках древне-русского искусства“.

[2]) Ему же принадлежит статья „Икона Варлаама Хутынского в Новгородском Древлехранилище“ (Новг. Церк. Старина. 1911, № 1)

[3]) О церквах Псковского типа XV—XVI вв. по вост. побережью Чудского озера см. статью П. П. Покрышкина в ИАК. 22, о памятниках псковской церковной старины - заметки Н. В. Покровского (М. 1914).

[4]) Старинная литература: Г. С. Строганов, Дмитриевский собор во Владимире, П. 1849. А. С. Уваров. Взгляд на архитектуру XII в. в Суздальском княжестве. ТIАС. 1871). Н. А. Артлебен. Общий обзор памятников зодчества древней Суздальской области, 1880. В. Т. Георгиевский, Владимир на Клязьме и его достопримечательности, 1896. „Русские Древности“ Толстого-Кондакова. VI.

чрез Галич, причем в этих украшениях должно усматривать не идейно-символическое, а лишь декоративное значение. Замечательные украшения владимиро-суздальских храмов, так наз. прилепы, прекрасно изданы в труде А. А. Бобринского „Резной камень в России. I. Соборы Владимиро-Суздальской области XIII—XIII вв.“ (М. 1916). Георгиевский собор в Юрьеве-Польском послужил предметом исследования К. К. Романова (ИАК. 36) [1].

Значительно менее сделано для изучения столь обильных и разнообразных памятников Москвы. Старинная работа И. М. Снегирева „Памятники Московской древности“ (М. 1842) устарела. Предпринятое им же, в сотрудничестве с Н. Мартыновым, издание „Успенский собор в Москве“ (М. 1856) нуждается в освежении. В более близкое время „История стенописи Успенского собора в Москве“ (М. 1902) изложена А. И. Успенским. Самому внимательному и ученейшему исследованию подверг Я. И. Смирнов Устюжское изваяние св. Георгия, находящееся в Успенском соборе (ТМАО. XV, 1915), где дана история истолкования этого памятника в Москве, прослежена судьба рельефа в Великом Устюге и установлен его итальянский источник. Из остальных работ, посвященных московским памятникам, можно отметить: издания Д. К. Тренева „Иконы царского изографа Симона Ушакова в Московском Новодевичьем монастыре“ (М. 1901); „Иконостас Смоленского собора Новодевичьего монастыря“ (М. 1902); „Памятники древне-русского искусства церкви Грузинской Богоматери в Москве“ (М. 1903); П. П. Покрышкина „Иконы Московского собора Спаса на Бору“, (П. 1913); И. И. Кузнецова „Покровский собор в Москве“ (М. 1900) и общий очерк Н. А. Скворцова „Археология и топография Москвы“ (М. 1913).

Из остальных русских городов памятники лишь некоторых, очень немногочисленных, подвергнуты более или менее обстоятельному рассмотрению или, хотя бы, сопоставлению. При исследовании древностей русских городов отсутствовал какой-либо общий план, оно велось неравномерно и бессистемно, завися, в значительной степени, либо от любви к местным древностям местных любителей, либо вызываясь теми или иными случайными обстоятельствами. Памятники Ростова Великого рассмотрены в сочинениях А. А. Титова („Кремль Ростова Великого“ (М. 1905); „Ростов Великий в его церковно-археологических памятниках“ (М. 1911), Б. Эдинга „Ростов Великий. Углич“ (М. 1914); Ярославля — А. М. Павлинова (ТХПАС.), И. А. Вахромеева

[1]) См его же статью „Святославов крест в Юрьеве Польском“. Сборник Бобринского.

„Церковь пр. Илии“, (Яросл. 1906)[1], Н. Первухина „Церковь Иоанна Предтечи в Ярославле“ (М. 1913); Костромы—Н. В. Покровского („Памятники церковной старины в Костроме“. Вестн. арх. и ист., 1909), В. А. Нарбекова („Костромские церк. древности“, Казань 1916); Звенигорода—арх. Леонида (Московский Звенигород и его уезд в церковно-археологическом отношении“. ТМАО. VII; см. еще К. К. Романов, „О времени построения звонницы Успенского собора в Звенигороде“. ИАИМК. I); Серпухова—Д. К. Тренева („Высоцкий монастырь, его иконы и достопримечательности“, М. 1902); Кашина—Н. Д. Протасова („Кашинские памятники“. ИАИМК. I); Казани—П. Дульского (Памятники Казанской старины“, Каз. 1914 см. также С. П. Покровский, Древности сев.-вост. России, Казань 1916); Старой Ладоги—Н. Ф. Романченка (Древности Старой Ладоги, П. 1906; Волоколамска—И. П. Машкова (Воскресенский собор в Волоколамске. Сборник Уваровой); Полоцка—К. В. Шероцкого (Софийский собор в Полоцке. ЗРОРАО X). Приведенный, далеко неполный подбор литературы показывает насколько случайный характер носило исследование памятников местной русской старины. Работы в этом направлении, хотя бы исключительно регистрационной, предстоит сделать очень много. Лишь после того, как она будет выполнена, когда местные памятники искусства и старины будут зафиксированы и подробно описаны в более или менее связных обзорах, явится возможность не только подвергнуть их детальному исследованию, но и разбить на более или менее точно определенные группы и категории. Археологические богатства окружают нас повсюду, но к, стыду нашему, нужно сказать, что, в научном отношении, они далеко не только не использованы, но и не намечено даже пути, по которым работа в этом направлении должна быть ведена.

Более всего сделано для памятников русской архитектуры и, в последнее время, для памятников русской иконописи. В области изучения русской архитектуры должны быть, с особенным почтением, отмечены труды русских архитекторов, преимущественно воспитанников Академии Художеств, которые много поработали и над изданием и над изучением памятников русского зодчества. Во главе этих архитекторов должен быть поставлен И. И. Горностаев, который в 50-х и 60-х гг. много ездил по России для художественно-исторических разысканий, выполнил множество чертежей, рисунков, обмеров старинных зданий и поместил несколько статей

---

[1]) См. отзыв Н. В. Покровского в „Протоколах общ. собр. РАО. за 1899—1908 гг.“

в Зап. Русск. Арх. Общества. По стопам Горностаева пошли Л. В. Даль, изучавший, в 70-х гг., старинное русское зодчество в Поволжье и в Олонецкой губ.; Н. В. Султанов („Образцы древне-русского зодчества в миниатюрных изображениях“, П. 1881; „Остатки Якутского острога, и некоторые другие деревянные памятники зодчества в Сибири. ИАК. 24, см. также И. И. Серебренников, „Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губ.“, Ирк. 1915; М. Т. Преображенский (Памятники древне-русского зодчества в пределах Калужской губ.“, П. 1891) и, в особенности, В. В. Суслов („Очерки по истории древне-русского зодчества, П. 1889; Русское зодчество по преданиям народной старины; под редакцией же Суслова и при его ближайшем участии выходило издание Академии Художеств „Памятники древне-русского зодчества“). В более близкое время над памятниками древне-русской архитектуры с успехом работал покойный П. П. Покрышкин (Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви. МАР. XIV. Смоленская крепостная стена. ИАК. 32; Благовещенская церковь в Супрасльском монастыре, Гродн. губ. Сборник Бобринского; в сотрудничестве с К. К. Романовым, Древние здания в Ферапонтовом монастыре. ИАК. 28) и Н. Б. Бакланов (Эволюция архитектурных форм в русском провинциальном церковном зодчестве XVIII р. ИАИМК. II, 1922). Из посвященных русскому зодчеству работ не архитекторов можно отметить труды Г. Г. Павлуцкого (Древности Украины. Деревянные и каменные храмы, Киев 1905, изд. Моск. Арх. Общ.) [1]), А. И. Успенского (Императорские дворцы, 2 тт., М. 1914), Г. В. Лукомского (Памятники старинной архитектуры России. I. Русская провинция, П. 1915). А. А. Потапов дал „Общий обзор древней русской гражданской архитектуры“ (ТМАО. XIX. XX), А. М. Павлинов—„Историю русской архитектуры“ (М. 1894).

Для изучения русского орнамента существенные услуги археологии оказал В. В. Стасов, как своим капитальным изданием „Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени (П. 1884), так и своим более ранним исследованием „Русский народный орнамент. Шитье, ткани, кружева“ (П. 1872) [2]).

[1]) См. отзыв П. П. Покрышкина в „Протоколах общ. собр. РАО. за 1899—1908 гг.“.

[2]) См. его же „Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских“, П. 1902, а также издания Н. Е. Симакова „Искусство Средней Азии“ (П. 1879) и „Русский орнамент в старинных образцах художественно-промышленного производства“ (П. 1883). О русском кружеве см. книгу С. А. Давыдовой „Русское кружево“ и отзыв о ней В. В. Стасова, Собр. соч. II. „Узоры старинного шитья в России“ собраны и изданы С. К. Шаховскою (М. 1885).

Сборник „Орнаментов на памятниках древне-русского искусства“ дан в изданиях Н. П. Сырейщикова и Д. К. Тренева (М. 1904) и И. В. Баркова „Мотивы русского орнамента XI—XII вв.“ (М. 1910). Изучение русского орнамента могло бы дать темы для множества работ; пока отметим „Очерки из истории славянского орнамента“ А. Некрасова (П. 1913) [1].

Памятники древне-русской живописи представлены стенописью (фресками) и иконописью. О главнейших трудах, посвященных старинным фрескам—киевским, новгородским и др. [2]—речь была выше. Здесь должно отметить прекрасное издание В. Т. Георгиевского „Фрески Ферапонтова монастыря“ (П. 1911), посвященные замечательному, впервые пущенному в ученый обиход, памятнику монументальной живописи—росписи соборной церкви Рождества Христова в Ферапонтовом монастыре, относящейся к концу XV—началу XVI в. Памятник этот занимает исключительное место в истории русской живописи, так как является как бы связующим звеном между деятельностью известного живописца XV в. Андрея Рублева, с одной стороны, и новым направлением живописи XVI в.—с другой, когда получила развитие новая система храмовой росписи, не историческая, как то было прежде, а на основании хвалебных акафистов и вообще песнопений. В. Т. Георгиевский ставит живопись Ферапонтова монастыря в связь с Новгородским иконописным стилем и впервые восстановляет личность и деятельность русского иконописца Дионисия и его сыновей Феодосия и Владимира [3].

Начало изучения русской иконописи положено было трудами И. П. Сахарова („Исследование о русском иконописании, П. 1849), И. Е. Забелина (Материалы для истории иконописи. Временник Моск. Общ. Ист. и Древн. 1850), Д. А. Ровинского (Обозрение иконописания в России до конца XVII в., 1856, нов. изд. 1903), Ф. И. Буслаева (Общие понятия о русской иконописи, М. 1866—Собрание сочинений, II). В этих трудах установлены были три главных школы иконописного дела на Руси: новгородская, московская и строгановская, и ряд мелких, а также обрисована была

---

[1]) См. также большое издание V. Boutovsky, Musée d'art et d'industrie de Moscou. Histoire de l'ornement russe du X au XVI siècle d'après les manuscripts, 2 тт., Париж 1873.

[2]) См. также А. И. Соболевский, Русские фрески в старой Польше, М. 1916.

[3]) См. отзыв Н. П. Кондакова о труде Георгиевского в „Отчете о 55-м присуждении наград Уварова“. В. Т. Георгиевскому принадлежит также труд „Флорищева пустынь. Историко-археологическое описание“ (Вязники 1896). Два антиминса Ферапонтова монастыря изданы К. К. Романовым во II т. ИАИМК.

и деятельность главных художников-иконописцев: Андрея Рублева, Симона Ушакова и др. Особый интерес к памятникам русской иконописи обнаружился в первом десятилетии текущего века, не затихший и по настоящее время. Оживление этого интереса должно быть, несомненно, связано опять-таки с именем Н. П. Кондакова, который в 1901 г. издал (в „Памятниках древней письменности и искусства") трактат „Современное положение русской народной иконописи", где он говорит о производстве икон в крупных селах и посадах Владимирской и Костромской области: Палехе, Мстере, Холуе, Кинешме и пр. Авторитетный голос выдающегося ученого был услышан, прежде всего, „сверху", и вскоре был образован, с целью способствовать распространению и развитию правильного иконописания в России, упомянутый особый комитет попечительства о русской иконописи, во главе которого, в первые годы его деятельности, стоял Н. П. Кондаков [1]). С этого времени русские старинные иконы стали привлекать к себе такое внимание, что оказалось возможным издание даже особого сборника „Русская икона" (П. 1914), не говоря уже о том, что появилось много отдельных трудов, посвященных изданию и об'яснению тех или иных замечательных икон [2]), описанию собраний их [3]), характеристике некоторых иконописцев [4]), наконец, рассмотрению общих вопросов, связанных с русскою иконописью [5]). Самыми крупными явлениями в литературе по иконописанию должно признать большой труд А. И. Успенского „Царские иконописцы и живопись XVII в." (4 тт., М. 1913—16) и, в особенности, „Материалы для истории

[1]) Комитет издавал периодический „Иконописный сборник".

[2]) См., напр., Е. К. Редин, Икона „Недреманное око", Харьков 1901. Н. П. Сычев, Икона св. Троицы в Троице-Сергиевой лавре (ЗРОРАО. X). В. П. Гурьянов, Две местные иконы св. Троицы в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры и их реставрация, М. 1906; Иконы Спасителя письма Симона Ушакова, М. 1907.

[3]) См., напр., А. И. Успенский, Иконы церковно-археологического музея Общ. Любителей Дух. Просв., М. 1900—5. Н. П. Петров, Альбом достопримечательностей музея при Киевской Дух. Академии, Киев 1912—7. П. П. Муратов, Древне-русская иконопись в собрании И. С. Остроухова. М. 1914.

[4]) Напр., Н. П. Лихачев, Манера письма Андрея Рублева, П. 1907 (Памятн. Общ. Любит. Древн. Письм. 26). М. и В. Успенские, Св. Алимпий и Андрей Рублев, М. 1911.

[5]) А. И. Успенский, Очерки по истории русского искусства. Древнерусская живопись (XV—XVII в.), П 1907. Н. Ф. Селиванов, Очерки русского иконописания, П. 1910. Г. Г. Павлуцкий, О происхождении древнерусской иконописи. КУИ. 1914, № 6. Е. Н. Трубецкой, Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древне-русской религиозной живописи, М. 1916. Н. Д. Протасов, Иконология нижнего яруса иконостаса XIV—XV в. Богосл. Вестник, 1916. Некоторые труды, относящиеся к русской иконописи, указаны выше.

русского иконописания“ Н. П. Лихачева (2 части, П. 1907) [1].
В этих „Материалах“, на 419 фототипических таблицах, воспроизведены памятники иконописи, главным образом, из собрания Н. П. Лихачева, поступившего, затем, в Русский музей в Петрограде. В издании Н. П. Лихачева материал расположен в приблизительном хронологическом порядке: памятники иконописи византийской, итало-критской, новгородской, псковской, московской, строгановской, ярославской и др. В пределах каждого отдела материал дан в обычной системе: икона Спасителя, Богоматери, главных праздников, святых и пр. Как дополнение, в целях исторического сравнения, во 2-й части труда дается подбор миниатюр, приведенный в хронологическом порядке, из греческих и русских лицевых рукописей. По замечанию Н. П. Кондакова, издание Лихачева „сделало более всех других, доселе появившихся сочинений обозрений и монографий для пробуждения научного исторического интереса к русской иконописи“; остается лишь дать к „Материалам“ научный об‘яснительный текст.

Для многочисленных памятников разнообразных отделов русского художественного и народного ремесла должно указать на некоторые важные издания. Таковыми являются труды Д. А. Ровинского „Русские народные картинки“ (5 тт., П. 1881; есть и новое издание), „Материалы для русской иконографии“ (П. 1882), „Русские граверы и их произведения“, „Подробный словарь русских гравированных портретов“ и др.; В. А. Прохорова „Русские древности“ (П. 1870), „Христианские древности“ (1878), „Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной“ (П. 1881); И. Голышева „Памятники старинной русской резьбы по дереву во Владимирской губ. (1876) [2]; А. А. Бобринского „Народные русские деревянные изделия, предметы домашнего хозяйства и отчасти церковного обихода“ (М. 1910); П. К. Симони „Древнейшие церковные оклады XII—XIV столетий“ (П. 1910); „Собрание изображений окладов на русских богослужебных книгах XII—XVII в.в. (П. 1910); Мстиславово Евангелие начала XII в.“ (П. 1910); А. В. Филиппова „Русские поливные изразцы XVI в.“ (М. 1915). И до сих пор не утратили своего значения старинные исследования И. П. Сахарова и И. Е. Забелина о металлическом производстве в России до XVII в. (ЗРОРАО. I и ЗРАО. V), а равно и почтенный труд П. И. Савваитова „Опись старинных рус-

---

[1]) См. рецензии Н. П. Кондакова, ЖМНП. 1907, апрель, и Д. В. Айналова, ВВ. 1911.

[2]) О трудах Д. А. Ровинского, В. А. Прохорова и Голышева, см. В. В. Стасов, Сочинения, П. В III т. ТХІVАС. (1911) Я. И. Смирнов издал „Описание одного польского сборника портретов XVII в.“, а в Сборнике Уваровой поместил статью „Мнимый портрет племянницы Грозного“.

ских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора в азбучном порядке расположенное“ (посмертное издание, под редакцией А. Ф. Бычкова, напечатано в ЗРАО. IX [1]).

Предметы русской старины хранятся не только в правительственных и общественных музеях России, но и в многочисленных частных собраниях. Из них далеко не все каталогизированы и описаны; но для наиболее замечательных из них все же имеются описательные каталоги, как-то: „Каталог собрания древностей гр. А. С. Уварова“ в Поречье, составленный П. С. Уваровой; „Собрание Б. И. и В. И. Ханенко“ (в Киеве); „Собрание предметов русской старины кн. В. П. Сидамон-Эристовой и Н. П. Шабельской“.

Русские монеты стали собирать, классифицировать и изучать едва ли не ранее, чем все остальные памятники русской старины. Не касаясь более ранних трудов по русской нумизматике, отметим капитальные труды И. И. Толстого по русской допетровской нумизматике [2]); вел. кн. Георгия Михаиловича—по нумизматике послепетровской; А. В. Орешникова „Русские монеты до 1547 г. Исторического музея“ (М. 1896); работы А. А. Ильина (напр., „Топография кладов серебряных и золотых слитков“, П. 1921; статьи в I т. ИАИМК); И. И. Кауфмана (Серебряный рубль в России, ЗНОРАО. II); С. И. Чижова (К истории денежного производства на Руси за царский период. Сборник Уваровой. Дроздовский клад русских денег времени вел. кн. Василия Дмитриевича Московского, П. 1922); А. А. Сиверса (Топография кладов с пражскими грошами, П. 1922) и т. д. Для русских медалей важны труды Ю. Б. Иверсена („Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц“, П. 1878—83).

Из представленного обзора литературы по русской археологии видно, в каких направлениях и насколько полно обсуждались в этой литературе те или иные отделы памятников русского искусства и старины. Хотя и много сделано, особенно за последнюю четверть века, но предстоит сделать еще гораздо больше; работы хватит на много поколений, и потребует она большого количества деятелей. Для того, чтобы работа эта была несколько облегчена, полезно подводить, от времени до времени, итоги сделанному. Такие попытки предприняты были за последнее время. О „Русских древностях“ Толстого-Кондакова речь была выше; приходится сожалеть о том, что это полезное издание остановилось на шести выпусках. Для курганных

---

[1]) См. еще В. И. Троицкий, Словарь. Мастера-художники золотого и серебряного дела, алмазники и сусальники, работавшие при патриаршем дворе в XVII в., М. 1914.

[2]) Перечисление и характеристику их см. в составленном мною некрологе И. И. Толстого, ЖМНП. 1916, июль.

древностей справочным пособием может служить сочинение Д. Я. Самоквасова „Могилы русской земли. Описание археологических раскопок и собраний древностей“ (М. 1908). Желательно было бы, чтобы нашлись такие знатоки курганных русских (не классических и не „скифских“) древностей, которые дали бы исторические обзоры их по определенным хронологическим эпохам, возможно, разумеется, более точным,—иными словами, установили бы для курганных древностей известную историческую преемственность и последовательность, нечто — но в более совершенном и полном виде, — в роде того, что̀ сделано было, в свое время, в „Записке для обозрения русских древностей“ И. П. Сахарова (ЗРОРАО. I). Такие обзоры, конечно, не исключают обзоров русских курганных древностей, составленных по иному принципу, или принципам, например, топографическому—по местам находок, или по районам, систематическому—по типам, или по тем или иным характерным признакам и т. п. [1]). Преимущество исторического обзора состоит в том, что он, в значительной степени, поможет включить наиболее значительные и типичные курганные древности в будущую общую историю русского искусства [2]).

Мы сознательно говорим о будущей истории русского искусства, так как имеющиеся сочинения по этому предмету являются лишь „пробными шарами“ в этом направлении. Историю русского искусства пробовали сочинять уже давно иностранцы, но пробы эти и в свое время серьезного значения не имели, а теперь и подавно [3]).

---

[1]) Такого рода обзоры, или группировки курганных древностей предпочтительнее обзоров, или группировок их по так называемым культурам в виду того, что в некоторых случаях самое понятие и термин „культура“ получают настолько широкое и расплывчатое значение, что утрачивается надлежащее представление о той или иной определенной культуре. Обзоры курганных древностей по культурам должны, во всяком случае, завершать, а не предварять всякого рода иные обзоры. Образцом обзора и исследования курганных находок по „культурам“ является труд А. С. Уварова „Меряне и их быт по курганным раскопкам“ (ТIАС), А. А. Спицына „Памятники лятэнской культуры в России“. (ИАК. 12). Образцом обзора курганных древностей, составленного по топографическому принципу, может служить труд В. Г. Ляскоронского „Городища, курганы, майданы и длинные (змеевидные) валы в области днепровского левобережья“ (М. 1911), Н. Романцева „О курганах, городищах и жальниках Новгородской губ.“ (Новгород 1911), В. В. Хвойка, „Поля погребений в среднем Поднепровье“ (ЗРОРАО. XII).

[2]) Для русской истории подобного рода задача намечена в статье Ю. В. Готье „Что дала археологическая наука для понимания древнейшего периода русской истории“ в Сборнике Уваровой.

[3]) Имею в виду книги E. Viollet le Duc, L'art russe, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir, Пар. 1877. A. Maskell, Russian art and art objects in Russia. A handbook to the reproductions of Goldsmiths work and other art treasures from that country in the South Kensington Museum, Лонд., 1884. О книгах Виолле ле Дюка и Маскеля см. у В. В. Стасова во II т. его „Сочинений“.

В начале XX в. А. П. Новицкий издал двухтомную „Историю русского искусства“ (М. 1899 — 1903), — труд прилежный, но всецело компилятивный, к тому же обладающий более недостатками, чем достоинствами, и потому оставшийся у нас незамеченным. Напротив, начавшая выходить с 1910 г. и остающаяся пока незаконченной „История русского искусства“ под общей редакцией и при ближайшем участии художника И. Э. Грабаря сразу же при своем появлении стала пользоваться большим сочувствием. С художественной стороны, предприятие И. Э. Грабаря стоит на высоте: оно прекрасно напечатано и снабжено обильными, отлично выполненными и умело подобранными иллюстрациями. В научном отношении „История русского искусства“ Игоря Грабаря имеет лишь относительную ценность, так как не все отделы и под‘отделы ее разработаны с одинаковою научною компетентностью. Во всяком случае, желательно, чтобы это издание было завершено: в смысле умело подобранного и до известной степени систематизированного материала оно послужит для будущей истории русского искусства отличным подспорьем.

49. В этой истории должно быть отведено свое место, в качестве вступительной главы, и доисторическим памятникам России. Ими у нас всегда очень интересовались, но интересовались более полюбительски, чем научно, чему, впрочем, удивляться не следует, принимая во внимание, что доисторическая археология и на Западе лишь за последнее время встала на строго-научную базу. Пока в русской доисторической археологии работы сосредоточивались, почти исключительно, в области сопоставления и некоторой систематизации материала по отдельным периодам, и такой способ занятий должен быть признан вполне правильным там, где не может быть и речи о подведении общих итогов, или установлении общих положений. Начиная с основоположника русской доисторической археологии, А. С. Уварова, давшего, в двух томах, своей „Археологии России (М. 1881) обозрение ее каменного периода, последнему посвятили свои работы П. Симсон (Каменный век, П. 1905, см. рецензию А. С. Лаппо-Данилевского в ЖМНП. 1906, июль), А. А. Спицын (Русский палеолит. ЗРОРАО. XI, 1915), В. Б. Антонович (Каменный век на Волыни в ТXIАС), Н. Ф. Высоцкий (Каменный век в Казанской губ. ИОАИЭ. XVIII, 1908), К. Болсуновский (Символика эпохи неолита, Киев 1908), В. Е. Данилевич (Остатки неолитической культуры на территории Херсонеса. Чтения в Истор. Общ. Нестора Летописца, XXI, 1909—10), В. В. Хвойко (Каменный век среднего Приднепровья в ТXIАС. Киево-кирилловская палеолитическая стоянка и культура эпохи Мадлэн. Археол.-Ле-

топись южной России, 1903)[1], Д. Я. Самоквасов (Палеолитические кухонные остатки в сел. Костеньках, Воронежской губернии. ТМАО. IX), Ф. К. Волков (Палеолитическая стоянка в сел. Мезине, Черниговской губ. TXIVAC), В. А. Городцов (Жилища неолитической эпохи в бассейне р. Оки TVIIIAC. III). О бронзовом веке в России имеются работы А. Ф. Лихачева (Следы бронзового века в Казанской губ. TVIIIAC), Штукенберга (Материалы для изучения медного и бронзового века восточной половины России. ИОАИЭ. XVII), В. В. Хвойка (Начало земледелия и бронзовый век в среднем Приднепровье. TXIIIAC); о так называемых дольменах в Крыму—Н. И. Репникова (Изв. Тавр. Учен. Арх. Комм. XXII. XXIII, 1908—10); о Галльштатской культуре—А. А. Спицына (Скифы и Гальштатт. Сборник Бобринского). А. А. Спицыну, много поработавшему над первобытными древностями России, принадлежит также обработка материала, оставшегося после Л. К. Ивановского, производившего в свое время раскопки курганов Петербургской губ. (МАР. 20, 1896)[2], а также, помимо указанных выше работ, статья „Курганы с окрашенными костями" (ЗРАО. XI[3]). Наряду с А. А. Спицыным, вопросами доисторической археологии из петербургских археологов много интересовался Н. И. Веселовский[4], посвятивший свои работы, между прочим, „каменным бабам" (Мнимые каменные бабы. Вестн. арх. и ист. XVII, 1905. Современное состояние вопроса о „каменных бабах" или „балбалах". ЗООИД. XXXII, 1915)[5]. В Москве доисторическая археология — область ведения В. А. Городцова, составившего „Обзор важнейших памятников доисторического отдела в Историческом музее" (М. 1912), написавшего работу о „Русской доисторической керамике" (TXIAC.) и издавшего „на правах рукописи", читанный им в Московском Археологическом Институте курс лекций по „Первобытной Археологии" (М. 1908), где материал расположен в таком порядке: происхождение человека, древность человека, основа хронологической классификации, определение памятников первобытной археологии, определение и чтение коллективных памятников первобытной архео-

---

[1]) См. также Н. Ф. Беляшевский. Следы пребывания первобытного человека на берегах Днепра вблизи Киева. TVIIIAC.

[2]) См. также Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР. 18. 1895, и труд А. А. Иностранцева „Доисторический человек побережья Ладожского озера" (П. 1882).

[3]) Об окрашенных костяках писал и Ю. А. Кулаковский в TXIAC. I и КУИ, 1905. №№ 3—6.

[4]) См. его статью „Алебастровые глиняные статуэтки до-микенской культуры в курганах южной России и на Кавказе". ИАК. 35 (1910) и курс лекций, читанных им в Петербургском Археологическом Институте „Первобытный человек" (П. 1902).

[5]) См. также Ю. А. Кулаковский, К вопросу о каменных бабах. АИЗ., VI. 1908.

логии, эолитическая эпоха, палеолитическая эпоха, пора тесанных орудий, пора сколотых орудий, неолитическая эпоха, пора полированных орудий, пора сверленых орудий. Очерк культуры в доисторические времена древних обитателей среднего Приднепровья дал В. В. Хвойко на основании результатов произведенных им раскопок (Киев, 1913; см. рецензию И. Н. Бороздина в „Научном Истор. Журнале", 1914, № 3) [1].

50. Представленный очерк занятий русских ученых археологией имел целью показать, в каком направлении велась ими работа, в каких, преимущественно, областях археологии ими достигнуты наибольшие и наиболее прочные успехи. Не впадая в хвастовство, должно сказать, что успехи эти значительны, что археология заняла у нас прочное место. Но как бы много ни было сделано в области изучения вещественных памятников искусства и старины, в будущем остается много работы и „черновой" и „чистовой", и аналитической и синтетической. Эта предстоящая работа была бы, думается, в значительной степени облегчена, если бы оказались выполненными следующие главные задания.

А) Не только теоретическую, но и практическую разработку всех вопросов, относящихся к археологии в России, нужно сосредоточить в одном правительственном ученом учреждении, которое являлось бы высшей и, вместе с тем, окончательной инстанцией, не только с совещательнными, но и с исполнительными функциями. На обязанности этого учреждения лежало бы: а) добывание предметов искусства и старины, хранящихся в недрах земли, иными словами, производство раскопок и разведок на землях государственных и общественных; б) разрешение права производства раскопок, под своею ответственностью и, по возможности, с участием своего представителя, иным, как правительственным и общественным учреждениям, так и частным лицам; в) точный учет всем делаемым в России случайным находкам; г) распределение предметов искусства и старины, поступающих в ведение или распоряжение этого учреждения, между существующими правительственными и общественными собраниями памятников древности; д) регистрация, надзор и наблюдение над памятниками искусства и старины, находящимися на территории России, поскольку эти памятники не являются предметом попечения о них иных правительственных учреждений и общественных организаций, или владельцев частных собраний; е) попечение о сохранении и об исправном состоянии этих памятников и разрешение на их реставрацию и ремонт; ж) при полной

---

[1] См. также И. А. Бороздин. Некоторые итоги русских археологических исследований последних лет. ТАМО. XXIII.

самостоятельности внутреннего управления и распорядка существующих и имеющих быть открытыми археологических музеев, об'единение деятельности этих последних при посредстве особого совещания, в которое входили бы представители отдельных музеев. Отмечая лишь некоторые из заданий, подлежащих этому общему высшему правительственному учреждению, ведающему археологией в России, охотно допуская, что эти задания могут быть дополнены, сокращены, изменены и т. п., мы настаиваем на двух непременных условиях: это учреждение, поскольку археология есть научная дисциплина, должно быть организовано по образцу и типу ученых учреждений, и руководство им должно быть вручено компетентным ученым, с надлежащею теоретическою и практическою подготовкою в области археологии; далее, учреждение это, в качестве высшей и последней инстанции, должно быть одним в государстве, иными словами, нельзя считать нормальным такое положение, при котором всякого рода археологические дела и вопросы начинались бы и обсуждались бы в одном месте и одними лицами, получали бы разрешение в другом месте и от других лиц, приводились бы в исполнение еще иными лицами и т. д. И начало, и прохождение и конец всякого дела и вопроса, касающиеся археологии, должны протекать в одном месте, при участии одной ответственной за свою деятельность коллегии, при самом широком, конечно, контроле за этой деятельностью, но не вмешательстве в нее, со стороны правительственной власти. Короче говоря, археология в России должна получить один „центр“, от усмотрения которого будет зависеть, в случае надобности, развить деятельность из этого „центра“ по тем или иным „радиусам“.

Б) При первой же возможности необходимо, чтобы Русский Археологический Институт в Константинополе не только возобновил свою деятельность, но и чтобы при Институте этом открыто было его филиальное отделение в Афинах. Наряду с этим представлялось бы крайне желательным основание и надлежащее оборудование другого археологического института в одном из европейских центров—целесообразнее всего это было бы сделать в Риме. Оба эти института, и Константинопольский и Римский должны были бы быть организованы по типу существующих заграничных археологических институтов. В них русские ученые археологи, находясь на „классической“ почве и пребывая в научном общении с своими западно-европейскими коллегами, могли бы усовершенствовать свои занятия, каждый по предмету своей специальности. Наши заграничные археологические институты, преследуя и выполняя специальные исследовательские задачи, должны были бы, вместе с тем, служить и тою высшею археологическою школою, где

командируемые в них начинающие или молодые ученые завершали бы свое археологическое образование.

В) В России это образование должно быть сосредоточено не в каких-либо специально археологических институтах, или институтах истории искусств, или на особых археологических курсах, а исключительно в университетах, в которых преподавание археологии и истории искусства должно быть расширено и углублено во всех ее отделах и подразделениях, причем необходимо организовать специальную кафедру по археологии России.

Г) Необходимо широко поставить издание научных каталогов памятников искусства и старины, хранящихся в государственных, общественных и частных собраниях.

Д) Необходимо создание строго-научного периодического, выходящего чрез определенные, не слишком большие, промежутки времени, органа по археологии, в роде французского „Revue archéologique“, где, помимо статей научного характера, должен быть широко поставлен отдел критики, библиографии и археологической хроники [1]).

Е) Желательно составление систематического указателя книг и статей по археологии, напечатанных в России по настоящее время [2]).

Ж) Еще более необходимым представляется составление общей строго-научной истории искусства, с древнейших времен, viribus unitis русских ученых, из которой каждый мог бы взять тот или иной отдел, или отделы по своей специальности. Осуществление такого предприятия, надлежаще иллюстрированного и снабженного необходимым научным аппаратом, дало бы возможность современным русским ученым подвести итоги тому, что̀ сделано в области истории искусства в предшествующее время, что̀ нового внесли они сами в общую сокровищницу знания, и разрешение каких вопросов остается на долю грядущего поколения. Появление такой общей истории искусства подготовило бы, в будущем, и составление общего руководства по археологии на русском языке и трудами также русских ученых.

---

[1]) Из бывших у нас до сих пор археологических журналов, наиболее удовлетворяли научным требованиям „Известия Археологической Комиссии“. Остальные журналы, как, напр., издававшийся Академией Художеств в 1883—1890 гг. „Вестник изящных искусств“ и, в более близкое к нам время, „Старые годы“, „Аполлон“, „Художественные сокровища России“, „Археологическая летопись южной России“, „Зодчий“, „София“, „Баян“, „Золотое Руно“, и пр., содержа в себе много интересного и ценного материала, приближались все-таки скорее к типу журналов научно-популярного характера, а не строго-научного. Много важного материала специально по русской археологии содержится в издававшемся, под редакцией Г. Д. Филимонова, в Москве, в 70-х гг., „Вестнике общества древнерусского искусства при Московском Публичном Музее“.

[2]) Образцом мог бы служить такой же указатель по греческой филологии, составленный П. И. Прозоровым.

Библиографическое дополнение.

Во время печатания книги в Петрограде получен был первый том труда, составленного профессорами Лейпцигского университета и изданного по поручению берлинского представительства Народного Комиссариата Просвещения: „Systematische Bibliographie der wissenschaftlichen Literatur Deutschlands der Jahre 1914—21, herausgegeben von Dr. Friedrich Braun[1]) und Dr. Hans Praesent" (Берлин 1922). Считая для себя принципиально недопустимым ссылаться на такие новые археологические труды, с которыми я не имел возможности ознакомиться воочию, заимствую из указанной „Систематической библиографии" сведения о тех сочинениях, которые упомянуты выше, и продолжение которых или новое издание их появилось в период времени с 1914 г. Цифры относятся к страницам моей книги (цифры в скобках—соответствующие примечания).

61 (5) Milet. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit d. J. 1899. Hrsg. v. Th. Wiegand. Bd. I, 3—5. II, 1, Берл. 1914—21.

78. „Italienische Forschungen" Румора вышли новым изданием во Франкфурте, 1920.

81. „Urgeschichte der bildenden Kunst" Гёрнеса, 2 изд., Вена 1915.— „Christliche Antike" Зибеля появились, повидимому, 2-м изданием в Мюнхене в 1920 г. под заглавием „Frühchristliche Kunst".

83. (2) Руководство Шпрингера-Михаэлиса вышло в 1920 г. 11-м изданием, в обработке Вольтерса.

84. Сочинение Вёрмана вышло, в 6 том., 2-м изданием, Лпц. 1915—21.

93. Из „Энциклопедии" Паули—Виссова—Кролля до 1922 г. вышли в свет т. IX—XI, 1. 2-te Reihe, т. I A. 2 A 1. Supplement т. III.

В вышедшем, во время печатания книги, II томе „Известий Академии Истории Материальной Культуры" (1922) помещены, между прочими, следующие статьи:

140 (2). А. В Орешников, Этюды по нумизматике Черноморского побережья; Олицетворение общины Херсонеса Таврического по монетам. А. Н. Зограф, Статуарные изображения Девы в Херсонесе по данным нумизматики.

144 (1). К. В. Тревер, Красно-фигурный лекиф с изображением Артемиды.

144 (5). М. В. Фармаковский, Горит из кургана Солохи. Г. И. Боровка, Бронзовый олень из Ульского кургана.

151 (2). М. И. Максимова, Одиссей у Кирки по чашам Бостонского музея. Т. Н. Книпович, Три вазы стиля Вурва в Эрмитаже. О. Ф. Вальдгауер, Афродита Пандемос и Афродита Урания.

---

[1]) Хорошо всем нам знакомый профессор Петроградского университета, Федор Александрович Браун.

СОКРАЩЕНИЯ.

АИЗ.—Археологические Известия и Заметки.

ВВ.—Византийский Временник.

ЖМНП.—Журнал Министерства Народного Просвещения.

ЗВОРАО.—Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества.

ЗКОРАО.—Записки Классического Отделения Русского Археологического Общества.

ЗНОРАО.—Записки Нумизматического Отделения Русского Археологического Общества.

ЗООИД.—Записки Одесского Общества Истории и Древностей.

ЗРАО.—Записки Русского Археологического Общества.

ЗРОРАО. — Записки Отделения русской и славянской археологии Русск. Арх. Общ.

ИАК.—Известия Археологической Комиссии.

ИАИМК.—Известия Академии Истории Материальной Культуры.

ИКИ. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе.

ИОАИЭ. — Известия Общества Археологии, Истории и Этнографии при Каз. Унив.

КУИ.—Известия Университета св. Владимира.

М.—Москва.

МАР.—Материалы по археологии России, издаваемые Археологической Комиссией.

НЭС. — Новый Энциклопедический Словарь. Издание Брокгауза-Ефрона.

ОАК.—Отчеты Археологической Комиссии.

П.—Петербург (Петроград).

ПММ.—Памятники Музея Изящных Искусств в Москве.

ППС.—Православный Палестинский Сборник.

Сборник Бобринского – Сборник археологический статей, поднесенный А. А. Бобринскому, П. 1911.

Сборник Бузескула—Сборник статей в честь В. П. Бузескула, Харьков, 1913—14.

Сборник Мальмберга — Сборник в честь Вл. К. Мальмберга, М. 1917.

Сборник Никитина — Commentationes Nikitinianae. Сборник статей в честь П. В. Никитина, П. 1900.

Сборник Помяловского — Commentationes philologicae. Сборник статей в честь И. В. Помяловского, П. 1897.

Сборник Соколова — Stephanos. Сборник статей в честь Ф. Ф. Соколова, П. 1895.

Сборник Уваровой—Сборник статей в честь П. С. Уваровой, М. 1916.

Сборник Штерна—Propemptêria. Сборник статей в честь Э. Р. Штерна (=ЗООИД. XXX), Од. 1912.

СПО.—Сообщения Палестинского Общества.

СХИФО. — Сборник Харьковского Историко - Филологического Общества.

Т I (II . .) АС.—Труды I (II . .) Археологического С'езда.

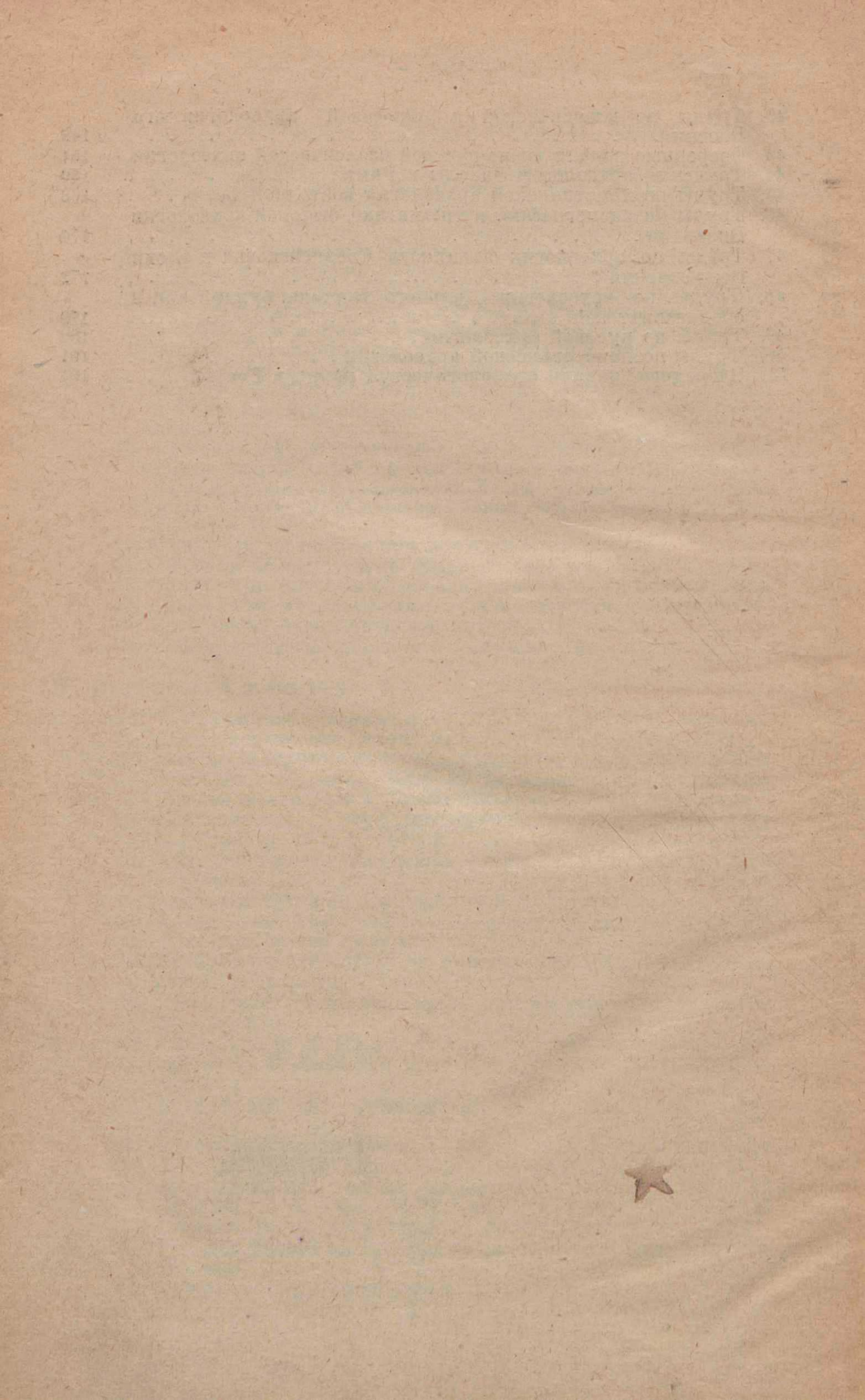
ТМАО.—Древности. Труды Московского Археологического Общества.

ФО.—Филологическое Обозрение.

ХВ.—Христианский Восток.

СОДЕРЖАНИЕ.

V. Археология в России.

2011111263